

ИСТОРИЯ

SOVIET JEWRY EDUCATION
& INFORMATION CENTER
9 ALKALAI ST. TEL. 02-636279
JERUSALEM 91223

АВРААМ ИТАИ И
МОРДЕХАИ НЕИШТАТ

ЧЕРЕЗ ТРИ
ПОДПОЛЬЯ

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

АВРААМ ИТАИ И МОРДЕХАИ НЕИШТАТ

ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ

30

АВРААМ ИТАЙ И МОРДЕХАЙ НЕИШТАТ

ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ

АВРААМ ИТАЙ И МОРДЕХАЙ НЕЙШТАТ

ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ

**ИЗ ИСТОРИИ ХАЛУЦИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ
“НЕЦАХ” В ЛАТВИИ**

Сокращенный перевод с иврита

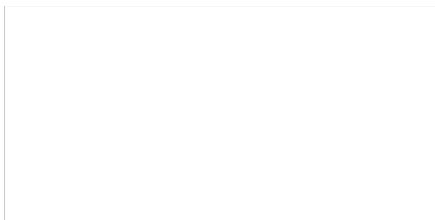
БИБЛИОТЕКА “АЛИЯ”

קורותיה של תנועה —

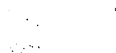
נ.צ.ח. בלטביה

/

**Cronicle of a Zionist Underground Movement
in Latvia**

ציור העטיפה: שרה ברקאי

All rights reserved

כל הזכויות שמורות

ל"ספריה עליה"

ת"ד 7422, ירושלים

הוצאת לאור בסיוע :

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

וקרן הזכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

נדפס בישראל

1976

דפוס מופת, ת"א

OCR Давид Титиевский, сентябрь 2020 г., Хайфа

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------	---

Часть первая

Евреи Латвии	11
Период "Бар-Кохба"	32
Переход организации на халуцианский путь	43
Воспитательная работа	55
Хахшара и алиа	66
Движение в Латвии и его место во всмирной организации Гашомер гацаир	76
Движение Гашомер гацаир в СССР	82
Путь латвийской организации	89
Нецах и Гакибуц гамеухад	94
Переворот 15 мая 1934 г. в Латвии	98
Война	104

Часть вторая

В гетто	122
В Советском Союзе в годы войны	133
Дни ожидания	157
Пути бегства	168
Центр во Львове	198
Этап второй	215
Испытание	228
Приложение	257

Предисловие

В кибуцах и городах Израиля рассеяны питомцы скаутско-халуцианской организации Гашомер гацаир* -- в сокращении Нецах — Латвии и Эстонии.

В 1946 году инициативная группа Нецах решила собрать в архивах свидетельства об истории этого движения, а также произвести опрос бывших его воспитанников, чтобы увековечить печатный памятник этому своеобразному молодежному движению, — но лишь в 1967 году началась практическая работа по сбору материала.

Организация Нецах существовала в независимых прибалтийских республиках — наряду с другими сионистскими движениями — между двумя мировыми войнами. Установление советской власти в июле 1940 года положило конец легальной деятельности Нецах. В результате кровопролитной войны 1941—1945 гг., сопровождавшейся зверским истреблением евреев нацистами, казалось бы, иссякла надежда, что уцелевшие члены организации смогут оправиться от таких страшных ударов и возобновить активную деятельность в крайне тяжелых для конспирации условиях.

Алия,** создание новых кибуцных поселений и строительство Эрец Исраэль — на этом воспитывала организация каждого, кто вступал в нее, и никакие компромиссы на пути к достижению этой цели не допускались. Подавляющее большинство уцелевших после войны и катастрофы европейского еврейства товарищей остались верны этим идеалам. В разгар войны с нацистами и особенно после возвращения

* Здесь и далее звук "ה" (латинское "h") в ивритских словах передан через русское "г", если это соответствует сложившейся традиции, и через "х" во всех остальных случаях. (Прим. редакции.)

** Слова и понятия, труднопереводимые на русский язык, оставлены на иврите. См. приложение в конце книги.

уцелевших из родные пепелища делались попытки прорваться через замкнутую советскую границу к борющемуся за независимость ишуву Палестины.

В 1945 году несколько десятков евреев Латвии, рискуя свободой и жизнью, пересекли границу Польши. Среди них был и Шмуэль (Мулька) Иоффе. Он, один из руководящих членов Нецах, с помощью нелегально действовавшей в послевоенной Европе организации Бриха (Побег в Эрец Исраэль), пересек границы государств и оккупационных зон и, добравшись до Италии, заявил ошеломленным товарищам из Мерказ ла-гола при палестинской Еврейской бригаде, что решил вернуться в Советский Союз: "Если я мог добраться сюда, они тоже смогут, но необходимо рассказать им, что есть путь".

Аналогично поступил и другой член Нецаха Копл Скоп, который по заданию центра Бриха добровольно отправился из Польши в Советский Союз для организации переброски евреев в Палестину.

О нелегальной переправке из Советского Союза нескольких сот евреев — воспитанников разных сионистских молодежных организаций, сионистских деятелей и осиротевших после Катастрофы детей — рассказано во второй части этой книги, написанной Мордехаем Нейштатом (одним из основателей кибуца Эй-Гев).

В первой части книги Авраам Итай (член кибуца Кфар-Гилади с 1933 г.) подробно изложил путь национально настроенной еврейской молодежи от скаутской организации к активному халуцианскому движению и идейную схватку набирающего силу халуцианского сионизма в Прибалтике с косной ортодоксально-религиозной традицией, с ассимиляторскими тенденциями евреев либерального Запада и со страстными призывами Востока построить новый мир по его образцу. Автор детально описал основанную на положительных духовных и моральных ценностях воспитательную систему, целью которой была подготовка молодого еврея к активному содействию осуществлению идеи сионизма (хагшама ишит) путем интеллектуальной, этической

и физической подготовки для жизни в Эрец Исраэль в киббуце. Рассказано, как движение* отстаивало свой путь во всемирной молодежной организации Гашомер гацаир и как пришлось затем — на почве идейно-политических разногласий — выйти из нее. Говорится о духовном и организационном влиянии на движение Нецах российского Гашомер гацаир в первые годы революции и впоследствии, когда его воспитанники — бывшие подпольщики, отчаянно боровшиеся за душу еврейской молодежи в Советском Союзе, а затем ставшие основоположниками образцовых киббуцов в Палестине, — прибыли в качестве шлихим (посланцев-инструкторов) для работы в братской организации, выделяя для этой цели своих лучших людей.

Редакция книги имела первоначально в виду ограничиться историей движения в 1920—1941 гг., т.е. легального периода в годы демократического строя в Латвии, полулегального — в годы ульманисовской диктатуры и подполья — в советский период до вторжения нацистов. Однако тесная связь между бывшими членами Нецах, сохранившаяся также после установления в Латвии советской власти, их подпольная деятельность, а главное — их видная (хотя и не исключительная) роль в истории Исхода из Советского Союза в 1945—46 гг. — оправдывает вторую часть книги.

При переводе на русский язык пришлось значительно сократить первую часть книги: в оригинале она рассчитана на читателя, который близко знаком с историей халуцианских движений в странах рассеяния между двумя мировыми войнами и с ролью этих движений в строительстве Эрец Исраэль. Много деталей и событий не представляют интереса для современного читателя на русском языке и, может быть, даже непонятны ему. Во второй части — более близкой к нам по времени — сокращений почти нет.

Эта книга, несомненно, привлечет внимание ученого, который в будущем возьмется за благородную

* Организацию, объединение или общественную группу часто называют движением.

задачу написать историю нашего Возрождения, ибо она описывает одно из халуцианских движений в почти исчезнувшей еврейской общине на окраине Европы — движение, которое внесло свой вклад в строительство государства Израиль.

Читателю сокращенного русского издания дана возможность ознакомиться со своеобразной главой в истории алии из Советского Союза и с одним из молодежных движений в диаспоре, для которого сионизм был равнозначен алии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЕВРЕИ ЛАТВИИ

Латвия расположена на стыке западного и восточного мира. Это предопределило характер и особенности ее политико-экономической и общественно-культурной жизни.

В эпоху царизма латвийская земля была одним из главных "окон" России в Европу и во весь западный мир. Когда в последней трети минувшего столетия Россия стала на путь индустриализации и капиталистического развития, торгово-промышленный рост Латвии значительно ускорился, и край стал одной из самых высокоразвитых и передовых областей Российской империи. Значительная часть русского внешне-торгового оборота проходила через удобные и незамерзающие порты Латвии (соединенные впоследствии с важнейшими центрами России железнодорожными магистралями) и по Западной Двине. Уже на пороге нашего столетия рижский морской порт соперничал со столичной гаванью Петербурга, а также с основными морскими воротами юга — Одессой. Девяностые годы ознаменовались также значительным ростом промышленности — в особенности в Риге и Лиепае (Либаве). В начале нашего столетия в Риге с населением в 290 тысяч человек насчитывалось 56 тысяч фабричных рабочих.

Начиная с конца XI века, в связи с проникновением Тевтонского ордена и ганзейских купцов, западные латвийские земли — Лифляндия и Курляндия (согласно латвийскому административному делению: Видземе, Курземе и Земгале) находятся в постоянной тесной связи с Европой. Балтийское море связывало побережье Латвии со Швецией, Германией, Данией и всей Западной Европой. С другой стороны, по латвийской земле пролегалла одна из главных дорог в Новгород — важнейший торговый и административный центр древней Руси.

Даже после присоединения этого края к России в XVIII веке царские власти не пытались изменить жизненный уклад, сложившийся здесь. Крепостные крестьяне латыши по-прежнему беспрепятственно исповедовали лютеранство, поместья оставались в руках остзейских баронов, судопроизводство и обучение в школах велось на немецком языке, бароны получали высокие посты в бюрократическом аппарате царской администрации и фактически по-прежнему оставались подлинными хозяевами края.

Длительное влияние немногочисленного, но деятельного и энергичного немецкого меньшинства, а также постоянная связь с западным миром привели к тому, что западные земли Латвии, ее города и села, экономика, общественные формы и весь жизненный уклад приобрели четко выраженный западный характер, в корне отличный от русского. Но поскольку в социально-политическом отношении Латвия оставалась частью отсталой Российской империи, общественные противоречия подготовили здесь революционный взрыв сравнительно рано. Города в Латвии были в числе главных очагов революционного брожения в Российской империи. Особенно это сказалось в 1905—1906 годах.

Участие евреев в экономической жизни района в обстановке динамичного хозяйственного развития было деятельным и плодотворным. Во многих областях хозяйственной жизни они оказались даже пионерами, прокладывая новыми путями. Возникла еврейская буржуазия, частично даже крупная. С другой стороны, евреи не оставались посторонними наблюдателями в чреватой бурей социально-политической атмосфере тех лет. Бунд и различного оттенка народнические и сионистско-социалистические партии активизировались, ожесточенно спорили, боролись. Гимназисты и студенты, рабочие и продавцы, ремесленники и евреи без определенных занятий были захвачены общественно-политическим брожением. Это привело к столкновениям с полицией, многие были арестованы и даже сосланы.

Первая мировая война причинила большой ущерб

латвийским землям. Основная часть тяжелой промышленности была перемещена вглубь России. Остальную — уничтожила война. Торговля была парализована, почти половина сельскохозяйственных ферм — разрушена. Численность населения упала с 2,55 миллиона в 1914 году до 1,6 миллиона в 1920 году.

Война 1914—1918 гг. принесла много страданий еврейскому населению Латвии. Около 75 процентов латвийских евреев были вынуждены эвакуироваться вглубь России либо из-за приближавшихся военных действий, либо по приказу военных властей. Там им пришлось пережить в качестве беженцев все бедствия и мытарства войны, голод, ужасы гражданской войны. Но война не пощадила также тех, кто остался на месте.

Не все еврей-беженцы вернулись домой, зато в Латвию приехало много евреев, не живших в ней до войны. В 1920 году здесь насчитывалось 80 тысяч евреев, включая реэвакуированных из России и новых иммигрантов. В 1914 году там проживало 190 тысяч евреев. Вполне вероятно, что если бы у евреев Латвии была какая-либо возможность покинуть свои места, оставить разрушенную и воюющую Европу, они бы эмигрировали, особенно в США. Но, как известно, ворота этой и многих других стран были на замке, и евреям пришлось заново начать свою жизнь на старом месте.

18 ноября 1918 года была провозглашена независимая республика Латвии. С отделением ее от России оборвались многие экономические связи, способствовавшие в прошлом ее процветанию. Однако уже в первые годы независимого существования в Латвии был заложен новый экономический фундамент, существенно укрепивший ее хозяйство, — была проведена аграрная реформа. Свыше 3 миллионов гектаров земли, около половины всей площади молодого государства, было передано крестьянам. После раздела поместий остзейских баронов и польских магнатов (на востоке страны) почти исчез класс безземельных кре-

стьян. В результате поощрительных мер правительства, разъяснительной работы и инструктажа, создания сети кооперативов, различных льгот и других мероприятий, сельскохозяйственная продукция увеличилась и стала важной статьей экспорта. Возрос также уровень жизни крестьян, составлявших две трети всего населения, и тем самым расширился внутренний рынок для сбыта изделий города.

У латышского народа оказалось мало собственных сил для восстановления промышленности, торговли, банковского дела, для развития новых отраслей экономики, для возобновления внешней и транзитной торговли. Приток капитала из России прекратился. Международный капитал, который находил здесь до войны поле деятельности, не питал еще доверия к молодой стране и необходимо было это доверие заново завоевать.

Во всех областях евреи играли важную роль, в некоторых случаях — даже решающую. Возникли крупные предприятия деревообделочной, пищевой, текстильной, табачной и других отраслей промышленности. Экспорт древесины, составлявший три четверти всего экспорта Латвии, был почти весь в еврейских руках, как и импорт нефти. Евреи основали также банки, некоторые из них имели хорошие международные связи и обладали значительным весом в экономике.

Следующие данные иллюстрируют роль евреев в экономике страны (цифры относятся к 1930 году):

Латыши составляли 73,41 проц. населения страны, **русские** — 12,5, **евреи** — 4,97, **немцы** — 3,68 процента.

Распределение по отраслям народного хозяйства у латышей (в процентах) следующие:

Сельское хозяйство — 70, **перевозки** — 3,4, **свободные профессии** — 1,5, **промышленность** — 12,4, **торговля** — 3,2.

У евреев: **сельское хозяйство** — 1,1, **перевозки** — 2,2, **свободные профессии** — 7,3, **промышленность** — 28,7, **торговля** — 48,6.

Правительства Латвии приложили много усилий

для развития национальной промышленности и торговли. Они создавали также государственные предприятия, которые известное время пользовались монопольными правами. Однако, в отличие от политики вытеснения евреев из сферы торговли в Польше во времена Грабского, политика правительства Латвии не носила дискриминирующего характера по отношению к еврейскому населению. Можно с уверенностью сказать, что двадцатые годы были для евреев Латвии годами упрочения экономических и общественных позиций, годами, вселяющими оптимизм. Значительная часть коммерсантов, промышленников, а также многие граждане свободных профессий (юристы, врачи и т.д.) стали состоятельными, некоторые даже разбогатели. Правда, были также широкие слои мелких торговцев и ремесленников, с трудом зарабатывавших на жизнь, в частности в бедной и отсталой Латгалии, особенно пострадавшей от разрыва экономических связей с Россией, но и там никто не голодал, жизнь была довольно устойчивой.

В эти годы еврейская община Латвии проявила широкую инициативу в основании разных экономических и социальных учреждений, которые эффективно удовлетворяли разнообразные потребности еврейского населения и облегчали его борьбу за существование: общества взаимного кредита, союзы защиты торговцев и ремесленников, больницы и больничные кассы, различные благотворительные товарищества, профессиональные школы и курсы и т.д. и т.п.

На характер еврейской общественной и экономической деятельности в Латвии немало повлияли связи с Западом и традиции, заимствованные у местных немцев. Солидность и основательность, высокий уровень организации, эффективность и ответственность, которые были столь типичны для экономики в этом динамичном районе, счастливо сочетались с острым социальным чутьем евреев.

Во время мирового экономического кризиса в начале тридцатых годов и в особенности после политического переворота в Латвии 15 мая 1934 года, при-

ведшего к установлению авторитарного режима Карлиса Ульманиса, положение меняется к худшему. Усиливается вытеснение евреев из экономической жизни страны, хотя, в отличие от стран откровенно антисемитских, с внешней стороны все было довольно тщательно замаскировано. Еврейская экономика вынуждена была переходить все больше и больше на оборонительные позиции. Затем последовала советская оккупация и в июне 1941 года — нашествие немцев.

Можно назвать несколько объективных факторов, совокупно оказавших решающее влияние на становление еврейской общины в Латвии.

Во-первых, ее относительная молодость. По различным данным и оценкам, число евреев в этой стране с начала XIX века не превышало десятки тысяч. Заметный рост начался во второй половине прошлого столетия. В последние десятилетия прошлого века произошли глубинные сдвиги и изменения в жизни евреев, черта оседлости вызвала рост эмиграции. С другой стороны, динамичное экономическое развитие и хозяйственные возможности этой земли привлекали наиболее активную и смелую часть еврейской молодежи из близких и далеких районов черты оседлости. За 17 лет, с 1897 по 1914 год, еврейское население Латвии увеличилось с 142 тысяч до 190 тысяч.

О том, как велико было стремление евреев селиться в Латвии, говорит их приток в Ригу и Даугавпилс (Двинск). В Риге, как, впрочем, и во всей Видземе (Лифляндии), запрещалось проживать евреям, за исключением купцов первой гильдии и ремесленников определенных специальностей. Но евреи умели обходить эти ограничения. В 1842 году в Риге проживало 513 евреев, в 1867 — 5254, в 1881 — 14222 и наконец в 1913 году — 33651. Кстати, этот рост тесно связан с ростом Риги как города. В 1867 году в ней проживало около 100 тысяч человек, а в 1913 — полмиллиона.

В Даугавпилсе проживало в начале прошлого века лишь несколько сот евреев. В 1895 году среди 80 ты-

сяч жителей было 32 тысячи евреев. В 1913 году их там насчитывается уже 56 тысяч из общего числа 130 тысяч человек.

Несмотря на значительную еврейскую эмиграцию в конце прошлого века и начале нынешнего, города Латвии числятся среди центров, принимающих иммигрантов. По оценке социолога Якова Лещинского, ашкеназйская еврейская община во всем мире за период от начала прошлого века и до первой мировой войны выросла в 6—7 раз. В пределах Латвии за это время еврейское население увеличилось в 16—17 раз.

Совсем иная картина предстает перед нашими глазами после первой мировой войны. Как уже отмечалось выше, еврейское население Латвии уменьшилось за период войны со 190 тысяч до 80 тысяч. До 1925 года сюда прибыли возвращенцы из России и новые иммигранты, и еврейское население достигло 96 тысяч. В дальнейшем рост численности евреев прекращается. Наоборот, наблюдается постоянная эмиграция главным образом в Палестину (4547 из общего числа 6210 эмигрантов), и естественный прирост не восполняет эту убыль. В 1935 году еврейское население Латвии насчитывает 93,3 тысяч человек.

Второй фактор, определивший особенности латвийской еврейской общины, — это ее неоднородность. До провозглашения независимой Латвии евреи этой страны не составляли единой группы. Само собой разумеется, что границы нового государства не совпадали с границами еврейской демографии, и в результате в пределах Латвии оказались различные еврейские группы и мелкие общины. По этой причине в стране не формировался самобытный и общий местный уклад еврейской жизни, не определились единые обычаи, как это было в общинах других стран, где евреи долгое время жили в относительной замкнутости, связанные общей судьбой.

На западе и юге страны еврейское население Курляндии (Курземе и Земгале) представляло собой обособленную группу. Еще в конце XVI века начали просачиваться в этот район отдельные еврейские купцы

из немецких земель и польско-литовского государства. В течение сотен лет эта небольшая еврейская община состояла из небольших изолированных групп семей, рассеянных в наиболее крупном и онемеченном районе латвийской земли. С увеличением числа евреев в этом крае и по мере их активного включения в хозяйственный процесс, наступило некоторое процветание жизни евреев в городках, где их концентрация была более заметна. На востоке страны, в Латгалии, жили периферийные группы белорусского еврейства (так называемые евреи "райсен"), подпавшие под влияние хабадского хасидизма. В этом районе расселение евреев началось сравнительно поздно. Отсталость этого края и его удаленность от основных еврейских центров делали его непривлекательным для евреев. Поворот обозначился и здесь во второй половине прошлого века.

Первая мировая война расшатала устои еврейской жизни также в Латгалии. Согласно той же переписи 1925 года здесь жило 31700 евреев (по сравнению с 80 тысячами до войны), из них в Даугавпилсе — около 12 тысяч (до войны — 56 тысяч). Число евреев продолжало падать из-за переселения в Ригу и выезда за границу.

Еврейская жизнь в городах и местечках Латгалии была несравненно больше связана с еврейской традицией, чем в остальных частях независимой Латвии. Традиционный быт с его своеобразным комплексом понятий и духовных ценностей представлял еще вполне реальную силу в жизни всей еврейской общины страны, несмотря на то, что религиозные устои были довольно сильно расшатаны, особенно в молодом поколении. По субботам магазины оставались закрытыми и на субботнее моление в синагогах собиралось подавляющее большинство евреев. В городках Латгалии, бывало, даже бундовцы посещали по субботам синагогу.

Ощущение близости русской границы было особо острым в этом районе. Героическая революционная традиция начала нашего века была еще жива, однако привязанность к Палестине была тоже исключительно глубокой и сильной. Такой удивительный еврейский

мир, вмещающий самые разнообразные элементы, иногда противоречивые и даже противоборствующие, мир, подобный пестрой мозаике, сложился в еврейской Даугавпилсе.

Из “митнагдимовской” Литвы (течение, противопоставившее себя хасидизму) прибыло много евреев, которые поселились в различных районах Латвии, принеся свою лепту в разноцветье этого еврейского населения.

Рига — это была особая статья. В ее динамичной жизни столкнулись, как в плавильной печи, разнородные еврейские группы. За время независимого существования Латвии много евреев покинуло провинциальные города и местечки и поселилось в столице, в которой сконцентрировалась, таким образом, почти половина всего еврейского населения Латвии. Именно в Риге начал складываться современный характер латвийской еврейской общины. Это был сложный запутанный процесс, сопровождавшийся социальными сдвигами и внутренней борьбой. Он остался незавершенным.

В большинстве еврейских семей в Риге и Лиепае соблюдалась кашерность (ритуальный закон о пище), однако синагоги большинство евреев посещало лишь по большим праздникам. Магазины, вообще говоря, торговали по субботам (воскресный день был обязательным по закону).

Другой объективный фактор, влиявший на особенности еврейской общины Латвии, лежал в ее отдаленности от духовных центров еврейской жизни, в ее периферийности с точки зрения еврейской географии. Еврейская жизнь в Латвии не достигла никогда той силы и концентрации, которые необходимы для возникновения самостоятельного духовного центра. Правда, можно назвать среди евреев Латвии несколько выдающихся знатоков Учения, но не было здесь скольконибудь значительных ешиботов, которые стали бы центрами религиозно-интеллектуальной деятельности с заметным благотворным влиянием на повседневную жизнь евреев.

Еще один фактор, оказавший большое влияние на

еврейство Латвии, — это окружающая действительность, неотъемлемой частью которой являлось оно само. Западный характер большей части латвийских земель, современное, сравнительно раннее и быстрое развитие края, а также осязаемое социальное брожение увлекли за собой и евреев. Их активность, энергия и внимание были в значительной мере направлены на экономическую интеграцию и на культуру нееврейскую, что в известной мере ослабило влечение к духовным и культурным ценностям еврейства.

Независимая Латвия уделяла неослабное внимание созданию современного, просвещенного государства и не жалела усилий для развития различных культурных учреждений. Вполне естественно, что интеллектуальные и артистические силы концентрировались, в первую очередь, в столице Риге. Все рижские театры и опера, а также музеи и библиотеки достигли высокого уровня. Большие усилия были приложены для открытия университета, консерватории, художественного училища и т.п. Концерты, выставки и лекции были составной частью культурной жизни этого города. Приезжали на гастроли артисты из-за границы, а также художники и лекторы. В Латвии имелась неплохая пресса на четырех языках, разветвленная сеть книжных издательств и разные другие культурно-просветительные учреждения. Связь с Западом была тесной, и любое важное достижение на Западе становилось известным также и в Латвии.

Необходимо отметить западный облик города Риги, образцовый порядок, царивший в городе, ухоженные парки и размеренный образ жизни его жителей. Еврейская часть городского населения не числилась среди отсталых слоев. Евреи Риги отличались известной широтой взглядов, современностью понятий и жизненных устоев. Рига была главным центром Латвии, и ее влияние сильно сказывалось во всей стране. Еврейское население проявило немало инициативы в общей социально-культурной деятельности. В 1927 году в Риге открылся еврейский театр на идиш. Правда, на этом

поприще не выявились серьезные таланты, однако утвердился обычай приглашать из-за границы театральные труппы, отдельных актеров и режиссеров из числа выдающихся деятелей еврейского театра. Они привозили с собой лучшие произведения мирового и еврейского театрального репертуара. В маленьких городках организовывались совместные поездки в большие города для просмотра новой постановки. Часто возникали хоры, оркестры, любительские труппы, которые пользовались заслуженным успехом у публики.

Некоторые политические партии имели свои постоянные клубы, деятельность которых не сводилась исключительно к проведению чисто политических мероприятий. В них устраивались "вечера встречи субботы": программа частично посвящалась текущим событиям, литературным чтениям, одноактным спектаклям и т.д.

Некоторые еврейские студенческие союзы пытались подражать порядкам, царившим в немецких студенческих корпорациях. Но большинство занималось положительной деятельностью на еврейской ниве в соответствии с теми или иными партийными симпатиями. Действовали также различные кружки усовершенствования. Публика широко посещала лекции на общие и научные темы, независимо от того, приехал ли лектор из большого города или был только местной достопримечательностью. Особенной любовью пользовались гости, шлихим и артисты, прибывавшие из Палестины.

В Латвии все годы выходили ежедневные еврейские газеты, которые, хотя и предназначались для массового читателя, обрели относительно высокий профессиональный уровень, так как привлекали серьезных журналистов. Газета стала хлебом насущным в каждой еврейской семье.

Двадцатые и тридцатые годы были годами расцвета и роста литературы на идиш во всем мире. Достаточно назвать такие имена, как Опатощу, Гиршбейн, Шалом Аш, З. Шнеур, Зингер, Лейвик и многие другие. Среди евреев Латвии имелась относительно многочисленная прослойка читателей на идиш. Много чита-

ли также произведения мировой литературы, главным образом в переводе на идиш или русский.

Среди евреев Латвии имелась весьма широкая прослойка интеллигенции, включавшая экономистов, юристов, врачей, а также журналистов и общественных деятелей. Впрочем, этот еврейский коллектив, который сумел создать и эффективно и бережно содержать различные образцовые учреждения, не проявил никакой инициативы и желания учредить еврейский учебно-исследовательский центр, который стал бы духовным просветительным очагом для всего латвийского еврейства. Возможно, что для этого не было нужных сил, но возможно, что и стремление образовать такой очаг было недостаточным.

В Латвии вообще не было центра для серьезной деятельности в области гуманитарных наук. Единственный гуманитарный факультет (кроме теологического) в Рижском университете — филолого-философский факультет — был самым отсталым и консервативным в Латвии, и он не мог привлечь к себе еврейских студентов. В 1924/25 учебном году на этом факультете училось всего 8 из 564 еврейских студентов в Рижском университете. В 1930/31 году из 744 студентов-евреев лишь 35 учились на филолого-философском факультете. Еврейские студенты почти исключительно стремились к приобретению “практической” специальности.

Можно сказать, что влияние окружающих национальных культур на латвийское еврейство было относительно внешним. Евреи Латвии сталкивались непосредственно с тремя культурами; с русской, немецкой и латышской. Латышский народ, теснимый своими двумя великими соседями, переживал сложный процесс: вчерашние эксплуатируемые крестьяне превращались в современную нацию. Латыши много трудились над укреплением своей национальной самобытности и культуры, осваивая чужие влияния и одновременно ограждая себя от них. Латышская культура не оказала особого воздействия на культуру еврейского населения Латвии.

Что же касается русской и немецкой культур, то, хотя латвийский край был на западе Российской империи, он не стал очагом немецкой культуры. С другой стороны, не было здесь и сколько-нибудь серьезного центра русской культуры.

Немецкий язык и в особенности русский были для евреев Латвии почти единственным средством приобщения к современной культуре. Однако влияние русской и немецкой культур, несмотря на широту охвата, оставалось, по существу, внешним, даже поверхностным. В известных кругах литературный русский язык или литературная немецкая речь служили средством общения между евреями, но даже здесь эти языки обслуживали замкнутую еврейскую прослойку. Это общество во всем остальном, кроме языка, оставалось еврейским — по своим занятиям, заботам, тематике разговоров, по своему отношению к окружающей среде и по своему мировосприятию. И это — несмотря на то, что у многих евреев мир еврейских представлений оскудел, еврейская символика праздников и будней во многом потеряла свое прежнее значение, еврейское же образование было весьма поверхностным.

Можно сказать, что почва, питавшая духовный рост — еврейский и общечеловеческий — была довольно бедной. Тем не менее еврейское население Латвии питало глубоко укоренившееся чувство принадлежности к еврейскому народу. Это относится и к кругам, которые считались ассимилированными.

С образованием демократического латвийского государства возник реальный фундамент для культурного развития еврейского населения — культурная автономия, важнейшим проявлением которой было школьное образование. Наряду с латышскими школами местные власти создали сеть начальных и средних школ для национальных меньшинств. Перед евреями открылись широкие возможности в деле развития школьно-воспитательных учреждений, национальных по языку и духу. Как использовало еврейское население Латвии эти возможности?

Из данных, которые у нас имеются, видно, что евреи Латвии действовали не как национальный коллектив, выработавший единую политику в области образования, а наоборот — как этническая общность, лишенная единого понимания целей национального воспитания молодежи. Три главные тенденции проявились здесь (при множестве оттенков и полуоттенков):

- а) школы с русским или немецким языком преподавания,
- б) школы с обучением на идиш,
- в) школы на иврите.

Даже в 1928 году, через девять лет после того, как евреи получили возможность открывать свои собственные школы и воспитательные учреждения, одна треть учащихся начальных школ и две трети учащихся средних школ посещали школы типа “а”. В школах с обучением на идиш получали образование около 40 процентов учеников начальных школ и 15 процентов гимназистов, тогда как на иврите обучались 25 процентов учеников начальных школ и около 11 процентов гимназистов. Необходимо отметить, что большинство ратовавших за обучение в русских и немецких школах, а также родители учеников этих школ считали себя правоверными евреями. Иностранный язык преподавания был им важен как средство приобщения к современной жизни и для личного преуспевания.

Из приведенных цифр видно, сколь значительный вес имели школы с преподаванием на идиш. Круги Бунда были первыми, кто с воодушевлением и энергией отдались делу создания еврейских школ. Культурная автономия была одним из коренных принципов их мировоззрения. За культурную автономию они боролись многие годы, и теперь настало время, когда жизнь как будто подтвердила правильность их взглядов, и им была дана возможность строить еврейское образование в соответствии с этими взглядами.

К союзу учителей-бундовцев — ЦИШО (Центральная еврейская школьная организация) присоединились также члены Народной партии, число которых было заметным среди еврейской интеллигенции в Латвии,

а также учителя, симпатизировавшие коммунизму. В этой расстановке сил сионисты, в особенности поначалу, оказались слабой стороной, но их сила постоянно росла. Учителя-сионисты входили в организацию Хаморе (Учитель).

Следует отметить, что школы, находившиеся в ведении ЦИШО, отличались передовым и нешаблонным преподаванием и воспитанием. Эти школы прививали воспитанникам любовь к еврейской литературе, ощущение принадлежности к еврейскому народу, хотя отрицали преемственность в еврейской истории.

Добавим, что не все школы на идиш были связаны с ЦИШО, поскольку среди сионистов-социалистов имелось немало людей, которые придерживались идей "синтетической" школы: с языком преподавания идиш как разговорным языком народа и одновременным изучением иврита. Этим школьникам прививался национальный сионистский дух.

Было бы ошибкой недооценить проблемы языка идиш. Для широких слоев латвийских евреев идиш был повседневным языком, языком жизни. Для них идиш был не просто средством общения, а живым органом человеческого самовыражения и развития, средством связи с миром еврейских чувств. Иврит же казался в то время в значительной степени навязанным сверху из идейных соображений языком, отчасти искусственным и бедным по своим возможностям. Отказ от идиш представлял собой как бы отрыв от корней. В частности, в маленьких городках обучение велось на идиш из-за отсутствия учителей, которые смогли бы преподавать на иврите.

Первым опытом современной школы на иврите явились в Латвии "усовершенствованные хедеры" (хедер — традиционная религиозная начальная школа), которые возникли в начале века в разных городах России стараниями евреев, преданных идее возрождения иврита. Эти начальные школы прививали своим ученикам любовь к ивritу и Палестине, но их в Латвии было немного. Отсюда вышли первые учителя школ на иврите, и бывшие школьники "усовершен-

ствовавших хедеров" стали первыми гимназистами, обучавшимися на языке иврит. Важно подчеркнуть, что с течением времени выросло новое молодое поколение учителей, преподававших на иврите, поколение, преданное своему делу и способное справиться с задачей национального воспитания молодежи. Перспективы были хорошие, но рост медленный, поскольку стартовый "скачок" был невелик: преподавателей было мало.

Кое-какие школы оказались под влиянием религиозной сионистской партии Хамизрахи. В Риге была у нее также гимназия "Тушия". Неосионистская религиозная партия Агудат Исраэль опекала несколько начальных школ — "Тора ведерех эрец", а в Риге — даже гимназию. Обе гимназии были небольшие.

В городах и местечках Латгалии было принято (по мере материальных возможностей родителей) посылать детей после уроков в хедер. Там они получали еврейское воспитание, по крайней мере, до Бар-Мицвы (13 лет). Некоторые воспитанники дорастали в хедере до изучения Талмуда.

Следует упомянуть также ремесленные училища ОРТ и ОПЕ в Лиепае, Риге и Даугавпилсе. Они воспитали поколение специалистов, в особенности мастеров по дереву и металлу. Халуцианское движение было тесно связано с этими училищами.

В своеобразной обстановке Латвии нельзя переоценить значение еврейских (идишистских и ивритских) школ: они предотвращали деградацию еврейской жизни и способствовали зарождению современных ее форм. Особое место занимали школы с преподаванием на идиш, где царила сионистская атмосфера или имелось тяготение к сионизму. В этих школах выросло поколение молодых людей, посвятивших свою жизнь активной борьбе за дело еврейского народа.

Бундовская школа, естественно, внушала своим воспитанникам бундовские воззрения, но это не мешало многим ее воспитанникам присоединиться к стану коммунистов. Сионистский лагерь не пользовался симпатией у этой публики. Лишь незначительное число бывших воспитанников гимназии ЦИШО пришло к

сионизму. Школы с русским или немецким языком преподавания, даже если они принадлежали евреям, почти не давали своим воспитанникам национального воспитания.

Стоит сравнить еврейское воспитание в Латвии и в соседней Литве. Во многих отношениях Латвия и Литва — страны-близнецы. Вместе с тем как с общей точки зрения, так и с точки зрения еврейского воспитания существовала между ними большая разница. Литва отстала от Латвии в отношении прогресса и современных преобразований. Литовские евреи не испытывали новых веяний — они сохранили традиционный уклад жизни в значительно большей степени, чем евреи Латвии. Однако не только в этом дело. В Литве издавна существовала схоластическая традиция “ламданут”. Конечно, не от ешиботов в Слободке, Поневеже, Воложине (а после Воложина — в Тельже) и не от десятков других мелких ешиботов могла исходить инициатива создания современной светской гимназии на иврите. Но эти ешиботы развили в течение столетий тот тип еврейского интеллектуального диспута, который вошел органической составной частью в повседневный быт еврейских народных масс. Влияние этих ешиботов на духовный и культурный облик литовского еврейства было весьма значительное, и из их среды вышли люди, которым было вполне по плечу создание сети школ и возрождение современной культуры на иврите. Понятно, что в такой атмосфере почти исключалась возможность возникновения еврейских школ с преподаванием на чужом языке или даже на идиш.

В Латвии имелись все условия для развития демократического общества. Однако, несмотря на относительно благоприятные экономические условия и на возможность (как это казалось тогда евреям) достичь в этой стране нормального устойчивого положения, все же никогда не покидало евреев ощущение отчужденности вследствие антисемитизма и экономического давления на евреев.

Среди различных общественно-политических факто-

ров, по отношению к которым каждый обязан был четко определить свою позицию, особенно выделялись два: отношение к русскому колоссу, отбрасывавшему тень на весь район Прибалтики, и отношение к строящейся, возрождающейся Палестине. Экономические интересы и общественные симпатии рассекали евреев Латвии на различные пласты и одновременно — в зависимости от отношения к возрождающейся Палестине — делили их на сионистов и на антисионистов. Так образовался пестрый лагерь. С одной стороны, лагерь сионистов-социалистов, всеобщих сионистов, Мизрахи, ревизионистов (приверженцев Жаботинского), с другой — лагерь их противников: коммунистов, действовавших в подполье и в полулегальных объединениях, бундовцев, несионистского среднего класса и антисионистской Агудат Исраэль.

Свободная, организованная политическая деятельность стала возможной только после создания независимой Латвии. Молодое государство избрало путь парламентской демократии. Национальным меньшинствам было предоставлено равноправие. Пропорциональный избирательный закон позволял даже меньшинству, разбросанному по всей стране, иметь адекватное представительство в парламенте. Так, например, евреи, составлявшие около пяти процентов всего населения Латвии, почти все время были представлены в сейме (парламенте) пятью делегатами из ста. Демократический режим просуществовал до 15 мая 1934 года. За это короткое время евреи сумели развить высокую политическую активность. Палестина все больше и больше превращалась в главный центр притяжения еврейской жизни.

Среди сионистских партий блок Эрец Исраэль ха-оведет (Трудящаяся Палестина) представлял собой политическую силу, пользующуюся доверием относительного большинства евреев страны. На втором месте шли ревизионисты (сторонники Жаботинского). Латвия была первой страной, в которой зимой 1923/24 года в результате визита Владимира-Зеева Жаботинского была создана ревизионистская партия, а также организация,

носящая имя И. Трумпельдора (впоследствии—Бейтар). Первые ростки молодежных организаций появились еще в 1917 году, однако более или менее устойчивые молодежные объединения в независимой Латвии появились лишь весной 1920 года. Это были еврейские группы скаутов. Не без трудностей и кризисов это движение укрепилось и превратилось в халуцианское (пионерское) молодежное движение — сионистско-социалистическое и кибуцное, — которое требовало от своих членов личного активного содействия осуществлению идеалов (так называемая хагшама) и стало известно впоследствии как движение Нецах Гашомер гацаир (Молодой страж). Благодаря организационно-воспитательным усилиям этой организации, движение стало главенствующим среди еврейской молодежи Латвии и служило примером другим еврейским молодежным организациям.

В декабре 1923 года было основано молодежное движение имени Трумпельдора — Бейтар. В первые годы своего существования это движение отличалось большим халуцианским накалом. Первые олим из его рядов создали в стране кеуцу (коммуну) и присоединились к Гистадруту. Оба эти движения — Нецах и Бейтар были главными соперниками в сионистском лагере Латвии, боровшихся за привлечение еврейской молодежи.

Фактически каждое политическое течение было связано так или иначе с определенной молодежной организацией. Сионистское брожение умов разбудило активность различных кругов молодежи, и вполне естественно, что эти круги искали и находили наиболее близких идейно-политических союзников, а с другой стороны, политические партии заботились о резервах среди подрастающего поколения.

К лагерю Эрец Исраэль хаоведет, кроме Нецах Гашомер гацаир, примыкали еще две молодежные группы; в 1927 году образовалась Гордония, идеологически и организационно связанная с Хевер хаквучот (Объединение коммун) в Палестине. Зимой 1924/25 года по инициативе партии ЦС (сионистов-социали-

стов) начала функционировать группа Ноар Борохов, занимавшаяся в основном рабочей молодежью старше 16 лет. Три перечисленные молодежные организации, кроме их общего участия в движении Гехолуц (Пионер), осуществляли между собой связь и согласовывали свою деятельность на различных общественных фронтах.

Партия Всеобщих сионистов в Латвии примыкала к прогрессивному крылу всемирной организации Всеобщих сионистов (так называемые Всеобщие сионисты алеф). В 1932—1933 годах они организовали молодежную организацию Герцлия, многие члены которой прошли хахшару и как халуцим уехали в Палестину.

Партия Мизрахи в Латвии также отличалась передовыми взглядами. Их представители в сейме постоянно поддерживали коалицию центра и левого крыла. С ними была связана молодежная организация халуцианского типа Тора веавода (Тора и труд).

После первой мировой войны объединение Гехолуц возникло также в Латвии. Несколько десятков членов его прошли хахшару (подготовку). В годы 1920—1922 большинство членов Гехолуца и его активистов уехали в Палестину, и на том почти прекратилась его деятельность. Она возобновилась только в 1926 году молодежными халуцианскими движениями, когда старшие члены их — богрим — достигли возраста хагшамы.

Главным соперником еврейских молодежно-сионистских организаций была молодежь Бунда и коммунистическая молодежь. Правда, рассказы ветеранов Бунда о периоде революции 1905—1906 гг. уже мало трогали сердца бундовской молодежи, но сила молодых бундовцев состояла в их практической работе в профсоюзах, в удовлетворении бытовых нужд и в повышении образования трудящейся молодежи; одновременно бундовцы вели борьбу с “буржуазными заблуждениями” сионизма. Напротив, коммунистическое движение опиралось главным образом на избранные группы — на элиту учащейся и трудящейся молодежи.

Каждое политическое течение обладало также своим студенческим объединением. Самым крупным и деятель-

ным среди них была корпорация Хасмонея — один из столпов ревизионистского движения. Кроме Хасмонеи, имелось еще два значительных студенческих союза: Хашахар (Рассвет), объединявший студентов, примыкавших к лагерю Эрец Исраэль хаоведет, и Хехавер (Товарищ), связанный с партией Всеобщих сионистов алеф.

ПЕРИОД "ВАР-КОХБА"

В один из апрельских дней 1920 года по главным улицам Риги прошла еврейская процессия. Еврейские массы вышли на улицу, чтобы продемонстрировать свою солидарность со стремлением народа вернуть себе свою древнюю родину. Демонстрация была приурочена к решению Лиги Наций в Сан-Ремо о передаче мандата на Палестину Великобритании, взявшей на себя историческое обязательство, известное под названием Декларация Бальфура.

Бело-голубые флаги реяли над головами демонстрантов. Волны национального воодушевления захлестнули все еврейское население. В еврейских школах прекратились занятия. Шествие прошло мимо большой синагоги Петау-Шул и закончилось спустя несколько часов в сионистском клубе на улице Паулучи.

Во главе шествия, которое надолго запечатлелось в памяти евреев Риги, организованно шла колонна еврейских бойскаутов. Обращала на себя внимание их скаутская форма с пестрыми галстуками и широкополыми панамы. Эта группа действовала в Риге как обыкновенный отряд бойскаутского движения, лишенный еврейского колорита и содержания. Группа считалась ячейкой спортивного общества "Маккаби" — единственной организации, вокруг которой объединялся в те дни небольшой круг еврейской молодежи. Душой этого движения был Барух Баг. Трудно представить этот начальный этап развития скаутского движения в Латвии без него — инициатора, организатора и руководителя движения. Когда в Латвии возникло всеобщее объединение бойскаутов, к нему присоединился также и еврейский отряд.

Бойскаутская деятельность расширялась, и летом 1922 года был организован первый восьмидневный скаутский лагерь в Сигульде. В лагере было 35 скаутов. Он имел большой успех, и слава о нем распространилась среди неорганизованной еврейской молодежи в городе.

Поскольку спортивное общество "Маккаби" не оказывало существенного содействия скаутам, они обратились за помощью к своим родителям. На родителей произвели большое впечатление образцовый порядок и общая атмосфера лагеря. Так создались условия для окончательного разрыва с "Маккаби".

Осенью 1922 года возник союз "Бар-Кохба". В его уставе, официально утвержденном в декабре 1922 года, четко выражен национальный характер и сионистские цели союза: "Целью союза "Бар-Кохба" является поощрение физического и этического воспитания еврейской молодежи. Для достижения этих целей союзу разрешается организовать курсы изучения иврита, еврейской истории и литературы, а также географии Палестины".

Начиная с 1923 года, русский текст скаутской присяги был заменен текстом на иврите и в нее был введен параграф о верности еврейскому народу в Палестине. В переводные экзамены со ступени на ступень были включены вопросы по еврейской истории и географии Палестины.

Скаутских отрядов становилось больше, и они приобрели отчетливый еврейский облик. Появились значки и эмблемы, выражающие национальный характер организации. Воспитанников обучали песням на иврите, включая национальный гимн; они проводили сборы средств в пользу Керен Каемет Леисраэл (Еврейский национальный фонд), отмечали день Лаг Баомер и т.д. Команду отдавали на иврите, и скаутские звенья носили еврейские имена.

Еще летом 1922 года начали организовываться, сначала в Риге, затем в провинциальных городах, отряды девушек-гайд. Естественно, что с самого начала существовала координация действий между отрядами юношей-скаутов и девушек-гайд в рамках общего союза и общего клуба организации "Бар-Кохба".

Первоначальный предхалуцианский период становления движения, знаменуемый чисто скаутской деятельностью, достиг вершины в летнем лагере 1923 года. К тому времени подросла довольно большая группа

инструкторов, воспитывавшихся в течение ряда лет в скаутских отрядах. Эти инструкторы отличались большой преданностью и энтузиазмом. Они помогли движению развернуться и расширить свои ряды. В этом году в летнем лагере участвовало уже 120 юношей и девушек.

Большая группа скаутов старшей ступени, выросших вместе с движением и раскрывших в нем все свои способности, достигла к тому времени возмужалости. Каждый из них был поставлен перед выбором специальности и пути в будущее, но скаутизм не давал ответа на этот вопрос. К счастью для движения, халуцианская идеология созрела в нем еще до того, как перед поколением скаутов старшей ступени встал этот вопрос. Так движению удалось избежать вырождения и распада и сохранить непрерывность и преемственность. Халуцианский поворот был плодом последовательного развития движения.

Кто были юноши и девушки, поступившие в отряды еврейских скаутов? К чему они стремились и каким путем созрело халуцианское решение в их рядах?

Происходили они в большинстве случаев из более или менее зажиточных слоев населения. Этих ребят скаутизм пленил подготовкой к самостоятельной деятельности, дружескими отношениями, царившими в клубе, прогулками, летними лагерями. Их привлекали общие всем скаутам идеалы гражданственности, взаимопомощи и дружбы, как нельзя лучше отвечавшие стремлениям этой молодежи.

К этому еще прибавлялось и чувство национального достоинства и гордости — личной и национальной. Они участвовали в церемониях встреч еврейских лидеров, посещавших Латвию по поручению сионистских учреждений, как это было принято в бойскаутских организациях: в строю и в униформах, при знаменах и в почетном карауле на сцене и т.д.

Большинство молодых людей не ломало себе голову над решением мировых проблем, а пыталось найти для себя проторенные дороги в существующей действительности. Общественно-психологическая реальность не была однотонной. В послевоенные годы получили распростра-

нение нигилизм, цинизм и т.п. настроения, но в разных кругах самой организации и вне ее имелась и другая молодежь, — чутко прислушивающаяся к проблемам эпохи и стремящаяся их решить. По самой своей сути скаутское движение поощряло интерес к общественным проблемам. Ясно, что у разных молодых людей и ответы на коренные вопросы бытия были разные. Но вера в будущее, в идеал и в возможности человека строить свое будущее была общей для всех. На будущее эти молодые люди смотрели с оптимизмом.

16 февраля 1925 года два члена организации написали на обороте фотографии, подаренной на память товарищу: “Жизнь меняет людей, а мы меняем жизнь”. Немало высказываний такого рода можно найти в письмах и дневниках юношей тех лет. Вера в продвижение общества к социализму окрепла и получила затем научно-теоретический фундамент, когда в организации началось изучение марксизма.

Этот оптимизм был связан с сознанием того, что великие достижения революции, освобождение народов, Декларация Бальфура и т.д. были добыты активным, революционным натиском масс. Царила большая вера в революционную активность народа. Вера в активность народных масс была подкреплена следующим положением: всем крупным социальным достижениям предшествует период, когда в действии находятся небольшие, немногочисленные головные отряды; над этими отрядами пионеры революции насмехаются, не верят в реальность их идеала; власти их преследуют, но именно эти группы безграничной преданностью идее и сверхчеловеческим упорством готовят почву для великих свершений; и лишь благодаря этому преследуемому и осмеянному передовому меньшинству были достигнуты великие социальные преобразования.

Созданию такого настроения помогли “Шлиссельбургские воспоминания” Веры Фигнер и многие другие произведения русской революционной литературы о жизни и деятельности революционеров, начиная с народовольцев, а также рассказы о халуцах-пионерах и шомрим (стражи) в Палестине. Человек, подчиняющийся

свою личную жизнь требованиям и нуждам революционного движения, ставился в пример.

Вернемся, однако, к событиям в организации.

В большом лагере летом 1923 года участвовала также группа еврейских цофим (скаутов) из Литвы. Всех очаровал их разговорный иврит, песни на иврите и их личное халуцианское обаяние. Их появление как бы впервые наглядно представило перед латвийским движением халуцианскую Палестину. Их пребывание в лагере возбудило новые чувства и мысли, и русские скаутские песни уступили место песням на иврите, особенно халуцианским.

В 1923 году начали прибывать в Ригу молодые люди, которым удалось нелегально перейти русско-латвийскую границу, чтобы добраться до Палестины. Это были члены русского Гехолуца и сионистско-социалистических движений. Моше Агами рассказывает: "Мы часто встречались с этими халуцим. Они прибыли почти голые и босые, и мы приносили им из дому одежду, продукты и т. п. Их рассказы и наши беседы с ними оказали на нас большое влияние... Под влиянием этих встреч среди нас усилилось брожение и окрепла тяга к сионизму, халуцианству... Я вспоминаю, что наши симпатии были на стороне тех халуцим, чьи рассуждения казались более радикальными — признак того, что уже тогда у нас имелась четкая тенденция в этом направлении".

В ноябре 1923 года с коротким визитом в Латвию прибыл Зеэв Жаботинский, один из инициаторов создания еврейских батальонов в период первой мировой войны, возглавивших оборону Иерусалима во время событий 1920 года, бывший узник крепостной тюрьмы в Акко, один из выдающихся руководителей сионизма. Толпы устремились послушать блестящего оратора. Его основной доклад был посвящен сионистскому активизму. Жаждавшая конкретных дел молодежь была в восторге от его личности и идей. Жаботинский выступил перед учащимися ивритской гимназии и перед членами организации "Бар-Кохба".

Краткий визит Жаботинского ускорил переход на сионистский путь различных еврейских молодежных кружков и союзов. В нескольких гимназиях и за их стенами начали возникать, на первых порах не связанные между собой, группы активистов из сионистской молодежи. В одной из центральных групп было несколько активных членов "Бар-Кохбы". Рассказывает Моше Агами: "Мы собирались и начали создавать группы молодых активистов. Мы не видели никакого противоречия между этой нашей деятельностью и деятельностью в рамках организации "Бар-Кохба"... Я вспоминаю, как мы, несколько товарищей, сидели в моей комнате и разрабатывали устав группы активистов... Первый параграф гласил: Союз Трумпельдора является частью будущего Еврейского легиона, который будет создан в Палестине".

Возникшие изолированные группы объединились затем в Союз молодых сионистов-активистов имени Трумпельдора. Бенъямин Элиав (в то время — Бенъямин Лубоцкий), один из первых основателей и руководителей Союза Трумпельдора в Латвии, рассказывает: "В группах Союза Трумпельдора наряду со стремлением к элементарному легионизму, проповедуемому в своих выступлениях Жаботинским, имелась также сильная тяга к мыслям, идеям и атмосфере третьей алии Гехолуца. Вспоминается первое, что мы сделали, когда к нам в руки попала брошюра Трумпельдора о Гехолуце и его задачах, — мы перевели брошюру с русского на идиш и немецкий... Мы приняли эту брошюру за программу. Нам и в голову не приходила мысль о том, что в идеях, излагаемых в этой брошюре, имеются какие-либо противоречия (имеется в виду разногласия между Жаботинским и халуцианским движением). Эти тенденции нашли свое выражение и в действиях Союза Трумпельдора". Б. Элиав продолжает: "Гуляя ночью с Моше Авербухом (Агами) и другими после встречи с товарищами на собрании, мы между собой говорили о том, что овладение ремеслом недостаточно для хахшары, что мы обязаны создать в Латвии сельскохозяйственную ферму. Мысль о создании фермы латвийского

Бейтара возникла именно в этих беседах как развитие идей Трумпельдора“. И действительно, летом 1925 года вблизи Риги Союзом Трумпельдора была основана ферма для хахшары. Это была первая ферма для сельскохозяйственной халуцианской подготовки и первая база хахшары в Латвии. И далее рассказывает Б. Элиав: “Мы начали военные занятия. Где-то сняли мы помещение и разыскивали старого русского полковника, и он проводил с нами военные занятия с деревянными винтовками, которые мы выстрогали сами. Одновременно с военной подготовкой мы проходили профессиональную подготовку в ремесленном училище ОПЕ. И все это под влиянием брошюры Трумпельдора о Гехолуце. Мы разбились на группы столярного и слесарного дела, девушки же обучались женским специальностям“.

Как уже отмечалось выше, Союз Трумпельдора в Латвии выделялся, особенно в первые годы своего существования, большим халуцианским накалом и созданием общности идеалов со всем халуцианским лагерем в стране. Еще многие годы латвийский Бейтар считался левым крылом всемирного Бейтара.

Зимой 1924/25 года членам “Бар-Кохбы“ внутри Союза Трумпельдора стала ясна позиция Жаботинского по отношению к рабочему движению в Палестине и природа возникших политико-идеологических противоречий между ним и сионистским движением. В начале 1925 года большая часть членов “Бар-Кохбы“ оставила Союз Трумпельдора и всю свою энергию направила на халуцианскую переориентацию.

Еще в 1923 году в большом летнем лагере были созданы организационные рамки для скаутов высшей ступени. Во всеобщей бойскаутской организации были рамки, дающие особый статус таким членам, достигшим возраста 17—18 лет. Это был скорее почетный статус, ни к чему особенно не обязывающий его членов. Однако очень скоро выяснилось, что эта, более взрослая, группа не желает почивать на лаврах: они стали заниматься самообразованием, интересоваться мировоззренческими проблемами. В 1924 году эта работа приобрела еще

более серьезный характер, и тогда впервые начали изучать политэкономия, философия, учение Борохова и т.д. Таким образом, эта группа составила своего рода халуцианское ядро, в котором велись горячие дискуссии и принимались решения, имевшие потом решающее значение.

Идейно-организационное брожение и поиски новых путей происходили в рядах организации не только в Риге. Так, например, рассказывает Беба Зильберман-Персиц из Даугавпилса: "Я вспоминаю, что в конце 1924 года наметилось в молодежных кругах некоторое разочарование расплывчатыми целями "Бар-Кохбы". Те, кого потянуло пойти по проторенной дороге своих родителей, говорили, что "поиграли и хватит". Но те, у кого были более глубокие стремления к новому, продолжали искать и думать... К тому, что происходило в организации, мы начали относиться немного равнодушно, и каждый из нас в меру своего темперамента искал своего жизненного пути. Вот тогда появилась группа, которая поначалу себя четко не определила. С помощью учителя гимназии на иврите, человека со сложившимся мировоззрением, мы начали выяснять для себя, каков тот путь, по которому нам следует идти. Были товарищи, которые уже успели изучить книги Борохова и другие сочинения на социалистические темы. Просто ли Палестина или Палестина халуцианско-социалистическая? Возможно, что мы были молоды и, следовательно, идеалистически настроены, и именно трудный путь, трудный во всех отношениях, больше всего прельщал нас... Перед нами вырисовывалась ясная дорога. В первый раз мы стояли перед ясной целью. С самоуверенностью, присущей молодости, мы считали, что нам под силу решение всех проблем — и классовых, и национальных. Именно трудности больше всего нас воодушевляли. Мы считали, что нет таких трудностей, которые мы не можем осилить".

В начале лета 1924 года из Екатеринослава прибыла в Ригу на постоянное жительство семья Семы Шенкмана. Сема уже несколько лет был актив-

ным членом одной из сионистских организаций в Советском Союзе. Моше Агами рассказывает: "Сема был молодым человеком нашего возраста, но он уже тогда твердо знал, чего добиваться. У него был острый аналитический ум и обширные знания. Одновременно это был очень милый юноша, которого мы все полюбили и вскоре даже начали обожать. Сема считал, что взрослую группу (богрим) союза "Бар-Кохба" необходимо организационно подготовить к личному осуществлению идей кибуца, к хагшаме.

Сема никогда не старался выделиться, но как-то само собой получалось, что он очень быстро стал центральной фигурой в группе богрим, которая осуществила халуцианский поворот в организации, выкристаллизовала ее характер и определила путь ее развития. С тонким товарищеским чутьем и с бесконечным терпением он последовательно направлял шаг за шагом новый путь нашего движения. Сема уехал в Палестину летом 1928 года. В январе 1931 года он утонул в озере Кинерет. С его смертью организация лишилась ведущего и наиболее уважаемого человека.

Постепенно идейное развитие "Бар-Кохбы" привело к поляризации сил. Все более определились две противоположные тенденции. Старое руководство и с ним некоторое число молодых членов хотело видеть в организации скаутское национальное молодежное движение, ставящее себе целью воспитать верность еврею и сионизму и подготовить своих членов к переезду в Палестину. Что касается халуцианского вопроса, вопроса о личной хагшаме, кибуце, социалистических воззрений, — то во всех этих вопросах они оставляли членам организации свободу выбора. С другой стороны, в халуцианском ядре движения созрела решимость превратить халуцианские принципы в обязательные программные пункты всей организации.

Брожение в организации продолжало расти. Два члена главного штаба русского движения Гашомер гацаир, нелегально перешедшие советско-латвийскую границу и задержавшиеся в Латвии по пути в Палестину, ускорили процесс идейного размежевания в организации.

Первым прибыл в октябре 1924 года Володя Ицкович (Зеэв Хаям — Морской Волк) из Одессы. Он произвел неизгладимое впечатление на молодежь уже одним своим видом. Все смотрели на этого еврейского матроса, как на живой прообраз будущего поколения моряков, которое возникает в Палестине. Зеэв Хаям задержался в Риге ненадолго. Его встречи и беседы с членами группы богрим запомнились надолго. Он много рассказывал о борьбе русского Гашомер гацаир, о подпольной деятельности своих товарищей в России, которые поставили себе ясную и недвусмысленную цель — жить в кибуцах Палестины.

Эльазар (Лася) Галили прибыл в Латвию в начале февраля 1925 г. и пробыл здесь семь недель. В Риге он предъявил товарищам письмо главного штаба организации в России, из которого следовало, что он является членом заграничной делегации Гашомер гацаир. Лася Галили был первым официальным делегатом — шалиах — в Латвии.

В этот период организация “Бар-Кохба” уже созрела для халуцианского решения. Беседы Ласи с небольшими группами вылились в импровизированный идейно-воспитательный семинар, с воздействием которого не сравнить никакие заранее подготовленные курсы. “Я считаю, что главное, что мне удалось сделать в Риге, — это сам факт моего пребывания там в то время, когда “Бар-Кохба” уже созрела для халуцианства”, — так определяет Лася Галили значение его первой миссии в Латвию.

Но было еще и другое. По инициативе Ласи Галили было создано бюро связи с подпольным движением в России. Несколько членов группы богрим были мобилизованы для ведения корреспонденции с указанными Ласей адресами. Товарищи, которым была доверена эта тайна, действовали из побуждений искренней солидарности с неизвестными адресатами. Они были призваны обеспечить преемственность братского движения за кордоном. Так росла основанная на общности целей наша гордость этим подпольным движением. Кроме практических результатов, бюро связи имело для лат-

вийского движения большое воспитательное значение. Перед товарищами открылись новые горизонты. Это уже не было то маленькое, скромное, лишенное всяких претензий бойскаутское движение начала двадцатых годов, а часть всемирной организации, прокладывающей свой путь.

Первый кибуц, созданный членами Гашомер гацаир из СССР в августе 1924 года, стал для латвийского движения первостепенным воспитательным фактором. Солидарность с русским Гашомер гацаир росла по мере укрепления связи с вновь созданным кибуцом. С другой стороны, отношение к кибуцному движению, тяга к халуцианской Палестине стали значительно более ощутимыми благодаря чувству солидарности с движением в России.

ПЕРЕХОД ОРГАНИЗАЦИИ НА ХАЛУЦИАНСКИЙ ПУТЬ

Борьба внутри организации по вопросу выбора пути все обострялась и привела в конце концов к кризису. В конце апреля 1925 года халуцианская группа вышла из состава "Бар-Кохбы". Целый год длился раскол в организации и не прекращалась борьба. Была, однако, тенденция не сжигать за собой мосты. На Пасху 1926 года фракции вновь слились в объединенную организацию Гашомер ("Бар-Кохба" — Гашомер гацаир).

В идейном развитии латвийского движения можно различить два основных этапа:

а) переход от бойскаутского движения к халуцианской организации хагшамы (материализация идеи);

б) определение отношения этой молодежной, халуцианско-воспитательной организации к программе рабочего движения в Палестине, а также определение места, которое она должна занимать в рамках рабочего движения Палестины. Решение в пользу халуцианства сочеталось с пользой для сионистского, социалистического, киббуцного пути.

Каждая возрастная группа неизбежно вынуждена была столкнуться в процессе определения своего халуцианского пути с отношением к коммунизму. Нельзя было себя считать социалистом или сионистом-социалистом, не определив четко своего отношения к коммунизму.

Это звучит парадоксально, но в этой немногочисленной организации, находившейся в сфере мощного идеологического воздействия со стороны гигантского советского соседа и выужденной постоянно противостоять этому влиянию, — в этой организации не было ни индивидуальных, ни тем более фракционных симпатий к коммунистической идеологии. Преданность идеям сионизма в организации всегда была непоколебимой. Случаи перехода членов организации в лагерь коммунистов можно сосчитать по пальцам.

Более сложным, однако, был вопрос об отношении к Советскому Союзу. У представителей первых поколений организации это отношение было почти всегда двойственным.

Дадим слово по этому поводу одному из товарищей: "Насколько мне помнится, идейно и эмоционально мы одобряли Октябрь. Естественно, что мы решительно возражали против раскольнической политики Коминтерна, против ликвидации социалистических партий и их преследования в Советском Союзе. Мы отмежевались от доктрины "диктатура пролетариата". Но мы одобряли идейный активизм большевиков, мысль о том, что историю можно и нужно "делать". И когда мы читали историю революции от Февраля до Октября, наше впечатление было, что меньшевики упустили важную историческую возможность, что они не сумели как следует действовать. Мне кажется, что, даже читая о самом начале великого противоречия между большевиками и меньшевиками на Лондонской конференции 1903 года, мы питали симпатии к большевикам. А когда мы читали о революции в Германии, о Носке и т.п., то все мы испытывали чувство презрения к социал-демократам и были солидарны с теми, кто их критиковал. Правда, знали все это мы в основном из русских коммунистических источников, другого материала у нас тогда не было под рукой. Но это не меняет дела: наши симпатии были на стороне коммунистов. Мы помним, какое на нас впечатление произвела книга Джона Рида "Десять дней, которые потрясли мир". Сочинения Ленина, такие, как "Государство и революция", "Империализм, как высшая стадия капитализма", его выступления в Циммервальде и Кинтале о войне, а также статьи, написанные уже в период революции, как, например, "Апрельские тезисы", — все это находило у нас отклик. С другой стороны, я вспоминаю, какое бледное впечатление производил на нас орган зарубежного ЦК партии меньшевиков "Социалистический вестник", даже когда мы и соглашались с содержащейся в нем критикой большевиков. Не следует забывать, что речь идет о периоде нэпа и начале грандиозных пятилетних планов индуст-

стриализации и электрификации СССР. Все мы помним, с каким воодушевлением мы встретили труппу "Синяя блуза", с каким энтузиазмом мы пели советские песни. Еще сохранилось в моей памяти, что при спорах с бундовцами мы всегда на них нападали: "Вы все время говорите только о 1905 годе, но чем вы заняты сейчас?" Мы намекали на то, что для срочных проблем современности у Бунда нет позитивной программы. Реформизм считался бранным словом в организации.

В наших мыслях и чувствах особое место принадлежало "Красной Вене". Социалистическое движение в столице Австрии, его созидательная деятельность в тяжелых условиях огромного города, оторванного в результате войны от своего привычного тыла, строительство социалистами Вены жилищных комплексов, социальные мероприятия, культурно-воспитательная работа, улучшение бытовых условий рабочих и т.д. — все это подтверждало, что существует некоммунистическая альтернатива бесплодному реформизму. "Красная Вена" олицетворяла синтез революционного действия, конструктивного социализма и единства рабочих.

В национальном вопросе нашим главным соперником оставался коммунизм. Еврейское наследие само по себе еще не всегда давало иммунитет против коммунизма. Молодые люди из религиозных семей иногда становились правоверными коммунистами. Этому не препятствовало и социальное происхождение: немало случаев, когда в той же семье один из сыновей был бейтаристом, второй — коммунистом, а третий — членом нашей организации.

Несомненно, в некоторой степени объективные факторы, такие, как семья, еврейская гимназия, окружающий антисемитизм влияли на формирование мировоззрения. Но похоже, что для наиболее чуткой и активной части молодежи борьба была в основном идеологической, и это верно и по отношению к национальному вопросу. Идеология определяла почти все. По всему строю наших чувств мы, конечно, были за сионизм, но мы были обязаны доказать самим себе его правоту и сделать это теми идеологическими средствами, кото-

рые были приняты у нас в те дни, — исходя из принципов исторического материализма“.

Интересно привести высказывание другого товарища, более молодого, который родился и вырос в Даугавпилсе, вблизи русской границы: ”Сионизм не был для нас вопросом идеологии, а частью нашей сущности, нечто такое, что впитывается с молоком матери, из дому, из хедера, гимназии, из атмосферы улицы, от учителей, прибывших из Палестины, от палестинских шлихим, из литературы. На мальчиков моего возраста оказала влияние книга Мапу ”Ахават Цион“, а в гимназическом возрасте — идиллии Шимоновича (Шимеони). Сдается мне, что если проанализировать, какие составные части нашей идеологии пришли к нам от палестинской действительности и какие выросли на латвийской почве, то мы придем к выводу, что больше всего мы впитали палестинского. Для многих детей, подобных мне, Палестина была мечтой, которую никакими силами нельзя вырвать из наших душ. Иногда мы считали годы и месяцы, оставшиеся нам до отъезда в Палестину, до материализации мечты.

Несмотря на то, что в латвийской действительности существовали стимулы, поощряющие социалистическое мышление, я считаю, что мы заимствовали его от рабочего движения Палестины и его вождей, таких, как Берл Кацнельсон. Я считаю, что конфронтация между третьей и четвертой алией была фактором, воспитавшим в нас практический социализм в большей степени, чем это сделала латвийская действительность.

Тот факт, что сионизм мы впитали еще в детстве, был главной причиной нерасположения к коммунизму. Не раз нам казалось, что с идейной точки зрения коммунизм побеждает, но наше желание уехать в Палестину — именно этот иррациональный фактор — вот что решало исход борьбы для нас. Одно время у нас была в ходу пословица: ”Коммунизм — это хорошо, наша коммуна — это кибуц“. Известия о преследовании наших товарищей из Гашомер гацаир в России тоже создали барьер, который не дал коммунистическому течению увлечь нас“.

Другой товарищ, из того же поколения и тоже из Даугавпилсе, считает иначе: "Весь вопрос в том, действительно ли всех нас так тревожил спор с коммунизмом. Я в этом сомневаюсь. Я никакого такого беспокойства не помню".

В идейной атмосфере, в которой жила эта молодежь, она не могла не прийти к решению о революционном сионизме. Она не могла примириться с "сионизмом собраний и пожертвований" и всей душой стремилась к такому сионизму, который приведет к "окончательному и радикальному решению трагедии народа, разбросанного в диаспоре". Таким образом, халуцим в Палестине, члены Гашомера, кибуцы были для этих молодых людей живыми стимулирующими примерами, они показывали, что такое реализация еврейской революции, каким образом еврейский юноша может принять душой и телом участие в осуществлении этой революции.

Уникальная возможность построить новую жизнь в Палестине от фундамента до крыши по желаемой программе пленяла и воспламеняла воображение. Новая жизнь строилась в Палестине без обычного лозунга "старый мир разрушим". Это помогало преодолеть рутину социалистической мысли тех лет, направить всю энергию на конструктивное созидание и видеть в этом социальную и национальную революцию еврейского народа.

Несколько слов еще об одном деле, которое занимало тогда умы в организации.

В конце двадцатых годов правительство СССР выдвинуло проект заселения евреями Биробиджанской области, расположенной на Дальнем Востоке, на границе с Манчжурией. Некоторое время спустя советское правительство решило назвать ее Еврейской автономной областью. Во всех концах еврейского рассеяния коммунисты начали большую пропагандистскую кампанию в пользу этого плана с целью мобилизовать денежные средства и даже поселенцев. Различные еврейские союзы и комитеты откликнулись на призыв и оказали содействие еврейскому Биробиджану, как в свое время

оказывали помощь в деле "продуктивизации" еврейского населения.

В определенных кругах Латвии, особенно среди коммунистов и бундовцев, идея создания "Еврейского государства" в рамках СССР возбудила квазисионистские эмоции. Усилились идеологические атаки на сионистскую "утопию" в Палестине. В спорах с сионистами их оппоненты уже не нуждались в доказательствах, что еврейскому народу вообще не требуется собственный "очаг". Благодаря Советскому Союзу и Биробиджанскому плану этим кругам казалось, что есть вариант близкий и реальный, который не требует ни борьбы с британским империализмом, ни сотрудничества с ним, ни ущемления прав арабского народа.

Биробиджанская эпопея все же не вызвала заметного интереса у евреев Латвии. Однако борьба и споры с коммунистической и бундовской молодежью по этому вопросу были в те годы весьма жаркие. История с Биробиджаном не привела к потрясениям в организации. Наоборот, она способствовала укреплению сионистских убеждений против нового территориального плана и его пропагандистов.

В течение двух с половиной лет, начиная с весны 1926 года (с Объединенной конференции) и до конца 1928 года, движение реорганизовывалось и ширилось. Много внимания было уделено согласованию методов воспитательной работы с халуцианской идеологией.

Первым вселатвийским мероприятием организации Гашомер был 12-дневный семинар инструкторов. Семинар состоялся в конце декабря 1926 года на ферме хахшары, и в нем участвовало тридцать инструкторов и кандидатов.

В дни семинара на той же ферме собрался на первое свое пленарное заседание главный совет организации. Это было 1 января 1927 года. Один из параграфов принятой тогда резолюции гласит: "Главный совет заявляет, что каждый богер обязан пройти хахшару". Таким образом, эта резолюция отмечает новую веху в развитии организации.

Осенью 1924 года в городе Данциге собралась конференция еврейских молодежных организаций из разных стран; некоторые организации носили название Гашомер гацаир, иные — другие названия. На этой конференции была создана всемирная организация Гашомер гацаир. Представители латвийского движения также приняли участие в этой конференции, но связь ее с всемирным центром в Варшаве оставалась пока слабой.

После Объединенной конференции и создания Гашомера принадлежность латвийского движения к всемирной организации стала официальной. Связи постепенно становились более тесными, и латвийское движение начало пользоваться периодическими изданиями организации, которые издавались в Варшаве. Желание стать частью всемирной организации было сильным в латвийском движении. Однако в это время уже наметились расхождения между взглядами организации Польши, Галиции и их кибуцов в Палестине и позицией русского движения. В Латвии с самого начала стояли ближе к позиции движения в России.

Латвийская организация имела отделения в большинстве городов и местечек страны. Организация участвовала во всей разветвленной сионистской работе в Латвии, в сборе средств для национальных фондов, в митингах, в различных сионистских кампаниях и культурных мероприятиях. Движение осуществляло также постоянный контакт с сионистско-социалистическими партиями Латвии. Число шомрим, вышедших весной 1927 года на хахшару, было уже сравнительно большим.

Главный штаб по-прежнему поддерживал связь с остатками движения в СССР, но это становилось все труднее и труднее. Необходимы были для этого значительные суммы. Сема Шенкман приложил большие старания, чтобы привлечь несколько видных общественных деятелей к этому делу. Сборы средств в фонд Гашомера проводились ежегодно, и часть собранных денег шла на эти цели.

Не понять всей привязанности организации и ее рядовых членов к Палестине и кибуцному движению, не представив ситуации, сложившейся в Палестине в 1925—1926 годах, в годы тяжелого кризиса, последовавшего за четвертой алией. В стране царила жестокая безработица, и среди еврейского населения, насчитывавшего тогда менее 200 тысяч человек, многие тысячи рабочих и даже людей среднего класса буквально голодали. Среди рабочих царила растерянность, а Гистадрут и сионистские движения были бессильны им помочь. Алия была почти запрещена, и эмиграция из страны превышала иммиграцию и естественный прирост еврейского населения. Положение было чрезвычайно тяжелое и казалось безнадежным. Из шомерского кибуца (кибуц Гашомер гацаир из СССР) тоже приходили тревожные вести о подавленности и опасности всеобщего распада.

Необходимо было богатое воображение, чтобы оторваться от удручающей действительности и принять на конференции движения в Латвии резолюцию о “шомерском кибуце, становлении рабочего класса в Палестине, а также строительстве там нового общества”. Однако молодые халуцим прекрасно знали, что происходит в Палестине и принимали с любовью шлихим, прибывавших оттуда и отнюдь не скрывавших правды.

1927 год завершился первым съездом шомрим. В истории шомерского движения в Латвии этот трехдневный съезд был переломным моментом. В конце декабря в курортном городке рижского взморья, в сосновом бору, собралось около 100 шомрим из крупных и мелких отделений организации. Присутствовали также цофим богрим (взрослые скауты), которым предстояло перейти в разряд шомрим в обстановке торжественной церемонии. Из Литвы прибыла группа из 12—14 шомрим. От палестинских кибуцов участвовали два делегата — Лася Галили и Батья Бройдо. На съезде читали доклады и проводили оживленные дискуссии. В центре внимания съезда стоял вопрос о молодом шомерском поколении в Латвии. Шла острая полемика о халуцианстве и личной хагшаме. Халуцианство было

определено как готовность откликнуться на любое задание, взяться за любую работу, если это необходимо для строительства страны и для оздоровления социальной структуры народа. На этом съезде впервые прозвучал термин “чемоданчик”: шомеру нельзя запастись “чемоданчиком”, т.е. специальностью, дипломом и т.д. на случай, если он решит дезертировать с халуцианского фронта. Были высказаны мнения о необходимости незамедлительного, еще до отправки на хахшару, переустройства своей жизни дома, в организации, говорилось об облике шомера, о его моральных и общественных качествах, о его обязанности стремиться к многостороннему самовоспитанию.

Впрочем, значение этого съезда выходит за пределы проведенных дискуссий. На съезде царила атмосфера радости, воодушевления и сплоченности молодежи, познавшей, к чему она призвана. Песни звучали все три дня съезда с утра до ночи: палестинские халуцианские песни, народные песни на идиш, витиеватые хасидские мелодии и даже русские революционные песни.

Решение о хахшаре созрело как-то сразу. На съезде выяснилось, что десятки шомрим готовы досрочно отправиться на хахшару. Прения о хахшаре велись в то время, когда кризис алии достиг апогея, и всем было совершенно ясно, что следует ожидать годы ограниченной алии или даже годы совершенно без алии. Поэтому можно было предполагать, что люди задержатся надолго в хахшаре. В письмах Семы Шенкмана, относящихся к тому времени, уже содержится его предложение выяснить перспективы нелегальной алии. Практически же первое, что надлежало сделать, — это изыскать больше рабочих мест для хахшары.

В конце 1928 года ворота Палестины несколько приоткрылись, так как мандатные власти утвердили выдачу нескольких тысяч сертификатов на въезд в страну. Халуцианское движение в Латвии составило список из 17 товарищей, утвержденных для алии, но практически эмигрировало впервые — в декабре 1928

года — лишь маленькая группа из четырех человек. Это были первенцы пятой алии.

1928—1934 годы были годами созреваия и возмужания с идейной, воспитательной и организационной точек зрения.

В указанное время организация в Латвии определялась как молодежное, скаутско-халуцианское движение большого вдохновения. Она требовала от своих взрослых членов не только персональной хагшамы в Палестине, но и ставила перед ними требования определенного поведения в повседневной жизни.

В начале этого периода создалась молодежная прослойка, выросшая из рядов движения. Возникли особые формы быта и поведения, отличавшие шомерское движение от прочих молодежных сионистских организаций, оформился и начал безотказно действовать организационный аппарат.

Начали выходить периодические издания: “Мишъол” (“Тропа”) — орган цофим, и “Ал хамишмар” (“На страже”) — орган богрим, а также различные циркуляры и инструктивные брошюры. Проводились семинары для инструкторов, различные съезды, все-латвийские, районные и местные летние лагеря и т.д. Тогда же было разработано много форм хахшары.

В 1929 году в организации насчитывалось около 1400 членов в 25 отделениях. В 1934 году число членов достигло 2400 человек, включая отделения в Эстонии. Отделения функционировали почти во всех городах с заметным еврейским населением. В небольших городках были отделения, которым грозила ликвидация из-за малочисленности молодежи, из-за переселения евреев в большие города или из-за отсутствия надлежащего руководства на местах.

Молодежная организация, в которой более взрослые покидают ее ряды из-за алии, не может своими силами полностью справиться с поставленными перед нею общественными и организационными задачами. Поэтому неудивительно, что приходилось постоянно прибегать к помощи шлихим из Палестины. С другой стороны, кибуцное движение в Палестине рассматри-

вало помощь халуцианским молодежным организациям в диаспоре как свою первостепенную задачу. Но имелись также перерывы между прибытием различных шлихим, и организация вынуждена была иногда несколько лет подряд собственными силами справляться со своими делами.

В 1928 году впервые был произведен опыт отправки инструкторов на несколько месяцев в провинциальные города. До этого местные отделения всегда проводили работу собственными силами. Главный штаб посылал им своих людей лишь для кратких посещений. Начиная с 1929 года, плановое распределение кадров во вселатвийском масштабе стало в организации постоянной практикой. Инструкторы работали на местах по полгода, по году и даже больше, их переводили из одного места в другое при необходимости. Условия жизни инструкторов были трудные. Главный штаб не мог обеспечить инструкторов всем необходимым, а местные организации, как правило, могли обеспечить инструктора лишь комнатой и не всегда имели возможность найти средства для его содержания. Инструкторы вынуждены были заниматься частными уроками или какой-нибудь другой временной работой, чтобы свести концы с концами.

Недостаток денежных средств преследовал организацию все годы ее существования. Некоторые отделения не имели своего клуба в течение многих месяцев и по той же причине безденежья не были в состоянии выполнять свои финансовые обязательства перед главным штабом. Последний вынужден был время от времени объявлять сбор денежных средств, таких, как Керен гашомер (Фонд гашомера). Недостаток средств очень сильно мешал работе главного штаба, затруднял выпуск печатного материала, ограничивал инструктаж, поездки и содержание двух-трех его членов, посвящавших все свое время работе в организации. Текущую работу в организации выполнял главный штаб, эта немногочисленная группа делала большую работу.

Уже в 1927—1928 годах сложился жизненно важ-

ный орган движения — главный совет. Он состоял из членов главного штаба, руководящих товарищей из отделений, инструкторов главного штаба в провинциальных городах и представителей Гашомера. Короче говоря, включал почти весь актив движения. Число членов главного совета не было постоянным, оно колебалось между 20 и 25 членами и более. Впрочем, основная задача и значение главного совета состояли в том, чтобы планировать работу организации и направлять на места руководящий коллектив. Для этой цели главный совет (мозга рошит) собирался дважды в год, весной перед летним сезоном и осенью перед зимним. Будучи центром Гехолуца, главный штаб отвечал за работу этой организации в центре, на периферии и в отделениях хахшары. Вся работа в организации велась в согласии с принципами, принятыми в главном совете, он же выяснял все проблемы, связанные с работой организации в Гехолуце, поддерживал контакты с другими движениями и учреждениями и принимал решения по организационным и идеологическим вопросам.

С самого начала поворота в сторону халуцианства латвийское движение старалось наладить тесные связи с литовским движением. Все годы в Литву посылались инструкторы для проведения совместных разовых мероприятий, например, летние лагеря и семинары инструкторов, а в ряде случаев также для продолжительной инструктивной работы. Латвийская организация, как правило, приглашала литовских товарищей участвовать во вселатвийских мероприятиях и со своей стороны посылала делегации на подобные мероприятия литовской организации.

Стремление создать более тесную связь с литовским движением было также причиной образования группы хахшары для латвийских товарищей в окрестностях Клайпеды (Мемеля). Благодаря совершенствованию организационной работы движение смогло охватить разнообразные виды деятельности с надлежащим размахом. Переворот 15 мая 1934 года, в результате которого в Латвии установился авторитарный режим Ульманиса, тяжело отразился на движении.

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА

На память...

Мы объявляем решительную борьбу разложению, карьеризму и опустошению, охватившим нас, и призываем не к отвлеченным, а к весьма конкретным делам и свершениям — к внутренней революции в народе и в каждом отдельном человеке.

Мы победим...

4.3.1930 г.

Эти строки были написаны на обороте фотографии, подаренной на память одним молодым членом организации своему другу. Много подобных посвящений, написанных то простым, то вычурным языком, можно найти в альбомах бывших членов организации — они свидетельствуют о настроениях, царивших среди ее членов, и их думах об избранном жизненном пути и “конкретных делах и свершениях”, коим они себя посвятили. В этих посвящениях отражены также воспитательные цели движения.

Как известно, латвийская организация была вначале чисто скаутским течением. Ясно, что не скаутизм привел ее к халуцианству. Разнообразные факторы в еврейском народе и вне его привели еврейскую молодежь различных кругов на путь халуцианства. Поскольку, однако, халуцианство возникло в Латвии в недрах скаутского движения, то последнее оказалось важным фактором, определившим характер и воспитательный путь движения.

Латвийское движение, выросшее из скаутизма, не было исключением в халуцианском движении. Другие движения, будучи с самого начала халуцианскими, тоже усвоили с течением времени в той или иной мере то положительное, что содержалось в скаутизме. В латвийском движении скаутизм не был заимствован извне, не был частичным. Он составлял коренную, суще-

ственную базу организации. Пересмотром воспитательных идей и духовных ценностей при переходе к халуцианству скаутизм не был забракован. Он был и остался крепким воспитательным остоном движения, и конечная цель — Палестина — вдохнула в него дух халуцианского напряжения. Члены организации были уверены в плодотворности и пользе слияния скаутизма с халуцианством. Они считали, что это самый верный путь к воспитанию здоровой личности в среде еврейской молодежи. Они обнаружили в халуцианском скаутизме средство для удовлетворения новых устремлений еврейской молодежи в диаспоре: быть сильной, духовно и физически распрямиться, дать выход боевым инстинктам и революционной активности.

Каковы основные черты скаутизма, которые позволили применить их столь органически и плодотворно к потребностям халуцианского воспитания еврейской молодежи?

Создатель системы бойскаутизма, английский генерал Баден-Пауэл, которого волновали проблемы будущего положения Англии в мире, с тревогой наблюдал за разлагающимся влиянием города на молодежь и искал путей обновления того типа англичанина, который привел свой народ к величию. Баден-Пауэл во все не хотел взбунтовать молодежь против существующего английского общества, его цель была — воспитание в ней качеств, отличных от тех, которые складывались стихийно в современной ему английской действительности. Он пришел к выводу, что для осуществления этой цели необходимо создать организацию, обладающую большим воспитательным воздействием, отличным от воздействия окружающей среды, а в некотором смысле даже противоположным ей. В качестве неперемennого условия успеха Баден-Пауэл считал необходимым привлечение самой молодежи к этому педагогическому усилию, чтобы она сама стала носительницей этого эксперимента.

Баден-Пауэл сумел указать путь к правильному, с его точки зрения, воспитанию молодежи — коллективная эмоциональная жизнь, насыщенная педагоги-

ческим содержанием. В этом и состоит значение бойскаутизма как воспитательного метода.

Этот метод базируется на цельной, продуманной системе мероприятий, раскрывающих молодежи образ идеального героя, которому хочется подражать. Эта система больше всего подходит подросткам. В центре ее — лагерь, т. е. то, что дает возможность воспитанникам жить жизнью поселенцев на необитаемых землях, научиться существовать в примитивных условиях, приучать дух и тело к трудным испытаниям, познавать и любить природу, изучать ее закономерности, находить особый вкус в необычном образе жизни и привыкать к особому моральному кодексу бойскаутов.

Перенос “героя” из окружающей действительности в далекие, овеянные романтикой, джунгли Индии и степи Америки вызывал у юношей интерес к идеальной личности, открывал неограниченные возможности для раскрытия их творческой фантазии в интенсивной самодеятельности, полной приключений и напряжения, а также поощрял создание сравнительно автономной общественной системы, наиболее отвечающей поставленным воспитательным целям.

Бойскаутские движения, возникшие вскоре в различных странах, получили в каждой из них свою собственную окраску, в некоторых случаях отличную от той, которая была задумана их основоположником.

Халуцианско-палестинская ориентация освободила еврейский скаутизм в диаспоре от известной искусственности. У этого скаутизма появилась новая перспектива. Не будет преувеличением сказать, что именно в среде халуцианской молодежи диаспоры созрели условия для реализации возможностей, заложенных в этой системе. Только в этой среде оказалось возможным превратить бойскаутскую игру в органический этап на пути реального будущего. Только в ней бойскаутские игры смогли для членов организации превратиться в символ конкретного, осязаемого будущего. Баден-пауэловский бойскаутизм казался детским и примитивным по сравнению с широтой и размахом, характерным для сложного, многогранного халуциан-

ского скаутизма, претерпевшегося постепенно в определенный жизненный уклад.

Привлечение халуцианской романтики к скаутизму, иными словами — приспособление скаутизма к потребностям халуцианского воспитания и с практической точки зрения, и с точки зрения принципиальной, оказалось делом не очень сложным для нашей организации.

Скаутские лагеря, сигнализация, первая медицинская помощь и другие скаутские игры — все было аналогично палаточным лагерям в Эмеке* и Галилее, в которых тогда жили халуцим, сигнализационным башням, связывавшим осажденные еврейские поселения в то время и т. д. Однако еврей-халуц в Палестине был не только увлекательным образом, овеянным романтикой кипучей жизни в организации, но также деятелем, к которому предъявлялись конкретные требования. Со дня вступления в движение воспитанник брал на себя бремя “практических обязательств”, более сложных, чем те, с которыми он прежде сталкивался в своей среде; он должен был воспитать в себе качества весьма отличные от общепринятых в его окружении. Лишь в том случае, если он успешно справлялся с этой задачей, он становился достойным приема в организацию. Бывшие члены организации вспоминают о беседах, которые проводились в шомерских и даже в скаутских отрядах в то время, когда движение стало на халуцианский путь. В этих беседах становилось предельно ясно, как важно закалять тело и воспитать характер, чтобы подготовить себя к будущей халуцианской жизни в Палестине. По мере того как отряд вырос, становились более серьезными и ответственными его задания.

Решающим принципом рабочей системы организации было деление на разные ступени — этапы. Каждая из них ставила перед отрядом и отдельным членом конкретные задачи, подобранные с учетом потреб-

* Сокращенное название Эмек Изреэль — Изреэльской долины.

ностей и возможностей раннего возраста. Система ступеней превратилась с течением времени из чисто технической, скаутской системы (берущей свое начало в баден-пауэловских разрядах) в систему органического воспитательного роста. Он начинается приобщением к движению детей в возрасте 10—11 лет и ступень за ступенью продолжается до алии в Палестину и поступления в кибуц. В слиянии молодежного бунтарства с потребностью культурного роста и со стремлением последовательно и все более интенсивно вовлекать молодежь в поиски личной и коллективной цели — в этом был источник жизненности организации. Сочетание протеста против окружения и отрицания старого, с одной стороны, с тенденцией собственными силами построить новое — с другой, вот что спасло еврейскую молодежь от бесплодности и общественных искривлений, характерных для многих свободных молодежных течений в Европе.

Движение состояло из трех возрастных категорий: первая, наиболее молодая, включала возрастную группу от 10—11 до 12—13 лет, вторая — от 12—13 до 16—17 лет, третья, самая взрослая, — от 17 лет и далее до алии в Эрец Израэль.

В первой прослойке детей занимали играми, чтением рассказов, проводились мероприятия, которые интересовали и увлекали аудиторию. Как правило, они строились на символике периода кочевья еврейских колен по Синайской пустыне.

Главной, основной прослойкой движения, с точки зрения ее численного охвата и продолжительности пребывания в ней, была скаутская, цофимовская прослойка. Методы работы с цофим также были наиболее разработанными. Эта прослойка делилась на три разряда. Каждый разряд характеризовался своей системой мероприятий, своей особой рабочей методикой.

Третий разряд охватывал детей в возрасте 12—13 лет. Отряды юношей и девушек проходили подготовительный период рекрутства, длившийся 8—10 месяцев. За это время воспитанник готовился к вступлению в равноправные члены организации. От него требовалось

приобретение определенных навыков и умений по практическому скаутизму, он обязан был усвоить систему идейных ценностей организации.

Баден-Пауэл, утвердивший свой метод подбором правил: *делай это, не делай этого*, — сформулировал общественные устои бойскаутизма в виде десяти заповедей, включающих также некоторые дополнения. Следует привести несколько примеров его конкретной педагогики. Одно из требований, предъявляемых бойскаутам с целью воспитания гражданственности, сводилось к тому, что бойскаут обязан ежедневно совершить хотя бы один полезный поступок (помочь старику или ребенку перейти дорогу, убрать кожуру с тротуара и т. д.). Для материализации чувства справедливости и человеческой порядочности Баден-Пауэл установил, что бойскаут всегда должен говорить правду. Баден-пауэловский бойскаут не должен курить, ругаться, пить алкогольные напитки, играть в карты. Он — “чист в своих мыслях, речах, действиях”. С помощью таких правил Баден-Пауэл пытался разработать общественную систему, которая могла бы противостоять отрицательным влияниям улицы.

Такие на первый взгляд наивные, простые принципы, перенесенные на конкретную почву еврейского общества и приспособленные к целям движения, вполне подходили для подростков 12—13 лет. И они были приняты со всей серьезностью. Когда же отряд переходил в старшую категорию — богрим, — из этих правил вытекала критика существующего общества с его разлагающей моралью, критика образа жизни “золотой молодежи” и карьеристов.

Эта критика проявлялась в атмосфере, царившей в организации, — в стремлении к простоте нравов, к спартанскому образу жизни, в установлении естественных, неформальных отношений между ее членами, в борьбе против изнеженности и мещанства со всеми его характерными чертами. Организация настаивала на том, чтобы принятая в ней форма стала повседневной одеждой для ее членов даже в школе. Она установила свою “моду” (кожаную куртку, тяжелые бо-

тинки и т. д.). Полностью отрицались “салонные” танцы, и с ними успешно конкурировала хора — основной танец организации. Хору танцевали с огромным “хасидским” воодушевлением. Вообще, одним из священных принципов организации была разработка своей собственной системы ценностей, образа жизни и поведения.

Вторая стадия бойскаутизма — второй разряд по принятой в организации терминологии — длилась приблизительно два года и тоже основывалась на максимальном использовании скаутских начал. Самым совершенным проявлением этого начала был летний лагерь и продолжительный период подготовки к нему. В год основания тель-авивского порта, например, летний лагерь на берегу реки был посвящен этому событию. Были построены причалы, заготовлены лодки и различные плавательные средства. Игры тоже были посвящены этой теме, не говоря уже о подборе песен, бесед и дискуссий. В годы создания в Палестине поселений типа “Стены и башни” предпринимались усилия придать соответствующий вид скаутскому лагерю. Действительность в Палестине всегда была главной темой летних лагерей, однако сюда включались также и другие мотивы, такие, как жизнь примитивных племен, что всегда служило повышению эмоциональной заинтересованности. Простор для активного воображения был практически неограниченным, и часто достигался незабываемый эффект.

Лагеря взрослых разрядов продолжались, как правило, две недели. Это давало возможность хорошо разбить лагерь и установить в нем различные скаутские постройки для разнообразного, активного времяпровождения.

Зимой лагеря длились всего несколько дней: они посвящались зимнему спорту, прогулкам и играм.

В течение всего года устраивались пешие, велосипедные экскурсии, поездки поездом или автобусом маленькими группами или целыми отрядами. Эти экскурсии продолжались день или два, а иногда всего лишь несколько часов. Порой это были легкие прогулки, но

были также экскурсии, требовавшие от ее участников силы и выносливости.

В организации большим успехом пользовалась советская педагогическая литература, пропагандирующая принципы самодеятельности учеников и избрания из их среды органов самоуправления. В этих книгах сохранилось немало новаторских и смелых для того времени педагогических опытов. Особое влияние на инструкторов оказал русский фильм "Путевка в жизнь" и книга Макаренко "Педагогическая поэма". Некоторые инструкторы затратили много труда и воображения, претворяя эти педагогические принципы в воспитании цофим.

Теоретическая работа со второй ступенью носила уже более зрелый характер. Романтические рассказы о жизни халуцим постепенно заменялись учебными программами по изучению проблем еврейского народа и человеческого общества.

Третий этап цофим, длившийся около года, был подготовкой к переходу в следующую, взрослую категорию — шомрим. Практически скаутское начало на этом этапе было незначительным и выражалось в основном лишь в оказании помощи мероприятиям, проводимым в более молодых группах.

В этом возрасте цофим начинали выполнять организаторские функции в отделении. Некоторые из них работали инструкторами, другие брали на себя ответственность за различные области в жизни отделения. Кандидаты на эти должности определялись отрядом путем обсуждения, так что отряд в целом нес ответственность за то, что делается в отделении. Представителями и активистами в различных комиссиях бывали также члены младших отрядов, но управление мероприятиями находилось, естественно, в руках взрослых групп цофим. Воспитание личной ответственности за дела организации методом конкретных поручений в соответствии с тем или иным возрастом было важным педагогическим приемом в организации.

Важным моментом в развитии личности молодого

инструктора было начало его работы с звеном или с отрядом. Это было время, когда он много учился, читал и созревал в борьбе с трудностями и решением личных, общественных и теоретических проблем.

Сила молодежного движения зиждится на развитии им же самим чувстве коллективизма и товарищества. Но став на путь осуществления национальных и общественных целей, организация стремилась к тому, чтобы ее члены всех возрастов приобрели теоретические знания и чтобы у них выработалось рациональное понимание особенностей своего движения.

Основная педагогическая задача организации, как это понималось в то время, состояла в том, чтобы произвести у воспитанников "внутренний переворот", т.е. воспитать в них отрицательное отношение к понятиям окружающего их общества и заменить в их сознании эти понятия новой системой взглядов. Это должна была быть цельная всеобъемлющая система, охватывающая все стороны жизни человека и означающая новое миропонимание. Аналогичную постановку вопроса можно было обнаружить в то время и в других революционных молодежных организациях. Таковую всеобъемлющую систему они обрели в историческом материализме. Поэтому теоретическая деятельность была посвящена в основном развитию материалистического мировоззрения, критике буржуазных, консервативных и религиозных воззрений и изучению проблем еврейства и сионизма. Был выработан перечень тем по изучению национальной и общественной проблематики.

Не лишним будет заметить по этому поводу, что полное отрицание культуры окружающей среды в большой степени было связано с некоторым отчуждением от еврейского культурного наследия, знание которого было неглубоким. Движение постаралось, и, как нам кажется, довольно успешно, создать цельное мировоззрение и воспитать чувство принадлежности к еврейскому народу, солидарность с ним и ответственность за его судьбу.

Взрослая прослойка — шомерская — была органическим звеном в ступенчатой структуре органи-

зации, последним этапом в индивидуальной и групповой подготовке к жизни в кибуцах Палестины по халуцианским заветам. Эта группа коллективно несла основное бремя работы и ответственности в движении. В ней обсуждались и решались различные проблемы, затрагивающие жизнь организации. Ею избирались ответственные товарищи для работы во всех органах движения, из ее среды выбирались инструкторы и активисты для работы на различных участках.

При воспитательно-возрастной системе организации, т. е. при делении ее на категории, ступени, что определяло жизнь отрядов и процесс их развития, имелся еще постоянный годовой календарь, определявший мероприятия организации в целом.

Главным делом в летнее время были, естественно, лагеря, в которых подводился итог воспитательной работы и которые представляли собой завершение длительного периода работы с группой цофим. Лагеря были местные и районные, но с течением времени начали устраивать раз в два года центральный вселатвийский лагерь.

Начало учебного года посвящалось подготовке групп к зимнему сезону. Во время летних мероприятий проводилась кампания по привлечению новых членов организации (исуф — собрание, по терминологии организации). Зимние месяцы больше всего подходили для теоретической работы. Лагеря во время ханукального и рождественских праздников превращались в одно из интереснейших событий зимнего сезона.

В неделю праздника Песах в организации устраивалась Неделя движения, цель которой — демонстрация работы и достижений перед еврейской общественностью, а также привлечение к движению новых членов. В уличных шествиях, на открытых вечерах и собраниях разъясняли цели и пути организации, демонстрировали сценические достижения, проводили спортивные соревнования, играли оркестры. Устраивались особые детские праздничные утренники. К Неделе организации готовились тщательно, и местное отделение было полностью занято этим много недель.

Понятно, что в организации время от времени отмечались исторические даты и праздники, отделения полностью отобилизовывались для общесионистских мероприятий, таких, как проведение выборов делегатов в Международный сионистский конгресс и т. д.

От события к событию, от мероприятия к мероприятию годовой календарь регулировал сезонную работу в организации.

ХАХШАРА И АЛИЯ

Первые группы халуцим в Латвии возникли в Риге еще в 1917 году, когда город находился под немецкой оккупацией. Это были первые небольшие группы молодых людей, мечтавших эмигрировать в Палестину, как только появится для этого первая возможность по окончании войны. Когда им стало известно из брошюры Иосифа Трумпельдора о Гехолуце, о создании этого союза в крупных центрах России, они в начале 1918 г. тоже основали в Риге отделение Гехолуц. Свой замысел они осуществили практическими действиями: арендовали участок земли в черте города и выращивали зелень для своих семей, что, кстати, было существенным подспорьем в то голодное время.

Не прошло много времени, и первые халуцим выехали из Латвии в Палестину. Это было в 1919 году, когда ворота страны были широко открыты для въезда всех желающих евреев. Существовавшие тогда благоприятные условия эмиграции и сам факт начала алии подтолкнули некоторую часть молодежи тоже присоединиться к союзу Гехолуц. Отныне хахшара велась в двух направлениях: сельскохозяйственная подготовка в летние месяцы на крестьянских фермах и профессиональная — в ремесленных училищах, основанных с помощью благотворительной американской организации "Джойнт".

Среди первых олим из Латвии были такие, которые поступили в Гдуд гаавода, другие, числившиеся ранее в халуцианской организации Ахдут (Единство), были в числе создателей кибуца Гешер, который в настоящее время носит название Ашдот-Яков.

Активисты движения много занимались вопросами хахшары и алии, однако проблеме преемственности и продолжения движения они не уделяли достаточного внимания. Поэтому, по мере отъезда в Палестину членов и создателей движения, последнее все больше и больше хирело. Были и другие причины, вызвавшие

кризис латвийского движения Гехолуц — вплоть до почти полного его исчезновения в 1924—1925 гг. Этому способствовал, в первую очередь, экономический кризис в Палестине, последовавший за четвертой алией. В Латвии начали появляться первые разочарованные возвращенцы из Палестины, бывшие ранее членами Гехолуца. Удержались и продолжали существовать то тут, то там лишь совсем небольшие группки Гехолуц гацаир. Летом еще были организованы пункты хахшары, но и эти группки затем распались. Самые устойчивые, упрямые и последовательные сторонники халуцианской идеи нашли затем свой путь в организации Гашомер гацаир или эмигрировали по личной инициативе в Палестину.

Так обстояли дела в начале 1926 года, когда в среде Гашомер гацаир созрела необходимость перевести на сельскохозяйственную хахшару первенцев взрослой прослойки движения, первых своих богрим. Вначале рассматривали хахшару не только как сельскохозяйственную подготовку, и было затрачено много усилий, чтобы обеспечить такую хахшару всем кандидатам и халуцим. Потом были разработаны разные виды хахшары: сельскохозяйственная хахшара на ферме Гехолуца, батрацкий труд в индивидуальных крестьянских хозяйствах (один работник или небольшие группки из 2—4 человек в летний сезон). Обычно все эти группы работали в одном районе, чтобы можно было время от времени проводить среди хахшарников встречи и некоторые культурно-общественные мероприятия. Однако большая часть хахшары проходила в городских группах, связанных с различными фабриками и мастерскими. Это позволило обеспечить непрерывность подготовки вплоть до наступления срока алии.

Бедственное положение, граничившее с нищетой, царило в большинстве групп хахшары в 1930—1935 годах. Особенно тяжело было с жильем. Городские группы жили в нанятых помещениях. Санитарные условия даже в больших квартирах были рассчитаны на семью, а не на десять жильцов. Условия быта были удручаю-

щими. Скученность была страшная. В комнату средней величины ставили 4—5 коек, иногда и больше. Даже не все постояльцы были обеспечены койками, часто спали вдвоем. Койки стояли вплотную друг к другу и занимали всю комнату, не оставляя свободного прохода. В большинстве случаев в комнатах не было никакой мебели. Личные вещи и одежда хранились в чемоданах под койками. В этих условиях не было существенной разницы между различными группами хахшары. Облегчить положение могло только сокращение (пусть даже временное) числа членов групп, и наоборот — скученность сильно возрастала в период прибытия новых хахшарников. Критерием набора служил лишь спрос на рабочие руки в данном месте и в данное время. Однако новым товарищам из-за нехватки жилья никогда не отказывали.

Питание и метод ведения кухни никогда не были на должной высоте. В этом жизненно важном деле положение было плачевным. Неопытные стряпухи не могли свести концы с концами при том скудном бюджете, который был в их распоряжении. Часто меню бывало однообразным. Месяцами ребята не видели таких основных продуктов питания, как мясо, яйца и фрукты. Самая большая комната в квартире служила столовой, которая, как правило, не могла вместить всех едоков одновременно. С появлением хорошей стряпухи (они часто менялись) бывали заметные улучшения в питании.

Переход к физическому труду в условиях недостаточного питания приводил, естественно, к нежелательным последствиям. Ребята часто теряли вес, испытывали физическую слабость. Отпуска предоставлялись на более или менее продолжительное время, чтобы восстановить физические силы ребят в домашних условиях.

Бюджет хахшары в то время вовсе не включал таких важных статей расхода, как приобретение одежды и обуви. Хахшарники обязаны были привозить с собой все необходимое, и все эти вещи служили всей группе. Даже такое важное дело, как покупка обуви

для работы, не было предусмотрено бюджетом групп, и обуви не хватало.

Нищенский уровень жизни был не только из-за низких заработков, но также из-за отсутствия опыта и вследствие принципиального пренебрежения к хозяйственной деятельности. В то время считалось, что переход к трудовой халуцианской жизни означает также приспособление к нужде и лишениям и к этому надо привыкать. Лишь значительно позднее начали понимать, какое важное значение имеют все эти "мелочи" быта для хахшарников, для их самочувствия.

Не для всех богрим — членов организации, переход к хахшаре обязательно был связан с привыканием к физическому труду. Не все были гимназистами, "маменькиными сынками". Большую часть богрим составляли юноши и девушки из трудящихся слоев населения. В молодом возрасте они, как правило, вынуждены были бросить учение, чтобы трудом помочь своим семьям. И все же каждый взрослый знал, что при выходе на хахшару его ждут неведомые ранее испытания. Понятно, что труднее всего было гимназистам. Тяжесть испытаний во многом зависела от вида работы в первые дни хахшары. Многие познали трудности, так как не привыкли к физическому труду. Но вместе с тем они испытывали удовлетворение от преодоления этих трудностей. Воспитательный процесс в организации явился хорошей школой подготовки к хахшаре. Сознание, что нужно во что бы то ни стало выдержать этот экзамен, делало свое дело.

Часто здесь имело значение явное или неявное соревнование с нееврейскими рабочими, среди которых еврейским молодым людям приходилось работать. Немало способствовало успеху и желание показать себя и не уронить своего достоинства перед латышскими коллегами. Последние относились, вообще говоря, с усмешкой к этим молодым евреям, которым почему-то взбрело в голову заняться именно физическим трудом. Соревнование стимулировало и поддерживало дух молодых еврейских рабочих.

Группы хахшары почти постоянно страдали от

безработицы. Когда они не находили работы в промышленности или в ремесленных мастерских, хахшарники брались за выполнение любых других работ, включая обслуживание. Девушки стирали и занимались хозяйством, а ребята работали грузчиками, продавцами, ночными сторожами и не гнушались любой черной работой.

Тут следует отметить, что единственные рабочие места, легко доступные членам халуцианских групп и евреям вообще, кроме сельского хозяйства, имелись лишь в "еврейском секторе". Таким, по крайней мере, было положение в Восточной Европе. На тяжелых физических работах на фабриках, в мастерских и т. д. работали лишь неевреи. Из числа евреев только молодые люди в хахшаре стремились к подобной работе. Лишь под давлением или из сентиментальных побуждений соглашались хозяева предприятий принимать евреев на такие работы.

Приобретение навыков к труду не было единственной целью этапа хахшары в жизни члена организации. Хахшара еще должна была привить навыки к коллективной жизни в Палестине. Поэтому во время хахшары в диаспоре большое внимание уделялось выработке культуры коллективной жизни. Больше того, прошло немало лет, пока осознали необходимость улучшения повседневного материального быта. Но усилия создать культурный общественный быт проявились вместе с первой группой хахшары.

Тяжелые условия жизни затрудняли проведение широкой теоретической работы в свободное время. Как правило, это были лекции на идеологические и политические темы; иногда лекторы приглашались со стороны. Больше всего уделялось внимание устройству праздничных вечеров и вечеров, посвященных памяти выдающихся людей. Иногда наблюдалась кооперация между группами хахшары и взрослой прослойкой местного отделения.

Начиная с тридцатых годов, в организацию регулярно прибывали деятели из Палестины, и одной из главных их задач была забота о хахшаре. Получалось

так, что городские группы хахшары в Риге в большей степени использовали навещавших нас для проведения культурно-общественной работы. Преимущество городских групп состояло также в том, что их члены могли посещать художественные спектакли. Однако совместные посещения драматического театра и оперы были редким событием в жизни групп, так как такого рода мероприятия можно было осуществить лишь за счет сокращения расходов на другие существенные нужды.

Знание иврита в те годы было непременным условием выдачи разрешения на алию. По этой причине делались постоянные усилия по изучению иврита. Учителями были сами члены групп. Нельзя сказать, что в этом деле достигнуты были значительные результаты. Газеты "Давар" имелись почти в каждой группе хахшары, и они служили материалом для изучения современного языка и подготовки обзоров на тему "Что нового в Палестине". Эти газеты переходили из рук в руки и сохранялись в подшивках. Связь с Палестиной путем получения информации о кибуцах, о Гистадруте и различных событиях — в этом, пожалуй, и состоял главный смысл культурной работы в группах хахшары.

Число членов в группах хахшары было наибольшим в 1934—1935 годах. Начиная с 1936 года, в большинстве стран наметился спад в халуцианском движении. Годы роста алии — 1932—1935 — привели много молодых людей в ряды Гехолуца и хахшары. К концу этого периода заметно увеличилось расхождение между все растущей тягой молодежи к алии и числом сертификатов, выдаваемых британскими властями Палестины. Союз Гехолуц не был в состоянии удовлетворить спрос на иммиграционные лицензии, а это подрывало значение алии, в которой видели средство найти свое место в жизни многие тысячи молодых евреев. Уже во время летнего выхода на хахшару 1936 года значительно сократилось число кандидатов. Кровавые события весной 1936 года в Палестине и по-

следующий иммиграционный запрет англичан резко ухудшили положение.

Очередь на алию определялась прежде всего стажем пребывания в хахшаре. В новой ситуации для большинства членов групп хахшары, а также для членов отделений Гехолуца, это означало необходимость ждать отъезда в Палестину долгие годы, безо всякой гарантии получить когда-нибудь сертификат. Даже те группы хахшары, которым удалось наладить сносный образ жизни для своих членов, не могли изменить существо и назначение хахшары как переходного этапа, подготавливающего молодежь к жизни в Палестине. Хяхшара сама по себе не была целью и, следовательно, не могла превратиться в постоянную форму жизни для взрослых людей.

Первыми начали уходить так называемые неорганизованные халуцим, не прошедшие молодежного движения. Их число свелось к минимуму. Но даже среди выходцев из молодежных организаций перспектива застрять на долгие годы на хахшаре тоже привела к уменьшению числа кандидатов.

Разными путями стремилось халуцианское движение укрепить свои ряды. Оно начало более зорко следить за соблюдением своих принципов в проведении хахшары, более строго реагировать — вплоть до исключения из групп — на случаи их нарушения. Вместе с тем была проявлена и некоторая гибкость.

Типичный пример затруднений тех лет — дискуссия о том, следует ли после кровавых событий 1936 года в Палестине сохранить принцип непрерывности хахшары (вплоть до алии). Многие утверждали, что при создавшейся ситуации с алией принцип этот сохранить невозможно и предлагали, чтобы после минимального срока хахшары порядка полутора-двух лет хахшарник ждал бы дома своей очереди на алию. Организация заняла резко отрицательную позицию по отношению к этому предложению, так как, по мнению большинства, оно привело бы к распаду хахшары. В решении, принятом после бурных дискуссий, которые состоялись в халуцианском совете, было также

сказано: "Совет рассматривает непрерывность хахшары как единственно правильный путь подготовки еврейской халуцианской молодежи к персональной хагшаме в Палестине".

Таков был принцип. Но чрезмерная непримиримость в осуществлении принципов, не учитывающая специфических, индивидуальных случаев, никогда не практиковалась в латвийской организации. Реальная жизнь научила ее, что принимать на себя трудные обязательства можно лишь в том случае, если можно справиться с ними. Таким образом, не отменяя принципа непрерывной хахшары, его стали проводить с известной гибкостью.

В то время прилагались энергичные усилия для улучшения материальных, культурных и общественных условий жизни в хахшаре. Улучшение общего экономического положения Латвии после мирового экономического кризиса способствовало этим усилиям. Начиная с 1935—1936 годов, значительно поднялся в Латвии уровень занятости населения. Группы хахшары смогли повысить расходы на содержание. Они избавились от хронического дефицита и даже начали экономить деньги в фонд алии своих товарищей. Начиная с этих лет, жизнь улучшалась неуклонно вплоть до осени 1939 года, когда утвердили новый закон о труде, поставивший перед хахшарой ряд острых проблем.

Положение в группах хахшары в это время значительно улучшилось. Но оказалось, что повышение качества питания, даже выделение денег на одежду и домашнюю утварь — это самая простая и легкая задача. А вот решить проблему жилья и скученности много труднее, несмотря на увеличение денежных средств. Правда, городские группы перешли в квартиры с большей площадью, что ликвидировало необходимость спать вдвоем на одной койке, но скученность все же осталась.

В прессе организации тех лет можно читать о широкой разъяснительной, просветительной и культурной деятельности в кибуцах хахшары: частые посещения групп членами центра, различные учебные кружки,

оркестры, драмкружки, месячники по изучению тех или иных вопросов и т. п.

Стремление увеличить алию не прекращалось. В письмах, направленных в секретариат Нецах в Палестине и в исполком Гистадрута все настойчивее звучит просьба выяснить возможность алии через сельскохозяйственную школу "Микве Исраэль", университет, технион, учительский семинар и т. п., т. е. через учреждения, которые имели право выдавать сертификаты.

С большим опозданием и после утомительных переговоров в Палестине и в Варшаве Латвия была включена в самом конце 1938 года в акцию "Алия бет", что означало попросту нелегальную алию. Эта дополнительная лазейка для алии вызвала, конечно, большое возбуждение в группах хахшары, но одновременно выдвинула ряд сложных проблем. В письме Арье Голани, представителя Гистадрута в Гехолуце в Латвии, направленном 18.5.1939 года исполкому Гистадрута, мы читаем между прочим: "Все наши усилия увеличить число наших товарищей в алии окончились ничем. Расходы в расчете на одного человека настолько велики, а, с другой стороны, возможности мобилизовать денежные средства даже для такого жизненно необходимого дела настолько мизерны в условиях нашей страны, что мы вынуждены ограничиться несколькими десятками наиболее состоятельных товарищей, которым удалось покрыть львиную долю расходов с помощью своих родственников. На этой почве возникла очень сложная общественная проблема. Товарищи, которые были давно в хахшаре, но материально необеспеченные, продолжают хахшару в течение уже 5—6 лет, и в то же время другие, моложе и по возрасту, и по стажу хахшары, едут... Можно себе представить ту горечь, которая накапливалась у ветеранов от такой несправедливости".

Голани пишет также о положении в группах хахшары в те месяцы: "Группы хахшары увеличили прием новых членов. Мы надеемся, что до начала лета примут на хахшару примерно 40 человек. Приход новых

хахшарников из отделений и непрерывная подготовка к алие вызвали большое оживление. Крепнет чувство уверенности, что движение живет и что оно упорно продолжает идти по своему пути, невзирая на трудности“.

Движение Нецах было первым среди организаций, связанных с Гехолуцом, которое возобновило хахшару в 1926 году как постоянное и главное мероприятие. В течение всех этих лет Нецах был центральной силой Гехолуца, несущей в нем бремя основной работы. Сознание ответственности, лежащей на ней за судьбу и развитие Гехолуца, росло вместе с расширением хахшары и расширением ее деятельности, как, например, забота о халуцианских отделениях, создание объединения ремесленников Хаовед (Трудящийся), алия, связь с Палестиной и т. д.

ДВИЖЕНИЕ В ЛАТВИИ И ЕГО МЕСТО ВО ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГАШОМЕР ГАЦАИР

Когда в первом десятилетии нашего века в Европе возникли разнообразные молодежные организации, в них оказались также и молодые евреи из наиболее широкой социальной среды — из среднего класса.

С течением времени евреи вынуждены были создать для себя свои отдельные организации, хотя по характеру деятельности и по идеологии эти движения были похожи на общие движения в той или иной стране. В Центральной Европе основное влияние на еврейские молодежные организации исходило от немецких молодежных течений, в Восточной Европе — от бойскаутских движений. Большинство этих еврейских организаций стало на путь халуцианства.

Декларация Бальфура разрешила сионистскому движению то, чего оно не могло добиться у турецких властей: еврейскую алию в Палестину, возможность приобретения земли, развитие автономного хозяйства и социальных институтов. Несмотря на растущую в политике Великобритании тенденцию свести к минимуму данные в 1917 году обещания, все же до конца 30-х годов (т. е. до полного отказа от обязательств помочь созданию в Палестине национального очага для еврейского народа) Декларация Бальфура и мандат Лиги Наций представляли собой реальные политические рамки для действия сионистского движения.

Как использовал еврейский народ эту возможность?

Когда была провозглашена Декларация Бальфура, в Палестине жило около 70 тысяч евреев. С политической и национальной точек зрения перед сионистским движением стояла задача: как поднять за кратчайший срок и привезти в Палестину максимальное число евреев? Страна была в запустении, ее экономика —

в упадке. Условия жизни и труда были очень примитивными. Чтобы страна могла принять массовую алию, следовало сперва создать необходимые предпосылки. Обычные иммигранты не могли справиться с этим. Это задание взялись выполнить халуцианские и молодежно-халуцианские движения.

В 20-х и 30-х годах мы были свидетелями возникновения в больших еврейских центрах Европы относительно широкого халуцианского движения, проникнутого глубоким идеализмом.

Несколько факторов совокупно стимулировали и формировали характер этого пробуждения. Во-первых, бедствия еврейских масс, увеличившиеся после первой мировой войны, волна погромов и тяжелые экономические последствия революции 1917 года. Во-вторых, та особая атмосфера, которая образовалась в Европе на почве происшедших там событий и революционных изменений; развал империй, исчезновение королевских консервативных режимов, образование независимых государств народами, освободившимися от чужого ига; возникновение новых социальных тенденций в результате русской революции. В-третьих, реальная возможность, связанная с провозглашением Декларации Бальфура: возможность реализовать вековую мечту о еврейской жизни в независимом еврейском государстве.

Революционное движение в царской России выделялось своим идеализмом и духом самопожертвования. Люди посвящали свою жизнь конкретной цели — осуществлению идеала. Теперь к этому прибавился торжествующий пафос победы революции, грандиозный охват ее, смелый ударный замах и дерзостное обещание уничтожить до основания старый мир и построить новый на его развалинах.

Еврейская молодежь впитывала в себя эту атмосферу с упоением. Высокоразвитое чувство социальной справедливости и чувствительность к пророчески-мессианским идеям, присущее еврейской культуре, а также бедствия, выпавшие на долю евреев, — все это во многом стимулировало положительный их отклик. Отсюда кажущийся парадокс: несмотря на глубокую

враждебность русской революции к сионистскому строительству в Палестине, оба эти фактора одновременно и плодотворно сочетались в миропонимании еврейской молодежи.

Вдохновляясь синтезом национальных и социальных идеалов, еврейская молодежь откликнулась на халуцианские потребности сионистского строительства, поставила себя целиком на службу этой цели.

Национальный идеализм, лишенный социальных тенденций, способен породить лишь преданность, героизм и самопожертвование военного характера, а также смелые подпольные или партизанские подвиги. Но он не может вызвать к жизни добровольное движение, которое означает: ломку старых общественных устоев, отказ от привычного, удобного городского образа жизни, от обеспеченного заработка, от преимуществ высшего образования и переход в деревню — к халуцианской жизни. Чтобы отдать всего себя делу “продуктивизации и пролетаризации еврейского народа” (как в те годы говорили), необходимо сочетание национального и социального идеалов.

Жизнь в труде представляла собой идеал, праведный и желанный образ жизни, осуществление личной мечты не на какой-то срок, а окончательно и навсегда. Возникло стремление к бескомпромиссному сочетанию сионистской идеи с прагматическими, “серыми” буднями халуцианской работы в то время: осушение болот, прокладка дорог, основание сельскохозяйственных поселений во всей Палестине. Имелись ясные цели перед глазами: расширение границ еврейской колонизации, создание собственного сельского хозяйства, формирование еврейского крестьянства и т. д. и т. д., т. е. создание еврейского общества, которое не только смогло бы своими руками построить страну, но и защитить ее, подвести широкий базис под интеграцию массовой алии и создать еврейский национальный очаг, который мог бы перерасти в еврейское государство. Даже самый блестящий политический успех висит в воздухе, если он не опирается на конкретные достижения. В этой сложной обстановке источник жизненности и силы ха-

луцианского движения, а также рабочего движения в Палестине был в том, что они превратились в творческую силу, создающую историю еврейского народа.

Те же причины, которые привели к возникновению халуцианского движения, привлекали еврейские молодежные организации к халуцианству.

Халуцианские молодежные организации формировали свою идеологию в процессе внутреннего созревания и становления. Большинство из них приняло в целом идеологические основы еврейского рабочего движения, но осуществляло их с максимальным рвением. Это выразилось в обязательстве персонального халуцианства (хагшама ишит), в разработке системы моральных и социальных ценностей и в "палестиноцентризме". Палестиноцентризм рассматривал Эрец Исраэль как главный фронт решения проблем еврейского народа, и отсюда вытекало обязательство для всех членов движения эмигрировать в Палестину и посвятить все свои силы ее строительству.

В этом процессе возрождения был также и элемент протеста молодого поколения против ханжества буржуазного общества и его порядков, против ненормальности жизни евреев в диаспоре. Еще в диаспоре молодежные организации взяли на себя строгие моральные и социальные обязательства, призванные существенно изменить образ жизни каждого юноши с момента его поступления в организацию. Это проявлялось в установлении новых отношений между товарищами, в их быте, одежде, песнях, танцах, в прогулках, экскурсиях, лагерях на лоне природы и т. д. Молодежные организации стремились к простоте, к отсутствию искусственности. Они начисто отрицали интерес к нарядам, снобизм обеспеченных слоев населения, карьеризм, царящий в окружающем их обществе. Их привлекала гармоничность личности, в которой высшие достижения культуры сочетаются с близостью к природе и постоянным с ней контактом. Их идеалом был человек, здоровый душой и телом, человек, одинаково хорошо развитый физически и интеллектуально. Идеи ликвидации пропасти между городом и деревней были очень близки

сердцу этих молодых людей. Их привязанность к кибуцному движению была для них совершенно естественной.

Хотя максимализм был свойственен почти всем молодежным организациям, связанным с рабочим движением Палестины, однако их политическая ориентация была различной. В разных странах влияние политических идеологий и событий на жизнь молодежных организаций складывалось по-разному. Известную роль сыграли также местные традиции.

Самой старой, большой и важной с точки зрения ее организационных достоинств и воспитательных традиций была организация Гашомер гацаир. Она насчитывала десятки тысяч членов и распространилась в большинстве еврейских центров мира. Ее взрослая прослойка создала разветвленную сеть цветущих кибуцов, и доля их участия в строительстве Палестины, в халуцианских свершениях, в освоении страны и в отстаивании ее безопасности была весьма весомой.

В своих методах воспитания и образе жизни организация Гашомер гацаир придерживалась в разных странах единых образцов. Однако в области политической идеологии образовались два идейных центра, превратившихся в два политических течения. Родиной одного из них была Галиция, второго — Советский Союз. Большинство национальных движений раньше или позже присоединилось к польско-галицийскому течению и лишь меньшинство — к русскому.

Течение большинства, так называемое польско-галицийское, развилось в самостоятельное кибуцное и политическое движение: Гакибуц гаарци — Гашомер гацаир (Всеизраильский кибуц гашомер гацаир) и Мапам (Объединенная рабочая партия).

В широком политическом спектре сионистского движения польско-галицийский Гашомер гацаир находился на левом фланге. Сионистская идея, которой он верно служил все годы, отделяла его от коммунизма. Русское течение и с ним движение Нецах в Латвии политически солидаризировались с основными положениями партии

Ахдут гаавода (Единство труда), а затем Мапай (Израильская рабочая партия) и придерживались идеей политического единства рабочего класса и единства киббуцного движения.

ДВИЖЕНИЕ ГАШОМЕР ГАЦАИР В СССР

Историки русского сионизма всегда отмечали общественное и национальное пробуждение еврейского населения после Февральской революции. Ростки движения Гашомер гацаир в этой стране тоже появились во время Февральской весны. "С самого начала революции на просторах России возникло лихорадочное влечение к организационной и общественной деятельности... Тогда же и начался подъем скаутизма. Он охватил в основном молодежные круги интеллигенции из мелкой и средней буржуазии. Процент евреев в этой среде был подчас довольно значительным", — отмечает один из основоположников движения Эльазар Галили.

Очень скоро у еврейской молодежи возникло чувство неудовлетворенности и неудобства в рамках этих союзов, объединявших юношей различных национальностей. Расплывчатые цели этих объединений тоже мало удовлетворяли ее. Еще в 1917 году в нескольких городах России возникли союзы еврейских скаутов, некоторые под названием Гашомер гацаир, некоторые под другими названиями, но все они имели общую окраску. Цель их, не всегда до конца конкретизированная, имела, однако, нечто общее: готовить себя для Палестины. Во многих местах бойскаутские еврейские отряды были связаны со спортивной организацией "Маккаби". Рост и развитие этих объединений были довольно заметными, и зимой 1918/19 года была даже сделана попытка организовать центральное бюро. Однако в России тогда бушевала гражданская война, она рассекла страну постоянно меняющимися огненными линиями фронтов; огромные территории оказались в состоянии полной анархии, во власти различных банд; еврейское население пережило полосу террора и погромов. Все это свело на нет попытки создать единую все-русскую организацию.

Осенью 1921 года возникло оргбюро, которое должно было созвать первую конференцию. Она собралась

в Москве в середине мая 1922 года. На ней объявили о создании всероссийской организации. На конференции необходимо было уладить разногласия по организационным вопросам, проблеме воспитания, характер движения и его мировоззрение. Тенденция к единству в движении росла. Она нашла отражение в принятых резолюциях, подытоживших главные задачи организации: "Оздоровление — физическое и духовное — еврейского народа, абсолютная необходимость восстановить еврейскую жизнь в Палестине, возродить еврейскую молодежь путем привлечения к природе и труду, к совершенству и цельности". Еще было далеко от разработки четкой политической программы или до определения направления будущей работы, но все наметки уже имелись в этой резолюции.

В 1919 году началось целенаправленное преследование сионизма. "Необходимо было иметь огромные душевные силы, чтобы в те годы противостоять могущественной коммунистической партии в тяжелой идеологической борьбе. Ведь сионистский идеал был понятием почти равнозначным символу веры, это было нечто фантастическое и далекое, что перешло к нам от отцов и дедов, но сами мы своими глазами его не видели и не могли видеть" (Галили). Существовал "постоянный конфликт между направлением воспитания в организации и влиянием школы, улицы, театра, прессы, литературы и даже семьи". Очень сильно затрудняло работу "отсутствие связи с Палестиной, незнание даже самых элементарных потребностей ее, того, что там происходит... Почти невозможно было ориентировать подготовку воспитанников движения на то, что их ждало по прибытии в Палестину". Из-за этого возникали кризисы в сионистском лагере. Немало молодых людей покинули Гашомер гацаир. Эти испытания укрепили организацию, и цели, намеченные ею, стали проясняться.

В мае 1923 года в Харькове собралась конференция движения. Эли Гушанский, один из ее активистов, подвел итоги первого года работы организации как все-

союзного движения. Он отметил усиление связи отделений с центром. Ослабли связи с "Маккаби". Гашомер гацаир постепенно отходит от общенациональной туманной программы "Маккаби", и в ней постепенно складываются более четкие представления о национальных и социальных проблемах. Эли Гушанский отметил, что наиболее важным для будущего организации был процесс оформления и расширения шомерской прослойки.

На этой конференции было принято приветствие шомерским кибуцам, принявшим участие в слете рабочего движения в Палестине (речь идет о второй конференции Гистадрута в феврале 1923 года). Это показательно для тенденции развития, наметившейся в организации.

Поучительны также условия конспирации, в которых работала организация в эти годы. Эли Гушанский рассказал в отчете о работе конференции: "Несколько заседаний состоялись на частных квартирах в городе, одно — на задних ступеньках синагоги, а закрытие — в лесу, недалеко от Харькова".

Организации повезло, она удостоилась неожиданной "встречи с Палестиной". Летом-осенью 1923 года в Москве открылась Всероссийская сельскохозяйственная выставка. Был там и небольшой палестинский павильон. "Небольшое число экспонатов превратилось для нас в символы реального существования еврейского ишува (собирательное название еврейских поселений в Эрец Исраэль), строящего Палестину... Невозможно выразить словами, какие душевные силы придает нам скромный палестинский павильон. Необходимо учесть пропасть, которая отделяла жизнь нашей организации в тюремных условиях России от жизни в Палестине, чтобы понять это".

Один из двух делегатов, прибывших с экспонатами выставки, был Давид Бен-Гурион. Члены организации встретились с ним с глазу на глаз, а также на общей беседе с коллективом инструкторов на собрании взрослой прослойки московской организации. В середине ноября 1923 года, незадолго до закрытия выставки, собрался главный совет (моэца рошит). Бен-Гурион

тоже принял в нем участие. Это совещание — важный этап в жизни организации.

“Брожение в местных организациях, предшествовавшее совещанию, показало, что настал момент для принятия четких и ясных идеологических решений... И не будет преувеличением, если скажем, что новый облик движения Гашомер гацаир в СССР родился в порыве и страданиях именно в те дни принятием смелых решений, обязательных для всех. В чувствах людей организации и в их сознании эти дни остались днями бурь и восхождений...”

...“Появление первого палестинского представительства на выставке послужило... подобием катализатора. Оно открыло путь халуцианской хагшаме, стремление к которой зародилось в организации... Внутренняя энергия была собрана, и призыв Бен-Гуриона “начните сразу же, в Палестине вас ждет большая работа...” упал на благодатную почву” (из статьи Галили).

После заседания главного совета начался период проникновения организации в западную и южную Россию и значительного прогресса в организационной и воспитательной работе. Начали выходить два органа печати. Один для инструкторов, второй для прослойки богрим. К концу зимы появились два документа, которые были напечатаны на страницах “Гашомер гацаир” (орган движения в СССР) для обсуждения в шомерских группах и отрядах при подготовке к принятию решений на съезде. Речь шла о тезисах:

- а) сущность и задачи шомерского движения,
- б) образ жизни и поведение шомера.

Эти документы стали основополагающими для формирования идейного содержания движения. Тезисы об образе жизни и поведении шомера сохранились. Представляет интерес первый параграф этого документа: “А) О личности шомера. 1) Задача нашего движения: воспитание рабочего-коллективиста с сильной и устойчивой индивидуальностью, способного служить верной опорой своему коллективу. 2) Основная черта облика шомера: способность и готовность к продуктивному труду, ясное и четкое понимание классово-национального

коллектива и активная защита его интересов, способность к обороне, сила воли и уравновешенность, постоянная энергия, смелость, чувство справедливости, физическая и моральная незапятнанность". В следующих параграфах говорится об образе жизни шомера, о его месте в организации и общественной жизни; в конце документа включены указания для инструкторов прослойки цофим, а также разъяснение правил, заповедей и обычаев цофим.

К сожалению, не сохранился оригинальный вариант теоретических тезисов. Путем изучения архивного материала и опроса товарищей удалось лишь восстановить основные положения этого документа. В преамбуле содержалась попытка проанализировать общие причины бедственного положения еврейских масс. Это должно было обосновать необходимость национального движения, которое построило бы обновленное еврейское общество в Палестине. Анализируется и специфическое место еврейской молодежи в этом процессе. Тезисы подчеркивают перспективы построения в Палестине новой жизни для еврейского народа, поскольку "там все необходимо начать с нуля". Одного лишь партийно-политического воспитания недостаточно для выполнения этих задач. Воспитывающая организация решает этот вопрос, поскольку она позволяет органически соединить воспитательные меры с заданиями, вытекающими из идеологии. Документов о развитии идеи кибуцного уклада не сохранилось, но в 1923 году эта идея была сама собой разумеющейся. На заседании главного совета в ноябре 1923 года было принято решение о создании кибуца силами организации. Выполнение этого решения было возложено на шомеров, которые включились в первую организованную алию от имени движения. Это произошло в начале 1924 года.

На конференции, состоявшейся в Киеве в июле 1924 года, тезисы были утверждены. Было послано приветствие кибуцу, созданному уехавшими к тому времени товарищами, и обсуждены некоторые практические шаги в связи с дальнейшей алией шомеров.

Киевской конференции предшествовали районные конференции, на которых обсуждались и утверждались те же тезисы. Это было широкое теоретико-воспитательное мероприятие, укрепившее связь членов движения с его идеологической программой.

“Перед развивающимся шомерским движением, члены которого уже начали прибывать в Палестину, открылись широкие перспективы воспитательной работы и халуцианских дел. До сих пор ему везло. Его корни питала героика подполья, романтика преследования, ее основа еще была цела, еще сохранились в целостности ее кадры и повседневная деятельность. Еще собирались летние лагеря, проводились беседы и пение у костров и т. д.”.

“В начале сентября 1924 года начались аресты, направленные на ликвидацию разветвленной сети еврейской общественной жизни, которая в основном была представлена сионистско-социалистической общественностью. Из этой горькой чаши движению Гашомер гацаир пришлось испытать семь мер... Необходимо отметить, что сентябрьские массовые аресты вырвали из рядов движения сотни активистов во многих районных и областных центрах. Арестовано было также несколько членов главного штаба. Но тогда же стало ясно, что с движением расправиться не удалось. В те дни были найдены формы ответа на репрессии, которые затем неоднократно использовались: в районы и области были направлены люди для восстановления движения. Некоторые из них, правда, тут же провалились и были арестованы, но в целом удалось вдохнуть новую жизнь в отделения организации. Были случаи, когда группы шомеров и даже взрослых цофим по заранее разработанному плану или по собственной инициативе заменяли разгромленное местное руководство. После утомительных и опасных поисков “адресов” и верных курьеров были восстановлены связи. Таким образом удавалось возобновить работу главного штаба — иногда после того, как она была в течение нескольких недель парализована”.

“Движение было загнано в глубокое подполье и

вынуждено было отказаться от многих старых приемов и заменить их другими, которые больше соответствовали конспирации, без которой никакое серьезное подполье не может устоять". В этих условиях центр тяжести работы "переместился с методов воспитания путем лагерей, экскурсий и т. д. в область политической разъяснительной работы... Движению удалось устоять и сохранить свое моральное и идейное влияние на широкие круги еврейской молодежи и детей... Оно даже продолжало расти и давать новые победы". Так, например, в октябре 1925 года оно насчитывало 147 отделений, а летом 1926 года их было уже 170. Число юношей, охваченных организацией, достигло 12—14 тысяч человек.

Однако преследования росли, и в конце концов властям удалось задуть всякую организационную сионистскую деятельность. "Нельзя точно установить, до какого времени движению Гашомер гацаир в СССР удалось сохранить себя как организованную силу... Последнее явное свидетельство наличия центрального руководства сохранилось в "Информационном бюллетене" от ноября 1932 года, который был получен в Палестине". В нем содержится отчет о расширенном совещании главного штаба по организационным вопросам.* Что касается алии, то в первые годы уезжали десятки людей. В 1926 году их было уже сотни. По масштабам халуцианско-кибуцного движения тех лет это явилось существенным пополнением для халуцианского ядра в Палестине (речь идет о кибуце выходцев из русского движения Гашомер гацаир).

Вскоре выезд из СССР стал совершенно невозможным. Осталась еще маленькая лазейка: "замена" приговора некоторым товарищам, пребывавшим в ссылке, на разрешение выехать из страны. Однако в 1926 году мандатные власти в Палестине запретили алию.

* Прибывшие в Израиль в последние годы бывшие шомрим рассказывают о деятельности организации в середине 30-х годов.

ПУТЬ ЛАТВИЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Воззрения организации в Латвии на роль рабочего движения в Палестине и на свое место в нем оформились под влиянием следующих трех главных факторов:

- а) движение Гашомер гацаир в Советском Союзе,
- б) партия Ахдут гаавода в Палестине,
- в) движение большинства во Всемирной организации Гашомер гацаир.

Движение в России и партия Ахдут гаавода являлись для организации в Латвии двумя независимыми друг от друга источниками, различными по характеру, контактам, связям и влиянию. Однако обнаружившаяся солидарность движения в России с политикой и идеологией Ахдут хаавода привела к тому, что перед движением в Латвии на политическом поприще имелась такая альтернатива: позиция Ахдут хаавода и русского движения Гашомер гацаир, с одной стороны, и позиция Гакибуц гаарци (Всеизраильский кибуц) — с другой. Из этих двух концепций латвийское движение отдало предпочтение первому.

Уже в самом начале возникновения контактов между латвийским и русским движениями было чувство близости, взаимопонимания, ощущение общности. Евреи Латвии по своим понятиям и настроениям составляли часть евреев России и таковыми себя чувствовали. Эта близость оказалась важным фактором в развитии отношений между двумя организациями. Выходцы из России были первыми, кто в более или менее ясной форме представили перед организацией в Латвии путь рабочего движения в Палестине и место халуцианской молодежи в нем. Они прибыли в Латвию как члены взрослой братской организации, хорошо знающей, чего она добивается. В это время взрослая прослойка латвийского движения созрела для поворота в сторону халуцианства. Ей не хватало только внешнего толчка.

Кроме сходства умонастроения между двумя движениями, имелось еще близкое знакомство с внутрен-

ними делами русского движения, с преследованиями, которым оно подвергалось, и героической борьбой, с трагической судьбой многих товарищей. Это знакомство было следствием личных связей с ее людьми, с ее шлихим и их рассказами, а также с деятельностью бюро связи. Через это бюро связи в Латвии прошла вся подпольная корреспонденция из России и в Россию. В этом бюро был собран, переведен и переправлен материал о том, что делалось в Палестине и в организации. Через это бюро переправляли и денежную помощь.

Чувство общности и взаимной ответственности увеличилось с обострением безнадежной и трагической борьбы товарищей по ту сторону границы. Во время одной из бесед один товарищ определил контакты между латвийским и русским движениями как “исторические. ...Мы рассматривали себя как продолжателей движения в России, как преемников ответственности, которую оно взяло на себя. Отсюда мы черпали силы для своей работы”.

Эта близость вылилась в тесный союз: возникли общие кибуцы, проводилась совместная борьба — на первом этапе во всемирном движении Гашомер гацаир, затем в рамках Гакибуц гамеухад (Объединенный кибуц).

Что касается влияния Ахдут хаавода на латвийское движение, то следует сказать, что четыре принципа, составляющие сущность рабочего движения Палестины, были заимствованы латвийским движением либо непосредственно у Ахдут хаавода, либо выработаны с ее помощью, и они легли в основу мировоззрения товарищей.

Нам кажется, что можно изложить сущность этих принципов следующим образом:

Первый принцип — принцип конструктивизма как необходимый и единственно возможный путь строительства страны и возрождения народа. Он же — главное средство реального накопления сил для политической борьбы и укрепления военной мощи.

Второй принцип — рабочий и сионистский акти-

визм. Молодежь в организации не могла, конечно, почувствовать так, как это чувствовали руководители Ахдут хаавода, политическое значение фактора истекающего времени. Но наэлектризованность атмосферы чувствовалась и в Латвии, и она действовала на сердца молодых, на их темперамент. Солидарность с этим активизмом вытекала также из идеологического поветрия того времени, что, несомненно, сказывалось на настроении в организации. Сплав между конструктивизмом, стремящимся завоевать позиции постепенно и основательно, и активизмом, стремящимся к конечной цели в кратчайший срок, характерен для идейной лаборатории Ахдут хаавода, благодаря которой осуществлялся сионизм. Молодежь в странах рассеяния принимала этот синтез как нечто само собой разумеющееся.

Третий принцип, тоже заимствованный из Ахдут хаавода, состоял в признании того, что рабочее движение — это костяк, главная сила сионизма, строящего Палестину, что интересы рабочего движения и сионизма совпадают и что это движение несет главную ответственность за осуществление сионистского дела.

Четвертый принцип — это принцип всеобъемлющего единства в Ахдут хаавода, что необходимо для создания большого и объединенного рабочего фронта, без которого немислимо добиться победы. Мы считаем себя в праве отметить здесь, что идея единства вошла в движение не как формальность и не как компромиссный фактор, а как проявление активистского начала, без устали добивающегося максимальных целей сионизма.

Идея политического единства рабочего класса в применении к движению в Латвии требует разъяснения. Как известно, вопрос о реализации социализма беспокоил совесть членов движения и примыкающей к нему молодежи и ставил ряд трудных задач. В связи с этим возникал и вопрос организационного характера: авангардистская партия, массовая партия или чисто классовая партия?

Русский опыт как будто доказал превосходство численно ограниченного, но хорошо спаянного и орга-

низованного отряда, объединенного железной дисциплиной. Считалось, что соглашательство и оппортунизм различных партий вытекает из их массовости, аморфности. И опыт, уже приобретенный движением, указывал на силу, вытекающую из его сплоченности, хорошей организованности и высокой дисциплины его членов.

И все же утвердилось мнение, говорящее в пользу классовой партии и отрицавшее так называемую авангардистскую партию.

Хотя речь идет еще о второй половине двадцатых годов, несколько лет до великой чистки в СССР и московских процессов, в движении были хорошо известны не только преследования, которым подвергаются товарищи в этой стране, преследования сионистов, в том числе и сионистов-социалистов; знали также и о судьбе меньшевиков и эсеров, а также о ряде других преступлений большевистского режима.

Настоятельная необходимость политического единства формирующегося рабочего класса Палестины, класса, закладывающего фундамент новой жизни народа, собранного со всего мира, была для молодого поколения в движении совершенно ясна.

Раскол в социалистическом лагере на Западе также рассматривался как несчастье, как неудача в борьбе за социализм.

В заключение можно сказать, что как по эмоциональным побуждениям, так и из рациональных соображений. эти молодые люди искали синтез между революционным активизмом и всеобъемлющим единством. В этой связи Ахдут хаавода представляла для них образец политического авторитета, воплощающего и активную тенденцию в социалистическом сионизме, и стремление к классовому единству, которое не осуществляется путем диктатуры одной партии.

Идеологические противоречия в движении Гашомер гацаир привели всемирное движение к расколу осенью 1930 года. Меньшинство вынуждено было покинуть его и создать свою отдельную организацию. Латвийская организация примкнула к меньшинству.

Трудно было расстаться с названием Гашомер гацаир, поэтому добавили несколько поясняющих эпитетов. Полное название нового движения было: "Всемирная организация скаутской халуцианской молодежи Гашомер гацаир". Потом для краткости стали пользоваться аббревиатурой НЕЦАХ (Ноар цофи-халуци).

НЕЦАХ И ГАКИБУЦ ГАМЕУХАД

Осенью 1927 года на базе кибуца Эйн-Харод и его ответвлений был создан Гакибуц гамеухад.

Гакибуц гамеухад отличался халуцианским максимализмом, считая себя инициатором и носителем идеи строительства страны, ее заселения путем создания все новых и новых кибуцов, путем освоения работ, которые до тех пор выполняли арабы (работа в порту, на железной дороге, в каменных карьерах, на предприятиях поташа у Мертвого моря и т. д.), работ первостепенного национального значения. Гакибуц гамеухад разработал широкую халуцианскую программу строительства Палестины. Кибуцное движение он рассматривал как наиболее прямой путь достижения этих целей с помощью широких слоев еврейской молодежи. Он мыслил категориями больших кибуцов, объединяющих людей разного возраста, прибывших из разных стран. Он первый выдвинул идею о том, что кибуцы должны быть не только сельскохозяйственными объединениями, но обязаны также развивать промышленность. Гакибуц гамеухад уделил особое внимание проблемам безопасности и стал инициатором создания Пальмаха.

В тесной связи с его глобальным пониманием задач строительства Палестины, рабочего движения и кибуцов была и его точка зрения на принципиальное всеобъемлющее единство рабочего класса, на его политическое и кибуцное единство. Все это составляло организационную концепцию сионистско-халуцианского активизма. Этот активизм поддерживался предчувствием обреченности диаспоры и краткого времени, отпущенного нам для строительства Палестины. Эта халуцианско-сионистская смелость превратила его в большую политическую силу.

Потом-таки выяснилось, что эти далеко идущие принципы строительства кибуцного общества как нельзя лучше соответствовали условиям и потребностям строительства Палестины. Другие кибуцные движения,

даже те, которые вначале стояли на другой платформе, примкнули в конце концов к концепциям Гакибуц гамеухад.

Идеологические воззрения Нецах привели его в ряды Гакибуц гамеухад и ничего нет удивительного в том, что кибуц Афиким (Гашомер гацаир), созданный выходцами из СССР (один из первых кибуцов Нецах в Палестине) присоединился к Гакибуц гамеухад уже на первой учредительной конференции осенью 1927 года.

Члены Нецах полностью признали основные принципы Гакибуц гамеухад, а халуцианский энтузиазм имел большое влияние на них. И все же назревал конфликт между Нецах и Гакибуц гамеухад. Причиной этого конфликта было отношение молодежного движения к организационной структуре Гакибуц гамеухад, а также разногласия по ряду политических вопросов.

Движение Нецах было, в первую очередь, молодежным движением, объединением юношей, взявших на себя максимальные халуцианские задания. В его среде было очень сильно стремление к реализации начал коллективизма, стремление приспособить жизнь индивида к коллективу. С другой стороны, Гакибуц гамеухад, который возник на базе "общей" халуцианской алии и из разных партийных организаций, не очень верил в "самостоятельность" молодежной организации. Суть спора — в различном подходе к вопросу о формировании молодежных единиц для халуцианско-кибуцной хагшамы. Гакибуц гамеухад исходил из общей ответственности Гехолуца в диаспоре и из своих собственных интересов в Палестине. Противоречия практически сконцентрировались на двух вопросах: на связях между молодежной организацией и отделениями Гехолуца в диаспоре и на интеграции алии в Палестине. Отсюда уже вопрос об отношении между Гакибуц гамеухад и Нецах. Имелись также определенные разногласия по вопросу о путях развития кибуца как социальной единицы.

Несколько слов об идеологических разногласиях.

К "нормальному" разнобою между такой максималистской организацией, как Гакибуц гамеухад, и пар-

тией Мапай, объединяющей массы людей из разных слоев и прослоек, прибавились еще левые тенденции в среде Гакибуц гамеухад. Все это происходило в годы наступления фашизма в Европе, кризиса социалистического движения во всем мире и роста престижа СССР как основной силы, противостоящей наступающему фашизму. События развивались таким образом, что Гакибуц гамеухад вышел в конце концов из Мапай и затем временно объединился с Социалистической лигой движения Гакибуц Гаарци и создал партию Мапам.

Члены Нецах не остались вовсе инертными в это беспокойное время, но и не были захвачены преувеличенной верой в СССР. В этом вопросе большинство членов Нецах сохранили более трезвый взгляд, совпадающий со взглядами Мапай. Члены Нецах, несмотря на солидарность с халуцианской концепцией Гакибуц гамеухад, в большинстве своем отвергали левый уклон последнего. Они остались верными своим прежним взглядам, согласно которым политическое и кибуцное единство является незыблемым принципом и необходимым условием для построения Палестины и обновления еврейского народа.

Новому политическому развитию в Гакибуц гамеухад сопротивлялось не только большинство членов Нецах. Почти половина членов Гакибуц гамеухад также возражала против левого уклона. Политический кризис все углублялся, и в 1951 году произошел раскол, и 40 процентов Гакибуц гамеухад, склонявшихся к линии Мапай, вышли из рядов Гакибуц гамеухад. Вышли целые кибуцы, части кибуцов (которые в связи с этим разделились) или отдельные группы, покинувшие кибуцы. С течением времени отколовшаяся часть кибуцов (Ассоциация коммун) объединилась с Хевер гаквуцот и создала Ихуд гаквуцот вегакибуцим (Объединение коммун и кибуцов).

Расколы и объединения в общественных движениях не всегда удается объяснить упрощенными аргументами. Так, объединение Гакибуц гамеухад с Гакибуц гаарци оказалось тоже недолговечным. В 1954 году из

Мапам вышли члены Гакибуц гамеухад и создали партию Ахдут гаавода — Паолей Цион смол. В 1968 году состоялся тройственный союз между Ахдут гаавода — Паолей Цион с Рафи и с партией-родоначальницей Мапай, и была создана Мифлегет гаавода гаисразлит — Израильская партия труда.

Кибуцы движения Нецах и движение в диаспоре тоже не избежали бурь. Борьба с Гакибуц гамеухад и политический кризис, разделивший эту организацию на два противоположных лагеря со всеми последствиями (в частности — для многих членов обоих лагерей раскол сопровождался глубокими идейными расхождениями), вызвали глубокие потрясения также и в среде Нецах.

ПЕРЕВОРОТ 15 МАЯ 1934 Г. В ЛАТВИИ

15 мая в Латвии произошел переворот, покончивший с коротким периодом демократического правления в самостоятельной Латвии. Был установлен режим диктатуры: парламент и все политические партии были распущены; арестованы левые общественные деятели, среди них несколько членов сионистско-социалистической партии. Молодежные организации Трудящейся Палестины (Нецах, Молодежь имени Борохова, Гордония) были закрыты, но Бейтар и Герцлия (молодежная организация, примыкающая к партии всеобщих сионистов) очень скоро получили разрешение действовать легально и заново открыть свои клубы.

Новый режим не тронул хахшару, хотя и не выдал официального разрешения на ее функционирование. Палестинское бюро, ведавшее делами алии, и национальные фонды — Керен Каемет и Керен Хаесод — продолжали функционировать. Единственная в это время еврейская газета в Латвии — лево-сионистского направления — “Фриморген” была закрыта вместе с некоторыми другими газетами. Прессу подчинили строгой цензуре властей.

Арестованных еврейских деятелей скоро освободили. Однако ни они, ни те, кому не угрожал арест, не могли возобновить свою деятельность. Часть из них покинула Латвию и уехала в Палестину или в другие страны. Кто остался, был практически лишен возможности вести общественную работу. Активная прежде еврейская общественная жизнь была парализована. Лагерь Трудящейся Палестины остался без руководителей. Особенно пострадали культурные и педагогические учреждения, перешедшие под опеку религиозной антисионистской Агудат Исраэль. Многие директора и учителя были уволены и заменены людьми из Агудат Исраэль. Во многих гимназиях перешли к отдельному обучению мальчиков и девочек. Программы и школьный быт были приспособлены к несионистским воззрениям Агудат Исраэль.

После утомительных демаршей весной 1935 года была достигнута некоторая легализация левых сионистских организаций и учреждено общество "Олим". Под защитой этой вывески начали опять свою деятельность молодежные организации Гордония, Ноар Борохов и Нецах. Им разрешили снять клубные помещения и, в известных пределах, была разрешена и организованная деятельность. Для проведения экскурсий необходимо было заранее получить специальные разрешения. Впрочем затруднения и препятствия, чинимые властями, сопровождали работу общества "Олим" в течение всего периода правления Ульманиса.

В дополнение ко всяким затруднениям осложнили работу организации и учебные заведения в связи с переходом школ под опеку Агудат Исраэль. Многим школьникам и гимназистам запретили участвовать в левых сионистских молодежных организациях и даже оказывали соответствующее давление на родителей. Многие родители, опасавшиеся ухудшения отношений с дирекцией школы или даже с властями, стали помехой на нелегком пути молодежных движений.

После первого шока, вызванного правым переворотом, началась реорганизация работы в новых условиях. Товарищ рассказывает: "В организации царило какое-то странное чувство, какая-то избыточная уверенность. Я говорю о чувствах 14—15-летних ребят. Мы не допускали мысли, что с движением покончено. Этого быть не могло. Напротив, на роспуск организации мы смотрели сквозь романтическую призму: подполье, опасности и т. д. Это придавало нашей работе какой-то новый неожиданный ранее вкус... Мы собирались в домах, в синагогах, в лесу..."

Разумеется, все летние лагеря и другие большие мероприятия, запланированные на это время, пришлось отменить. Страдала очень важная часть работы организации. Отменены были веселые затеи на воздухе: игры, соревнования, сборы, пение. Работа сконцентрировалась в маленьких группах, в домах у товарищей. Летом еще можно было воспользоваться лесами в окрест-

ностях городов, зимой эта возможность отпадала. Теперь уже собирались на встречи и расходились не большими, шумными компаниями, как бывало прежде, а в одиночку или совсем маленькими группками. Не раз случалось, что полиция открывала места таких встреч и с "почетом" препровождала десятки юношей и ребят (иногда только их руководителей — взрослых) из лесу по улицам города в полицейский участок для расследования. Только после проведения следствия с участием родителей, а иногда и знакомых властям лиц евреев-“преступников” освобождали. Будни организации окрасились в новый цвет.

Ребята проявляли находчивость, изобретательность и выдумку для относительно быстрого восстановления работы в организации. Они приспособились к новым политическим условиям и приложили немало стараний, чтобы восстановить многостороннюю деятельность организации в жестких рамках новых законов.

Как уже было сказано выше, работа организации не прекращалась и до формальной легализации общества “Олим”. Еще в конце лета 1934 года был послан шалиях в Таллин, столицу Эстонии, для создания там бюро, параллельного главному штабу. Там готовили, печатали и оттуда рассылали циркуляры, листки, инструктивные брошюры, прессу, издаваемую организацией, и т. п. В Эстонии выполнялась вся работа, которую опасно было проводить в Латвии... Туда же было перенесено проведение некоторых центральных мероприятий, как, например, семинар для инструкторов шомрим, вселатвийские лагеря, съезды шомерской прослойки и хахшары. Однако полный застой в еврейской общественной жизни, воцарение крайних религиозных кругов на еврейской улице, излишняя осторожность евреев по любому поводу, если им казалось, что дело неужгодно властям, и приостановка алии все больше и больше затрудняли практическую деятельность организации, и ее ряды поредели.

На протяжении почти всего периода независимого существования Латвии сознательная еврейская молодежь тянулась к трем общественным течениям:

а) к коммунистам, которые при Ульманисе почти исчезли с поверхности, но сохраняли подпольные ячейки,

б) к Бейтару,

в) к молодежным халуцианским организациям, среди которых Нецах играл решающую роль.

В еврейской жизни, когда партийно-политическая деятельность преследовалась законом, последние два течения были основными центрами, вокруг которых могла проявить себя и оформиться сионистская деятельность евреев Латвии. Даже на конгрессы Всемирной сионистской организации делегаты различных политических течений отправлялись от имени легальных организаций, готовящих молодежь к алии.

Условия существования Бейтара, в особенности в эпоху Ульманиса, были несравненно более удобными во всех отношениях, чем для Нецах. Ограничения деятельности Бейтара со стороны властей, как уже говорилось выше, были минимальными. Максималистские требования халуцианской хагшамы и радикальные социальные воззрения Нецах вызывали возражения у многих родителей и оттолкнули определенные круги еврейской молодежи от движения. Даже в эпоху демократического режима в Латвии организация Нецах была минимально представлена в школах с русским и немецким языком преподавания. В этих школах училась молодежь из более или менее зажиточных слоев населения. Она была более ассимилирована и проявляла тенденцию к правой ориентации. Но даже ивритская гимназия не отличалась особой симпатией к левым движениям. В эпоху Ульманиса все эти факторы проявили себя с еще большей силой.

В то время очень сильно вырос Бейтар. У нас нет статистических данных о его численности, но он безусловно объединял большее, чем Нецах, количество членов. Впрочем в хагшаре и алии положение было обратное. В конце 1937 года лишь восемь процентов проходивших хагшару были членами Бейтара. Этот процент еще снизился в последующие годы.

Архивный материал, которым мы располагаем, указывает на решимость организации во что бы то ни стало продолжать интенсивную работу. Характерные летние и зимние мероприятия проводились как обычно и собирали сотни юношей и девушек. Летние лагеря 1937 года были посвящены теме “Хома умигдал” (“Сте-на и башня”), как отклик на операцию “Хома умигдал” в Палестине. Летом следующего года лагеря проводили под лозунгом “Завоевание моря” в связи с постройкой тель-авивского порта. Теоретическая и практическая подготовка к проведению работы в лагерях была длительной и серьезной, и эти мероприятия полностью выполнили возложенную на них педагогическую задачу.

Отчеты рассказывают также о вселатвийских семинарах для инструкторов, которые проводились регулярно все эти годы. В 1939 году и в начале 1940 года была проведена проверка рабочих планов организации. Съезды главного совета состоялись, как и в прошлом, дважды в году. Планы работ, принятые на этих съездах и распределение инструкторов, намеченное на них, — все было выполнено. Текущая работа в местных отделениях продолжалась. Время от времени организация концентрировала свое внимание на запущенных участках работы, на слабых звеньях и исправляла то, что было можно.

В отношении численности своих членов организация тоже сохранила относительное благополучие в этих сложных условиях. В 1932 году организация насчитывала 1800 членов в 29 городах и местечках. В начале 1934 года число членов составляло примерно 2400 человек (включая Эстонию). В декабре 1936 года состоялась всеобщая конференция организации. Перепись членов, проведенная для этой конференции, показала 1600 человек в 21 отделении (включая Эстонию). Отчет отмечает, что уменьшение численности членов организации идет в основном за счет малых отделений, которым не удалось устоять в новых условиях, и что даже среди отмеченного 21 отделения имеются такие, дальнейшее существование которых стоит под вопросом.

Нам не удалось разыскать статистические данные, относящиеся к последующим годам, но по косвенным и неполным данным можно предположить, что движение сохранило свою численность в течение всего периода до войны. Имеются данные, говорящие о некотором расширении движения в кое-каких отделениях и о тенденции роста накануне войны. Во все те сферы общественной деятельности, которые остались в известной мере легальными, вклад был весьма ощутимым.

ВОЙНА

После прихода Гитлера к власти в Германии в конце января 1933 года события начали развиваться с головокружительной быстротой. Наступило время крушения политических движений, независимых государств, политических концепций. Интересен анализ влияния развивающегося кризиса на настроение и думы того поколения молодых людей — активистов организации, которые накануне войны занимали в ней командные посты и, в силу своей ответственности за судьбу организации, были поставлены перед серьезными личными и общественными испытаниями.

В прессе организации за 1932—1934 годы (до переворота Ульманиса) мы находим живой отклик на политические события того времени — в статьях, описывающих эти события, а также в отчетах о проведенных на съездах организации дискуссиях. Преобладающая линия была активистско-революционная и вместе с тем весьма критическая по отношению к двум тенденциям рабочего движения — коммунистической и социал-демокритической, — проложившим путь фашизму.

В эпоху Ульманиса не было возможности публиковать в печати какие бы то ни было идеологические дискуссии. Правда, в программах встреч шомрим, в программах семинаров инструкторов, а также в соответствующих отчетах, дошедших до нас, почти всегда можно найти параграф, в котором в замаскированном виде говорится о проблемах социалистического движения и о положении в мире. Однако не сохранилось в архиве ни одного протокола или обзора о ходе прений. И вряд ли такие протоколы вообще писались. Поэтому мы вынуждены ограничиться показаниями товарищей, сопоставляя их рассказы с теми намеками по этому вопросу, которые содержатся в отчетных докладах организации, направленных в соответствующие органы Палестины.

В беседе с товарищами, которые были в то время

активистами движения, Гамлиель Блаушильд так охарактеризовал общее положение:

“С приходом Гитлера к власти началось размежевание сил... как будто не было иной альтернативы, как быть за или против. Существовала крепнущая сила фашизма, она же сила крайнего антисемитизма, и ей противостоял единственный фронт, способный сдержать ее — коммунизм, враждебный нам. Эта полярность проявилась в полной мере после советской оккупации Латвии. Нам было ясно, что, идя против коммунизма, против Советов, мы тем самым способствуем фашизму“.

Участники этой беседы, каждый по своему, описали двойственное отношение к Советскому Союзу, но все были согласны с тем, что сионистский фактор был определяющим.

Яков Янай (Яка) сказал: “До советской оккупации, пока СССР не вышел из своих старых границ, организация относилась к нему положительно, вопреки попыткам шлихим, выходцев из России, умерить наш пыл по этому поводу. Мне кажется, что в организации никто толком не знал, что собой на самом деле представляет Советский Союз, и мы не были единственными в своем отношении к нему. Правда, в 1937 году мы отвергали их нелепые объяснения, с помощью которых они оправдывали ликвидацию старых большевиков и т. д. Мы не сочувствовали обожествлению Сталина, но, несмотря на все это, мы были уверены, что в Советском Союзе проводится очень важный эксперимент, важный и для нас, хотя там проявляют непонимание еврейского вопроса. Я помню, как мы читали “образцовый труд“ Сталина по национальному вопросу и выясняли для себя, что в нем правильно, а что неверно. Мы старались понять, почему коммунизм должен быть столь жестоким и бессердечным... Они много сделали для того, чтобы оттолкнуть нас своей бескомпромиссной враждебностью к сионизму, объявлением иврита вне закона, арестами сионистов... Диктаторский характер режима, московские процессы, раскольнические действия Коминтерна, фракционность — все это мешало нам, но... одновременно мы искали какого-то

разумного объяснения. Мы не хотели видеть корень зла. Возможно, что и не могли. Более искушенные в этих вопросах люди — и то не поняли...”

По поводу московских процессов Копл Скоп рассказал: “Я был тогда в хахшаре. Мы много спорили по этому поводу. Мнения разделились. Небольшая часть товарищей придерживалась официальной аргументации русских: мол, была идеологическая борьба, и те, кого судили впоследствии, убедились, что они терпят поражение на политическом фронте, поэтому они попытались идти по пути саботажа и террора. Большинство видело события в истинном свете: отсутствие демократии, террор, жестокость и т. д. ... В то время у нас в организации шли очень оживленные споры по этому поводу...”

Гамлиель считает, что причина восхищения Советским Союзом кроется в том, что “коммунисты планомерно осуществляли свою программу. Это действительно общество, в котором: сказано — сделано! Не как у переродившихся социал-демократов. Вместе с тем суть вопроса нас не так уж волновала. Ну, скажем, в годовщину Октябрьской революции устроим дискуссию и на этом закончим”.

Ривка Дукаревич добавляет: “Мы восхищались Советским Союзом, так как искали в нем халуцианский ореол... У нас не было по отношению к нему комплекса неполноценности, у нас были свои собственные дела“. В другой части беседы она поясняет: “Собственно говоря, мы представляли собой палестинский островок в еврейском населении Латвии. Я помню, что палестинские газеты, даже те, которые прибывали с опозданием на недели, внимательно прочитывались и досконально изучались... Все, что касалось Палестины, в высшей мере касалось и нас..., так как мы не считали себя частью местного латвийского общества, мы целиком и полностью были израильянами. Мировые события оценивались нами, исходя из предпосылки, помогают или вредят они нашему делу. Я не знаю, было ли это следствие нашей идеологии или же организация с помощью своей символики и средств воспи-

тания такими нас вырастила... Вспомните хотя бы названия отрядов: "Хуле", "Галиль" и т. д. В какой-то мере это отражало события в Палестине. Всякое новое начинание в Палестине находило тотчас же отклик и у нас, мы всецело жили этим".

Товарищи подчеркивают, что воспринимать идеи организация хотела непосредственно из Палестины, от Гистадрута, от Мапай, а не через партийный канал в Латвии... "В организации придавалось первостепенное значение спорам, ведущимся в Палестине. Мы об этом думали, этим жили..."

Многие подчеркивают потрясения, вызванные гражданской войной в Испании (середина июля 1936 года — конец марта 1939 года).

Яка подробно описывает это время: "Мне кажется, что молодые люди нашего возраста рассматривали тогда эти события чисто эмоционально. Я вспоминаю, что нам надо было объяснить самим себе, почему мы не участвуем в этом деле, и мы искали ответа на этот вопрос. Ответ был: у нас есть другой фронт... В Палестине уже начались кровавые события 1936—1939 гг. И все же мы переживали испанскую трагедию, собирали деньги для республиканцев. Я помню, что это была одна из причин поисков сближения с коммунистами".

Товарищи полагают, что к тому времени влияние Бунда почти сошло на нет, а влияние коммунистов неизмеримо возросло. Бейтар тоже окреп и вырос под влиянием атмосферы национализма, царившего в ульманисовской Латвии. Под давлением Агудат Исраэль возросло также влияние религиозных кругов. Однако больше всего развелось "золотой молодежи", лишенной всякой идейности.

Сокращение алии почти полностью перекрыло путь хагшамы для организации и дезорганизовало ее систему воспитания. Мы испытывали недоброжелательное вмешательство со стороны евреев, близких к властям, и беспомощность, а то и бездеятельность друзей. Установилась атмосфера "политических ходатаев", всеоб-

щего равнодушия и попустительства, распада культурной и общественной жизни евреев, исчезли условия для свободного соревнования течений и идей.

“Из-за наших бескомпромиссных халуцианских идеологических установок в создавшихся условиях мы превратились в сектантов, в малочисленное течение идейных упрямцев” (Яка).

Имеющийся у нас архивный материал, а также высказывания других товарищей не подтверждают, возможно, крайностей этого свидетельства. Несмотря на это, однако, здесь правильно отражена оборонительная тенденция организации в те годы. Ведь и в “нормальные” времена члены организации проходили определенный отбор. Эта селекция начиналась с первых шагов, еще до вступления в организацию. Новая действительность, в которой организации пришлось бороться за свое существование, тяготила, вызывала чувство одиночества или даже горечи. Это заставило ее подтянуться, строже соблюдать свои нормы поведения. Особенно ясно это видно на примере отряда Герцлия в Риге, откуда в 1939—40 годах вышла значительная часть актива организации.

С этим связано еще и другое явление (особенно в указанном выше кругу) — пренебрежение идеологией, идеологическим эстаблишментом, а отсюда и концентрация всего внимания на чисто практической деятельности — прагматизм. И в этом (наряду с личными факторами, которые, несомненно, тоже играли известную роль) проявилась реакция на кризис в движении.

В высказываниях товарищей в 1932—1934 гг. чувствуется идеологический трафарет, но для молодых людей, живых, эмоциональных и энергичных, созревших в 1937—1938 годах, стереотипная форма мышления утратила ценность. Им было, конечно, не под силу теоретически осмыслить полную противоречий действительность, в которой им пришлось жить. Поэтому Палестина, халуцианский путь был для них единственной устойчивой и ясной ценностью, а дело — единственная реальность. Выход был для них в лихорадочной практической деятельности в рамках органи-

зации. С точки зрения нашего анализа не имеет большого значения, насколько сами они осознали этот кризис.

1 сентября 1939 года, с нападением Гитлера на Польшу, началась вторая мировая война. Ей предшествовал договор о ненападении, подписанный Молотовым и Риббентропом 23.8.1939 года. Согласно этому договору прибалтийские республики вместе с восточной Польшей отходили к Советскому Союзу. Немцам, живущим в Прибалтике в течение многих столетий, было велено покинуть эти места и переселиться в Великий Рейх. Советские войска создали вдоль побережья три военные базы. Однако в жизни прибалтийских республик пока не чувствовалось никаких особых перемен. Политический режим остался в них прежним, и даже коммунисты, содержавшиеся в тюрьмах, не были освобождены. В работе организации тоже ничего не изменилось.

Начиная с середины 1938 года, население все больше и больше проникалось убеждением, что приближается война. К этому прибавилась еще невозможность предугадать конкретные пути развития событий. Никто не знал, чья очередь наступит первой. Росло чувство бессилия перед приближающейся грозой, невозможности что-либо предпринять против нее или избежать ее. Острота чувств была, естественно, разной у разных людей, но выход был практически один: заниматься по-прежнему своим делом, жить обычной жизнью, как будто ничего не случилось и не случится.

В аналогичном положении были и евреи Латвии. 1 сентября 1939 года было для них сильным потрясением. За 17 дней было раздавлено большое соседнее государство. Затем начали прибывать в Латвию еврейбеженцы из Польши, и вместе с ними проникли слухи о зверствах немцев. С другой стороны, однако, протекторат Советского Союза над Прибалтикой вселял чувство уверенности в том, что этому району удастся избежать ужасов войны.

Ханан Шадми рассказывает: "Когда я прощался

с товарищами перед отъездом в Палестину в 1939 году, у нас всех было такое чувство, что мы — организация и вообще евреи — вступаем в очень трудную полосу жизни. Вместе с тем мы считали, что как-нибудь легально или в подполье нам удастся выжить. Трудно было предположить, что фашисты нападут на нас“. Относительно немцев: “Даже самые мрачные пессимисты не допускали мысли о том, что возможно тотальное уничтожение евреев; мы думали лишь, что будут у нас крупные неприятности“.

Как уже говорилось ранее, организация продолжала работать по-прежнему. Весной 1940 года еще просили прислать нового шалиах для замены Арье Голани из кибуца Афиким, работавшего в Гехолуце. Но тревога за будущее все росла. Это напряжение выражалось в лихорадочных усилиях по изысканию дополнительных возможностей и путей для алии, в попытках мобилизации денежных средств для алии “Бэт“ — нелегальной. Оно звучит в письмах, в которых авторы горько сетуют по поводу отсутствия быстрого и эффективного ответа со стороны палестинских и сионистских учреждений на нужды Латвии. Например, 12.12.1939 года Арье Голани писал руководству Сохнута: “Ваше сообщение о том, что бюджет хахшары на 1940 год сокращен по сравнению с предыдущим, просто поразило нас... Именно в этом году, когда ввиду особого положения возросли расходы в центрах хахшары, и многие местные источники наших поступлений исчезли, вы нашли нужным не увеличить наш бюджет, а сократить его. Я считаю излишним вновь разъяснить здесь положение с хахшарой у нас. Вам эти условия хорошо известны. Каждый новый день нагромождает новые трудности. Дай Бог, чтобы мы могли в течение этой зимы расчистить завалы на пути нашей работы“.

Екутиель Шур рассказывает: “Правда, на поверхности все как будто было нормально и спокойно, но... фактически коммунистическое движение начало одолевать нас на еврейской улице... В нем почувствовали силу, к которой стоит присоединиться. Многие, ранее колеблющиеся, решились и вступили в компартию

(речь идет о периоде, предшествовавшем явной оккупации). Мы начали опасаться публичных дискуссий с ними, понимая, что это может повредить в будущем... Мы чувствовали, что у нас есть враг, с которым нам трудно бороться“.

Гамлиель добавляет к этому: “Что касается усиления влияния коммунистов на молодежь зимой 1939—1940 года, то, не исключая возможности организованной кампании, я считаю, что это в основном было отражением мощи Советского Союза... Гитлеровцы тоже пользовались влиянием среди немцев, не примыкавших ранее к национал-социалистам: в их силе была притягательность“.

Товарищи вспоминают имена некоторых сионистских деятелей и активистов сионистского молодежного движения, открыто перешедших на сторону коммунистов после советской оккупации. Но отход от организации был минимальным, а среди активистов движения переходов в противоположный лагерь и вовсе не было...

22.5.1940 года шалиах Арье Голани пишет в Палестину: “Я не могу оставить свое место... и бросить на произвол судьбы движение, которое тяжело борется за свое существование, пока мне нет замены. Положение в организации напряженное, особенно в группах хахшары. Отсутствие шлихим может только усилить те разрушительные тенденции, которые здесь начались. Очень трудно освободиться от ощущения, что мне придется застрять здесь на несколько лет. Но другого выхода нет, придется остаться. Единственная моя надежда — на скорое окончание войны“.

Нельзя было гадать о будущем развитии событий и трудно было найти выход из тупика. Товарищи рассказывают, что в промежутке от начала войны и до советской оккупации Латвии в июне 1940 года, возможно, и были реальные шансы добраться в Швецию с помощью рыбаков. Впрочем в то время еще не научились думать о таких вещах.

На рассвете 17 июня 1940 года Советская Армия вступила в прибалтийские республики. 19 июня Арье

Голани в своем характерном, сдержанном стиле пишет в Палестину: "Вы, наверно, сейчас переживаете за нас. А у нас пока все без перемен. Работа ведется как обычно. Разрешения на алию уже прибыли. Очевидно, мы сможем отправить в общей сложности 10—12 человек. Мы заняты поисками транзитного пути... Весьма актуально сейчас, в свете происходящих событий, максимальное увеличение числа сертификатов для прибалтийских республик, так как возможно, что к будущему распределению сертификатов мы уже вообще не будем фигурировать в качестве кандидатов на алию".

Процесс советизации шел уже ускоренным темпом. Советы сразу же провозгласили возврат к демократическому режиму и объявили выборы в сейм (парламент). Однако скоро выяснилось, что к выборам будет представлен список лишь одной партии — коммунистической. На первом же своем заседании, через полтора месяца после вступления советских войск, сейм объявил Латвию советской республикой. 16—17 августа прибалтийские республики направили делегации на заседание Верховного Совета в Москву с просьбой включить их в состав Советского Союза в качестве 14-й, 15-й и 16-й национальных республик.

Евреи встретили вступление русских с удовлетворением. Почти вся Западная Европа, включая Францию, была уже в руках немцев. Русские представлялись тогда многим единственной силой, которая может предотвратить нацистскую оккупацию Прибалтики. Были довольны даже те, кто по экономическим и классовым мотивам должны были опасаться коммунистической власти. "Отсюда вытекало и ухудшение отношения к нам, сионистам, со стороны еврейского населения. Мы были вынуждены уйти в подполье даже среди евреев" (Яка).

С экономической точки зрения положение вначале улучшилось. Латвийская денежная единица — лат — была приравнена к рублю, но старые цены не изменились. Это было выгодно потребителю. Перед евреями открылись возможности работы в таких местах, куда раньше доступ им был закрыт: милиция, государствен-

ные учреждения и т. д. Советская власть открыла широкую и бесплатную сеть учебных заведений, клубы, кружки, оркестры, самодеятельность и т. д. Массы еврейской молодежи всю использовали вновь открывавшиеся возможности.

В еврейских школах и гимназиях иврит как язык преподавания был заменен на идиш. Из библиотек изъясали все книги на иврите. Подверглись цензуре и книги на идиш. И все же проводилась культурная жизнь на идиш. Начали выходить две газеты, утренняя и вечерняя. Был еврейский театр на идиш. Вся культурная деятельность была, конечно, советского направления.

Первое время новые власти были заняты чисткой высшего чиновничьего и военного аппаратов. Сперва они национализировали исключительно крупные предприятия, но затем очередь дошла и до менее крупных. Прежних хозяев оставляли, вообще говоря, в качестве работников или даже директоров на их прежних предприятиях, но добавляли в правления своих доверенных лиц. Позднее, поближе к нападению Гитлера на СССР, были проведены массовые аресты и депортации людей из имущих классов населения — крупных и средних собственников. В той мере, в какой люди сумели выжить в суровых условиях сибирских рабочих лагерей, они спаслись от тотального уничтожения нацистами. Это относится к довольно широкой категории евреев Латвии.

Что касается латышей, то товарищи свидетельствуют — и на это имеются доказательства и в архивных материалах, — что большая часть рабочих вначале встретила русских с радостью. Однако латышский народ в целом рассматривал русскую оккупацию как национальную трагедию. В течение года, прошедшего от оккупации до начала войны, русским удалось вызвать ненависть большинства латышей, вплоть до того, что они стали ждать немцев как избавителей. Интересно отметить, что русские не всегда опирались даже на местных коммунистов. Они привезли с собой из Советского Союза латышей, примкнувших к ним еще в годы большевистской революции. Большинство

из привезенных латышей служили в ЧК и были очень далеки от жизни своих земляков в годы независимости Латвии.

Латыши в целом никогда не отличались особой симпатией к еврейскому населению. Радостная встреча многими евреями русских и их принятие советского режима на фоне национального бедствия латышей сильно подогрело антисемитизм. Вступление немцев в Латвию стало для латышей часом возмездия.

Как работала организация в годы советской власти? Айзик Кац рассказывает: "Сначала мы их видели такими, какими рисовала их советская пропаганда. Мы их знали лишь по их собственным радиопередачам, кинофильмам и т.д. Несмотря на это, мы не пошли встречать их, мы не бросали им цветов на танки и не целовали их униформы, как это делали многие евреи".

Еврей-коммунисты приложили немало усилий, чтобы завлечь членов организации в комсомол. В большинстве городов коммунисты устроили молодежные собрания и обратились ко всей молодежи, включая сионистскую, с призывом присоединиться к ним. Они всегда подчеркивали, что ворота их партии широко открыты для всех, особенно для людей, идейно близких им.

Еврейская коммунистическая молодежь Латвии в значительной своей части была идеалистической молодежью, она ценила людей, которых воспитало движение Нецах, и питала к ним уважение. Опрошенные нами товарищи считают, что призыв присоединиться к коммунистам не был простым тактическим маневром. Были случаи, когда от коммунистов поступали предупреждения о мерах, которые новые власти собираются принять против членов организации.

Копл Скоп, который в день прихода русских находился в своем родном городке Краславе, рассказывает: "В этом городке мы представляли собой известную силу. Когда коммунисты вышли из подполья, они были заинтересованы в нашей поддержке. В это время компартия начала кампанию, имевшую цель представить

дело так, будто требование о введении советского строя идет снизу... Они стремились мобилизовать для этого спектакля все прогрессивные силы... Пригласили представителей различных партий и организаций... Секретарь компартии сказал, что они немерены установить демократический режим и хотят знать, кто с ними, а кто против них. Я оказался в затруднительном положении... Они пригласили нас присоединиться к требованиям демократизации, освобождения политзаключенных, раздела земли и т. д. ... Я помню, что мы участвовали только в одной демонстрации... за демократию, за свободу... Мы им сказали, что мы готовы участвовать лишь как самостоятельная сила, со своим знаменем, в наших собственных униформах... Был трудный спор, но коммунисты уступили. Больше мы в таких делах не участвовали... Но требовалось немалое мужество отказаться от участия... Городок небольшой, всем видно, кто с кем. Но мы решили прекратить сотрудничество, так как участие в демонстрациях означало бы участие в собственной ликвидации. Ликвидации не только как организации, но и как личностей. Я помню, как во время таких демонстраций группа шомрим ушла на целый день из городка“.

Аналогичные явления имели место и в других городках. Большая и впечатляющая демонстрация состоялась в Даугавпилсе. Товарищи знали: “Это наступил наш последний час. Мы говорили себе: покажем себя с лучшей стороны... Во главе нашей колонны несли красные знамена, плакаты с надписями на иврите, знамена организации и национальные флаги. Затем следовали сотни цофим и шомрим в белых рубашках и голубых галстуках. Пели песни на иврите. Публика встретила нас овацией. Это был самый волнующий момент демонстрации. Около клуба организации состоялся смотр, затем из наших рядов вырвалась бурная хора“.

Во второй половине июля или первой половине августа пришло указание о роспуске всех некоммунистических организаций. Положение было ясное. На заседании главного штаба было принято решение распу-

стить организацию и затем воссоздать ее в подполье. Арье Голани был совершенно подавлен. У него имелся русский опыт, и он не верил в жизнеспособность нашего подполья.

Яка рассказывает: “Шлихм как иностранцы вернулись в Палестину, и мы остались одни. Мы решили... просеять всех членов организации и создать подпольные ячейки. Надо было объявить о роспуске организации в такой форме, чтобы поверили в серьезность наших намерений. Нужен был какой-то трюк... Я был тогда руководителем рижского отделения, и на мне лежала задача распустить организацию... Я вспоминаю последнее собрание. Присутствуют все члены организации, знамя, пение сионистского гимна “Гатиквы”, весь церемониал и т. д. Я объявил: мы самораспускаемся. Все приняли это сообщение с болью в сердце. Сразу же после церемонии роспуска вокруг меня собрались ребята руководимого мною отряда (ядро рижского отделения) и сказали: ну, теперь начнем. Я им говорю: нет! Но они опять приняли мои слова за маневр. Начали собираться по вечерам, вместе прогуливались, а еврей-коммунисты начали роптать. Я видел, что это может кончиться несчастьем, и собрал несколько наиболее верных и надежных ребят и сказал им, чтобы они покончили с этим. Активисты организации закрыли ее изнутри с тем, чтобы можно было начать потом дело в подполье. Так мы поступили во многих отрядах. Затем само собой произошла сортировка. Нашлись такие, что перешли в комсомол, начали учиться и отделились от нас. Лишь спустя некоторое время мы создали две параллельные подпольные организации: одна для членов групп хахшары, вторая для шомрим в городах”. Аналогичной тактикой воспользовались и в других отделениях. Яка продолжает: “Ицхак Гордон был ответственным за все подполье. Я командовал второй ветвью... Что касается Мульки (Иоффе), то Ицхак знал, что в этих условиях Мулька способен на нечто большее. Он сказал: Мульку необходимо прибегать для особых заданий”.

Ицхак Гордон был в то время центральной фигу-

рой в организации. У него были превосходные данные для организации серьезного подполья. Его ум и уравновешенность, понимание реальной жизни, отличный организаторский талант, отсутствие позы, владение собой и моральный авторитет сделали его самым подходящим кандидатом для руководства движением в эти тяжелые времена. Впрочем, его личная безопасность была под большой угрозой. Больше всех он был на виду: он был старше других активистов, он был широко известен как центральная фигура организации. Мы постоянно опасались его ареста“.

Нельзя не остановиться на этой выдающейся личности. Ицхак олицетворял пролетарский тип шомера, он вырос в бедности и лишениях. Он познал жизнь не только из художественной литературы. Образование ему досталось ценой огромных усилий. Он отличался систематичностью мышления и последовательностью в делах. Его тогдашние товарищи по организации, которые были намного моложе его, замечают: есликовка характера является одним из решающих элементов воспитания, полученного в организации, то Ицхак мог служить тому примером. “У него была природная трезвость ума, и в его присутствии мы чувствовали, что нет и не может быть легких ответов ни на политические и социальные проблемы мирового значения, ни на личные вопросы... Его мудрость была очень еврейская, приправленная оригинальным юмором. Он умел смягчить “антигалутизм“, характерный для молодежного халуцианского движения, который содержал также толику ассимиляции: почему бы нам не быть, как все? У Ицхака эти черты были замечательным образом уравновешены“.

Ицхак прибыл в Ригу из Даугавпилса, чтобы руководить главным штабом, осенью 1939 года. Его образ не особенно гармонировал с “идеалом“ шумной, бушующей, компанейской группы, составлявшей рижский актив. Ицхак был весьма сдержан при завязывании знакомств с товарищами и еще более сдержанно выражал свои чувства. Но благодаря особенностям его лич-

ности, он очень быстро завоевал симпатию. Слияние "двух стилей" привело к удачному взаимодействию.

Во время войны Ицхак почти все время служил в учебной артиллерийской части. Надо сказать, что начальство сумело удачно использовать его способности. Он пал совсем незадолго до окончания войны. Латвийская организация потеряла одного из своих лучших и многообещающих сыновей.

В другом месте Яка добавляет: "Мы намеревались создать очень глубокое подполье. Мне кажется, что с этой точки зрения наше поведение было абсолютно правильным. Мы не хотели "показного самосожжения", хотели избежать быстрого провала и арестов, как это случилось у других. Мы правильно представляли себе, как надо себя вести в советском подполье. Мы знали, что здесь нужна не романтика, а сугубая осторожность".

Создание подполья было здоровой реакцией живого организма, который не хочет умереть. Примером служил Гашомер гацаир в Советском Союзе, и было само собой разумеющимся, что необходимо продолжать его тактику.

Были созданы тройки. Каждую тройку связали с центром через связного. Все связи сходились к Ицхаку и Яке.

Организация должна была действовать. Характер деятельности определялся отрицательным отношением советской власти к еврейской культуре и сионизму.

Первая задача: собрать книги на иврите, вообще еврейские книги и книги о еврейской культуре, о Палестине, сионизме, сионистском рабочем движении и т. д. с тем, чтобы спасти их от властей и сохранить их для работы организации. Собранные книги распределили среди товарищей.

Вторая задача: позаботиться о связи с Палестиной. Для этого собирали и накапливали информацию из писем, газет (по мере их поступления), из передач "Голоса Иерусалима". Кстати, "Голос Иерусалима" в Латвии в то время очень плохо прослушивался. Было учреждено дежурство по приему передач.

На встречах в ячейках пытались продолжить обычную в организации теоретическую работу, ориентируясь преимущественно на вопросы еврейской жизни и на информацию о том, что делается в Палестине и в еврейском мире. Товарищи в ячейках готовили обзоры и доклады. Подполье просуществовало вплоть до войны. Его главная заслуга — в поддержке связей с товарищами. “Оно сберегало огонь и в этом преуспевало”.

Одновременно с роспуском некоммунистических организаций были, естественно, ликвидированы также и центры хахшары. В них устроили прощальные собрания. Ниже следует описание одного такого собрания в хахшаре Шалшелет: “Большая карта Палестины. Портреты сионистских вождей на стене. Открывающий собрание товарищ говорит: Мы сегодня собрались в последний раз в этих стенах, в столовой нашего кибуца хахшары. Взглянем все на карту Палестины и на те точки, где трудятся и создают наши товарищи... Тишина. Сдавленный плач в одном из углов. Пропели гимн палестинского рабочего движения “Техзакна”,* но товарищи не расходятся. Опять рассаживаются, сидят и молчат. Знают, что после того, как встанут, уже не придется сидеть вместе в братской компании... Перед моими глазами образ здорового, атлетического сложения парня. Он спрашивает: Неужели я никогда не увижу Палестину?”

Продолжим рассказ Копла Скопа, перебравшегося в Ригу. Его впечатления характерны и для других членов организации:

“В то время члены организации жили особенно дружно. Мы были подавлены. Мы собирались. Мне передали, например, что если я встречу Ицхака Гордона на улице, то не надо останавливать его, беседовать с ним. Не надо даже с ним здороваться... Пришел ко мне Михаэль Бахат и сказал, что пока необходимо прекратить всякую деятельность, но что придет день, и начнем действовать. Он передал мне шифр. (Кстати,

* Гимн палестинского рабочего движения на слова Х. Н. Бялика.

этим шифром я воспользовался несколько лет спустя, уже после войны. Я тогда был во Львове по делам нелегальной переправки евреев за границу и пользовался этим шифром для связи с Якой, который был в Риге). Мы встречались, собирались, пели наши песни, говорили о Палестине. Мы продолжали жить жизнью нашей организации, хотя и вне организационных рамок. Тогда пришел опять Михка и сказал, что надо совсем прекратить, чтобы о нас забыли. Более молодые товарищи, в гимназическом возрасте, оставшиеся в Краславе, тоже не прекратили встреч между собой“.

Делались ли в это время попытки найти новые пути для алии? Рассказы товарищей очень напоминают критический самоанализ упущенных возможностей. Приведем несколько отрывков из них: “Вся беда в том, что наши мысли абсолютно не действовали в единственно разумном по тем временам направлении, а именно: уехать из Латвии любым путем. Иными словами, мы заранее решили, что ничего из этого не выйдет. Правда, вероятность неудачи была 95 процентов, но мы эту возможность даже не проверяли“. “Вопрос вот в чем: правильная ли эта идея? Правильно ли мы рассуждали, правильно ли мы действовали? Сделали ли мы все, что можно было в то время сделать в организации? Ведь мы всегда были людьми, готовыми к жертвам. Откуда же такое роковое упущение?“ “Мы должны были уехать во что бы то ни стало. Другие могли не пытаться — мы должны были это сделать“. “Я уверен, что если бы пришел кто-то и открыл бы нам хоть маленькую щелочку, мы бы действовали также лихорадочно, как действовали в 1945 году (тогда товарищи организовали нелегальную отправку евреев из СССР в Палестину). Но вся беда была в том, что мы еще были детьми, мы не поняли, о чем идет речь, и в этом — несчастье многих евреев. Не надо было сидеть и ждать у моря погоды. Я знаю, что в то время были люди, которые уехали из Латвии, уехали из Польши через Румынию. Мы даже одной попытки не сделали“. “У меня такое впечатление, что наши люди тогда не жили сознанием: спасайся, кто может...

Мы думали об организации в целом. Нереально было искать решение для всех вместе, и вместе с тем мы отклоняли мысль о поисках каких-либо возможностей не для всех“.

Каково было объективное положение? После оккупации прибалтийских республик русские герметически закрыли границы страны. Даже переход из Латвии в Эстонию или Литву, для чего раньше не требовалось никаких формальностей, и то был закрыт. Мулька Иоффе поступил на работу в рижский порт для выяснения возможностей переправки людей в Швецию с помощью рыбаков или даже на кораблях. Но этот путь был занят латышскими националистами и в обстановке все усиливающегося антисемитизма был полностью закрыт для евреев. Нельзя было добраться через Эстонию в Финляндию, которая воевала с Россией. Позднее появились слухи о каких-то возможностях выбраться через Дальний Восток. Все остальные границы были в руках немцев. Активные поиски пути для алии через азиатскую часть СССР были начаты в более позднее время, когда наши товарищи очутились в России, но и это оказалось затем нереальным. Развитие событий от оккупации Латвии советской армией до нападения нацистской Германии на СССР было очень быстрым и почти начисто перечеркнуло возможность поисков эффективных путей для выезда.

В ночь на 22 июня 1941 года немецкая армия перешла советскую границу. В течение одной лишь недели почти вся Прибалтика оказалась в руках немцев.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В ГЕТТО

Согласно оценке "Энциклопедии юдаика", примерно 75 тысяч латвийских евреев попали в руки нацистов. Остальные частью были сосланы большевиками в Сибирь накануне немецкого вторжения — за "буржуазное происхождение" и сионизм, частью сумели бежать в Советский Союз в конце июня 1941 года.*

Из тех, кто попал в руки нацистов и был заточен в гетто, лишь немногие остались в живых, среди них считанные участники движения Нецах.

О тех, кто находился в гетто вплоть до дня расстрела, до нас дошли только отрывочные сведения. Эти обрывки и кое-какие личные показания, просочившиеся сквозь кровавую завесу, не дают полной картины, однако по ним можно проследить некоторые черты ее. К общему фону страшных событий в Рижском и Даугавпилском гетто мы добавим личные показания находившихся там участников движения Нецах, а также приведем показания других лиц о судьбе и деятельности членов движения в гетто.

О Рижском гетто у нас имеются показания только

* Исследование о латвийском еврействе в годы второй мировой войны, о латвийских гетто и движении Сопротивления в них, об участии евреев в боях в рядах Красной Армии еще только начато.

Достаточно подробное описание Рижского гетто и общий обзор остальных гетто в Латвии имеется в книге М. Kaufmann, "Die Vernichtung der Juden Lettlands", München' 1947. О подпольном движении в Рижском гетто рассказывается в статье И. Каплана "Оружие в Рижском гетто", опубликованной в журнале на идиш "Фун лецти хурби", вып. 1, 2, Мюнхен, 1946.

одного участника движения — Арона Ландсберга (теперь он живет в кибуце Тель-Йосеф). Вот они:

“До того, как началась война между Германией и Советским Союзом, я был солдатом Народной Латвийской армии, входившей в качестве латышского корпуса в состав Красной Армии. В полку, в котором я служил, вместе со мной было еще несколько участников нашего движения в Риге. Мы, естественно, часто встречались. Когда началась война, мы находились на учениях близ русской границы. Большевики не доверяли латышскому корпусу и через несколько дней после вторжения немцев расформировали его. Солдат распустили. Мы надели гражданскую одежду и направились к русской границе. Но немецкая армия нас опередила, и путь в Советский Союз был закрыт. Так я и мои товарищи оказались на оккупированной нацистами территории. Вместе мы вернулись пешком в Ригу. Приблизившись к городу, мы еще издали увидели над ним столбы густого дыма. Это пылали синагоги, которые подожгли латыши по собственной инициативе. Для членов фашистского “Перконкрустса” и правой организации “Айзсарги” еврейская жизнь ничего не стоила.

В конце октября 1941 года рижские евреи были загнаны в гетто, созданное на Московском форштадте (район Риги). Все члены нашей семьи — отец, мать, брат и сестры — тоже попали в гетто. Я был включен в рабочую бригаду и ходил на работу в город”.

Массовое уничтожение евреев в Латвии началось уже в ноябре 1941 года. В Рижском гетто было свыше 33 тысяч евреев. Это было первое так называемое Большое гетто, просуществовавшее всего несколько недель, до конца ноября. С 30 ноября по 9 декабря в гетто происходили крупные акции. Тогда было вывезено на расстрел в лес Румбули и в другие места около 27 тысяч евреев. После акций в Малом гетто согласно оценке Кауфмана осталось примерно 4700 евреев (по оценке “Энциклопедии юдаика” — только 2500).

Как в большинстве гетто, в Рижском была организована еврейская полиция (Орднунгсдинст), занимав-

шаяся по поручению оккупационных властей поддержанием порядка в гетто. Как правило, в еврейскую полицию шли молодые парни, желавшие таким образом спасти свою жизнь, лишённые каких-либо национальных или нравственных устоев. Не так обстояло дело в Рижском гетто.

Арон Ландсберг рассказывает:

“В еврейскую полицию в Большом гетто, которое потом было переведено в Малое гетто, пошли лучшие парни, в том числе и участники молодежных организаций. Побуждения их были общественные и моральные. Они надеялись, что благодаря занимаемой должности смогут помогать евреям в эти страшные дни. И они действительно помогали, чем только могли. Среди участников нашего движения в полиции Большого гетто был Абраша Ядловкер, расстрелянный 9 декабря 1941 г. В полиции Малого гетто был участник движения Моше Глазер, с которым дружил я и мой покойный брат Моше”.

Моше Глазер был одним из активистов возникшего в гетто подполья. Других членов-участников движения, вступивших в еврейскую полицию, нам не удалось узнать.

Относительно особого характера еврейской полиции в Рижском гетто имеются и другие свидетельства. Как стало известно, поведение еврейской полиции было совершенно исключительным явлением в страшной действительности гетто. Нельзя не остановиться, с благоговением склонив голову, перед этим проявлением благородства в период агонии латышского еврейства. Вот что рассказывает о членах еврейской полиции в своей книге Макс Кауфман (стр. 181):

“Поскольку имеются порочащие свидетельства относительно поведения еврейских полицейских в разных лагерях и гетто, я считаю своим долгом публично заявить от своего имени и от имени своих товарищей по гетто, оставшихся в живых, что все уничтоженные нацистами еврейские полицейские в Рижском гетто обладали высоким национальным самосознанием. Они видели смысл своей службы в том, чтобы хоть как-

нибудь защитить евреев, живших в гетто. Это были лучшие представители нашей молодежи, и мы можем ими гордиться. Это были герои, которые самоотверженно сражались за нас и мужественно пошли в свой последний путь“.

Расстрелу 42-х членов еврейской полиции предшествовала следующая цепь событий.

Группа из 8—9 парней с помощью латыша, водителя грузовика, бежала из гетто. Но этот латыш выдал бежавших. Когда за городом грузовик был остановлен немецким патрулем, парни бросили в немцев гранаты. В перестрелке три патрульных были убиты. Большинство наших ребят тоже были убиты на месте. В наказание за убийство трех немцев оккупационные власти решили расстрелять 150 евреев — по 50 за каждого немца. В первую очередь были казнены 42 еврейских полицейских, заподозренных в оказании помощи бежавшим. После этого было убито еще 108 евреев. “Среди 108 стариков, вывезенных в лес и расстрелянных, находился и мой отец Авраам Ицхак Ландсберг“, — свидетельствует Арон Ландсберг.

Казнь 150 евреев произошла в период организации в гетто подпольных ячеек и сбора оружия. Уничтожение еврейской полиции нанесло тяжелый удар этому делу, но не остановило его. Возникло несколько ячеек по 10 человек в каждой. В гетто был построен большой, хорошо замаскированный бункер. Специальный бункер под стрельбище был устроен в подвале под кузницей, в которой работали евреи. Кроме оружия, собирали также продовольствие и прочее снаряжение. Ответственным за оружейный бункер был механик Ботвинкин, воспитанник движения.

В июне 1943 года немцы обнаружили наши запасы. Оружия было столько, что для его вывоза понадобился большой грузовик. В связи с обнаружением оружия было арестовано около 300 евреев, и ни один из них не остался в живых.

История с оружием ускорила ликвидацию Рижского гетто. Последние оставшиеся там евреи были перевезены в лагерь Кайзервальд, который должен

был стать главным концлагерем для евреев Прибалтики. Оттуда евреев отправляли в лагеря смерти в Германию.

Арон Ландсберг так заканчивает свой рассказ:

“Когда Красная Армия приближалась к Риге, мы — около 150 последних евреев Малого гетто — были перевезены морем в Данциг. Оттуда нас направили в лагерь смерти Штутгоф. После освобождения я вернулся в Ригу. Когда я окреп и пришел в себя, меня взяли в Красную Армию. Около месяца я еще успел повоевать с разваливавшейся немецкой армией”.

Гетто для евреев Даугавпилса и местечек Латгалии было создано в июле 1941 года в конюшнях заброшенных казарм и возле местечка Грива, напротив Даугавпилса, на другой стороне реки. В августе—сентябре были проведены первые акции, во время которых погибли тысячи евреев. Октябрь прошел относительно спокойно, но в начале ноября была организована самая крупная и жестокая акция. Шестого-восьмого ноября тысячи евреев были вывезены в лес Погулянка и убиты. В гетто осталось около 800 евреев.

Вот что рассказывает о гетто Рахель Фридман, прибывшая в Израиль в 1971 году.

“Вместе с членами моей семьи я оказалась в гетто. Самыми близкими моими товарищами там были участники движения. Встречаясь, мы разговаривали о смутном будущем, о том, что нас ожидает. Однажды брат рассказал мне о слухах относительно партизан, находившихся в лесах близ местечка Вышки, недалеко от Даугавпилса. Его товарищи и он пытались установить связь с партизанами. Я сомневаюсь, были ли эти слухи обоснованными.

Когда в первых числах ноября начались крупные акции, мы с братом были вне гетто. Мы хотели бежать вместе, но брат вернулся в гетто, чтобы попытаться вывести оттуда мать. Но ему уже не удалось выбраться из гетто. Я бежала в Белоруссию и попала в гетто в местечке Брослав. Позже я вступила в партизанский отряд и была в нем до конца войны”.

Как видно, Рахель Фридман была чуть ли не единственной из участников движения, сражавшейся в партизанском отряде.

Особый случай представляет участие замученного тогда немцами Звулуна Крислава из Рижского отделения движения в группе, которая была заброшена по заданию Красной Армии в тыл врага, на островок Газенгольм, в низовьях Даугавы, близ Риги. Эта группа из семи человек около двух месяцев действовала в окрестностях Риги. Звулун Крислав вместе с четырьмя товарищами по группе был схвачен по доносу и после тяжелых пыток казнен.

Легко понять, почему среди партизан почти не было участников движения: латыши, как правило, сотрудничали с немцами в уничтожении евреев, и нечего было ждать помощи от крестьян. В то время, когда была уничтожена большая часть латышского еврейства, т. е. в конце 1941 года, в Латвии еще не было партизанских отрядов. Они организовались или проникли в Латвию много позднее.

Вернемся к событиям в гетто. Несколько десятков евреев, которых немцы посылали на разные работы в город, не были заперты в гетто: им было разрешено жить на городских квартирах. Над ними не было постоянного надзора немцев. На фоне трагического положения в гетто их положение казалось благополучным. Они не испытывали такой острой нужды в пище и одежде и были даже в состоянии оказывать заметную помощь евреям в гетто. Однако с декабря 1941 по февраль 1942 года гетто было полностью изолировано от внешнего мира из-за распространившихся там инфекционных заболеваний. За это время многие умерли от голода и болезней. В конце февраля 1942 года карантин с гетто был снят, и туда были переселены все евреи, проживавшие до этого в городе, за исключением нескольких человек. Несколько сот евреев, еще оставшихся в гетто, были заняты на работах в городе или в крепости. 1 мая 1942 года возобновились массовые казни, и Даугавпилскому гетто пришел конец. В живых остались лишь те несколько евреев, которые

жили и работали в городе. Так продолжалось до конца октября 1943 года.

В Даугавпилском гетто также было несколько попыток организовать и собрать оружие для самообороны. Это была инициатива небольших групп молодежи, объединившейся отнюдь не по принадлежности к какому-либо движению, а просто на основе многолетнего личного знакомства, как правило, еще со школьной скамьи. Были среди них и некоторые участники движения. Мы знаем это из свидетельских показаний участников движения.

Подробный рассказ о событиях в гетто и о сборе оружия содержится в показаниях Иты Розенберг (теперь Ита Бел, живет в кибуце Кфар-Влюм).

«Я вступила в движение за несколько месяцев до начала войны. Мне было 14 лет, когда немцы захватили Даугавпилс. Мы с матерью хотели бежать на восток вместе со многими другими, но не смогли из-за старой, больной бабушки. Я полагаю, что примерно половина Даугавпилских евреев успела убежать. До ноября 1941 года в гетто еще оставалась молодежь в возрасте 14—16 лет, в том числе и участники движения. Нас водили в город на разные работы. Я подметала улицы и убирала в домах после ремонта. В той атмосфере подавленности и повседневного ожидания смерти наш товарищ Исер Хаит был действительно душой гетто. Он не был непосредственным моим руководителем в то время, когда движение еще функционировало, а руководителем отряда скаутов, к которому я принадлежала. Он был немного старше остальных подростков в гетто, среди которых было несколько воспитанников движения, и мы видели в нем уважаемого руководителя, а он нас подбадривал и старался вдохнуть в нас надежду. Он не мог примириться с горькой действительностью. Даже в короткий период советской власти Исер продолжал тайно поддерживать связь со своими воспитанниками, несмотря на указания старших активистов воздержаться на первых порах от всяких контактов. В гетто Исер часто рассказывал нам о создании кибуца Эй-Гев и вообще о

жизни в Палестине. “Если останемся в живых, немедленно уедем на нашу Родину”, — повторяли мы вслед за ним. Однажды — это было в начале 1942 года — Исер попался при попытке пронести в гетто буханку хлеба и был застрелен на месте”.

О сборе оружия рассказывает воспитанник движения Элиягу Геве́р, живущий ныне в США:

“Из взрослых участников движения в Даугавпилсе в гетто попали лишь единицы. Большая часть бежала в Советский Союз. Я тоже пытался бежать на восток, но нашей группе беженцев не дали пересечь русскую границу. Пришлось вернуться в Даугавпилс. Так я попал в гетто. Я был среди тех, кто жил в городе, а не в стенах гетто. Некоторое время работал в крепости. Там я встречался с моим ровесником, участником движения Гуткой Яхнином. Нашей группе удалось раздобыть оружие, в том числе гранаты и пистолеты. Подземные переходы старой крепости служили отличным местом для тренировки в стрельбе. Мы не представляли собой настоящей организации, и у нас не было плана действия. Мы думали, что сможем пользоваться оружием вместе или поодиночке, в зависимости от хода событий. Однако события развивались так, что оружие использовать не пришлось”.

Вот что рассказывает Моше Менаше Вапне, бывший некоторое время в Даугавпилском гетто, о сборе и хранении оружия:

“Нас, четырех подростков в возрасте 10—14 лет, присоединили к вспомогательному подразделению при немецкой армии. Мы работали возчиками на подвозке строительных материалов. Среди нас был и Гутка Яхин. Жили мы в гетто не в домах, а в конюшне, вместе с лошадьми. Гутка был хромым с детства, но шустрый как черт. Его необыкновенная подвижность не раз спасала его от смерти. Много раз ему удавалось улизнуть от опасности. Некоторые евреи в гетто сумели разными способами раздобыть оружие. Прятать его удобнее всего было в конюшне. Вместе с Бобкой Фуксом Гутка врыл в землю железный ящик для хранения оружия. Владельцы оружия пообещали Гутке, что

когда им понадобится забрать оружие, чтобы бежать в леса, они возьмут с собой его, Гутку, и нас — троих его товарищей. Но обещания своего они не выполнили“.

Последние евреи Даугавпилса не тешили себя иллюзиями. Они знали, что каждый день им угрожает опасность, что в любую минуту немцы могут прийти и угнать их. Многие готовились к этой минуте разными способами. Вот что рассказывает Ита:

“Каждый день жизни был для нас своего рода победой. Так проходили месяцы. Настало лето 1943 года. Однажды мы узнали о восстании в Варшавском гетто. Мы видели поезда, полные раненых солдат, которых отправляли с фронтов в тыл. По поведению самих немецких солдат можно было догадаться об их поражениях на фронте, о белорусских партизанах и о восстании в Варшавском гетто. Последнее придало нам бодрости и надежды. “Если они смогли, почему же мы не сможем?” — переходило из уст в уста. Мы думали о вооруженной обороне, но никто не думал, что есть надежда остаться в живых. В самых розовых мечтах никто из нас не надеялся, что кто-то выживет.

Некоторые парни собирали оружие и строили разные планы. Среди них был и участник движения Давид Блайер. Сначала он рассказал мне под страшным секретом, что у некоторых евреев есть оружие. Позже я видела сама и даже держала в руках пистолеты и гранаты. По плану Давида Блайера и его маленькой группы, мы должны были в последний момент, перед тем как немцы придут угонять нас, бежать в леса. Бежать раньше мы не хотели, потому что немцы за каждого бежавшего еврея расстреливали десяток других.

Давид установил связь с несколькими крестьянами, обещавшими спрятать нас. С течением времени план побега становился все более реальным. Мы ждали подходящего момента. Мы заранее сшили себе из одеял теплые штаны и подготовили запас продовольствия. Мы планировали бежать из города в одиночку или группами по 2—3 человека. Однако события развернулись так, что план наш не осуществился. В конце октября 1943 года неожиданно наступил тот страшный день.

Полиция и гестаповцы окружили дома, в которых мы жили. Всем евреям было приказано выйти. Единичам удалось ускользнуть от немцев. Некоторые евреи покончили с собой, чтобы не попасть в руки убийц. Моя мать, я, Давид Блайер и женщина по имени Хава Зильберман бежали по крышам и чердакам и добрались до дома одной христианки, которая спрятала нас в шкафу с одеждой, а потом пошла и заявила об этом в полицию. Нас присоединили к колонне евреев, шедших к железнодорожной станции. Давид выскочил и побежал. Полиция бросилась вслед за ним, стреляя на ходу. Давид остановился, выстрелил в упор в подбежавшего немца и вслед за тем в себя.

Так погиб мой друг Давид Блайер. Насколько мне известно, это был единственный случай в Даугавпилсе, когда еврей убил немца. Давиду было 17 лет“.

В тот день часть Даугавпилских евреев была отправлена в городскую тюрьму, где они пробыли несколько дней, а затем их перевезли в лагерь Кайзервальд под Ригой. Несколько десятков человек были освобождены и вернулись в город, где оставались еще некоторое время. Большинство же евреев были отправлены в тот же день в товарных вагонах в Ригу.

Гутка Яхнин и тут доказал свою находчивость: с помощью товарищей по вагону он распутал проволоку, закрывавшую окошко, вылез наружу и удачно спрыгнул с поезда, незамеченный охраной. Однако, убедившись, что спрятаться негде, он вернулся в Даугавпилс и сдался немцам. Его отправили в Кайзервальд, а оттуда вместе с последними латвийскими евреями — в лагерь смерти. Очевидно, Гутка Яхнин погиб в лагере смерти Штутгоф.

Среди тех, кому удалось в тот день бежать, был Элиягу Геве. Вот что он рассказывает:

“Вооруженные пистолетом, я и мой товарищ Ран бежали от немцев. За нами гнались, стреляли, моего друга ранили. Нас обоих поймали и на телеге отправили в тюрьму. По дороге мне удалось бежать и спрятаться в развалинах сгоревшего дома. Я забрался в дымовую трубу. Полиция не нашла меня. Через сутки

я выбрался из дома и пробрался в группу русских пленных, работавших поблизости, объявив себя латышом, бежавшим от немцев. Они меня спрятали. Потом я удрал оттуда, раздобыв себе паспорт латыша. Я стал свободным человеком, работал у немцев в качестве механика. По работе мне приходилось бывать в военных частях, и я хорошо познакомился с их структурой. Когда немцы начали отступать, я бежал. Рискуя жизнью, пробрался к линии фронта и сдался разведчикам Красной Армии. Там предоставил ценную информацию русским и убедил их в своей преданности. После того как я завоевал их доверие, меня взяли в армию, и я прослужил в ней до конца войны. В 1945 году в бою под Варшавой меня ранило“.

Таковы свидетельства, отрывистые и неполные, которые нам удалось собрать. Конечно, они не дают полной картины. Но эти свидетельства кажутся нам достаточным доказательством того, что молодые участники движения, попав в самые страшные испытания, какие только можно себе представить, выдержали их с честью.

В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В ГОДЫ ВОИНЫ

В конце июня 1941 года, в дни паники, возникшей в Латвии с началом войны между Германией и Советским Союзом, лишь небольшая часть евреев Латвии сумела бежать на восток. Многие по разным причинам предпочли остаться дома со своими семьями. У большей части евреев вообще выбора не было. Война обрушилась на них, как гром среди ясного неба, и психологически люди не были готовы к возможности войны между СССР и Германией. Тем более никто не мог и подумать, что Советская Армия будет разбита в течение считанных дней. Даже многие из тех, кто быстро оправился от психологического шока и набрался мужества бежать, уже не смогли сделать это. Стремительное продвижение немецкой армии отрезало курляндское еврейство. Лишь немногие из евреев, проживавших на западе Латвии, смогли спастись. Большей частью они остались в своих местечках и там погибли. Это относится также к евреям Даугавпилса и Латгалии — районов, граничащих с захваченной Польшей. У рижских евреев тоже не было времени для раздумий: спаслись только те, кто покинул Ригу пешком или поездом в первую же неделю после 22 июня.

В эти дни неразберихи власти не дали населению никаких указаний, не приняли никаких мер для его эвакуации. Многие полагают, что у властей не было никакого стремления эвакуировать евреев. Под грохот бомбежек, которым подверглась столица Латвии, люди бежали к железнодорожному вокзалу. Вагоны, стоявшие на вокзале, мгновенно заполнились до отказа, но пассажиры ждали более суток, пока поезд тронулся в путь. Тем временем немецкие бомбардировщики постоянно бомбили вокзал, и часть беженцев, сидевших в вагонах и не знавших, когда отправится поезд и отправится ли вообще, оставили это опасное место и вернулись домой.

В субботу 28 июня поезд тронулся. Еще до этого

в нем оказались 8—9 участников движения. Пять девушек и трое юношей собрались в одном вагоне. Это были сестры Лея и Сима Муниц, Бела Хейфец (все трое живут в кибуце Кфар-Влюм), Поля Аронас, Циля Гакель (умершая в Эйн-Геве), Яков Янай (Яка), Копель Скоп и еще один, имя которого никто не помнит. Еще одна маленькая группа сидела в другом вагоне. Из-за тесноты и боязни потерять место товарищи выдерживались от хождения по вагонам в поисках других участников движения. Вероятно, в эшелоне беженцев, двигавшемся из Риги на восток, было еще несколько участников движения. Десятки, может быть, сотни отправлялись поодиночке, кому как удавалось в те тяжелые дни.

Рассказы товарищей об эвакуации похожи один на другой. Очевидно, большая часть бежала в одиночку, без родителей, но отправлялись в путь и целые семьи.

Выделяется рассказ Гамлиэля Блаушильда (ныне живет в кибуце Кфар-Влюм) о злоключениях, выпавших на его долю и на долю его товарища Мульки Иоффе. Вот краткое изложение рассказа:

“В четверг 26 июня паника в Риге усилилась. Часто слышались выстрелы. Я вышел на улицу поискать товарищей, никого не нашел и ничего не узнал. После обеда дозвонился к Мульке Иоффе. Встретились мы тем же вечером. Его родители и моя мать отказались покинуть город. Мы вдвоем решили отправиться в путь ранним утром следующего дня. Мулька приехал на велосипеде. Поскольку у меня велосипеда не было, Мулька бросил свой. Тут же на месте нам пришлось решать, отправиться ли на вокзал или двинуться пешком на север. Мы отправились пешком к эстонской границе. Когда проделали часть пути, нам удалось сесть на поезд. Доехали до Валка на границе Латвии и Эстонии. Там мы узнали, что на месте организуется партизанский отряд и, не колеблясь ни минуты, попросили включить нас в отряд. С трудом сумели мы убедить организаторов, что мы достойны этого, и в ту же ночь Мулька ухитрился раздобыть винтовку. Наш взвод насчитывал 20 человек. Мулька быстро выдвигался

нулся благодаря своей незаурядной личности, и уже на следующий день его назначили пулеметчиком взвода. Я присоединился к его группе. Задачей отряда было обнаружение групп эстонских партизан-националистов и проведение операций против них. Мы патрулировали на грузовике дороги южных районов Эстонии. Спустя несколько недель нам было сказано, что отряд присоединяется к Красной Армии и получит советское оружие. В один из дней нам было поручено атаковать подразделение немецких передовых частей. Пулеметный взвод, занявший передовые позиции, был тут же обнаружен противником, и на него обрушился огонь. Я был ранен первым. Мулька подполз ко мне, чтобы оказать помощь, и его тоже ранило пулей. В меня попало еще несколько пуль. Положение мое было тяжелое“.

Далее выясняется, что в течение суток Мулька сопровождал раненого Гамли, которого отправили на телеге в тыл. Ни фельдшера, ни врача на месте не было. Мулька скрыл свою рану, бегал в поисках врача, который бы помог Гамли. Когда он вернулся в сопровождении врача на то место, где он оставил Гамли, никого там уже не было. Гамли был эвакуирован в Таллин. Тем временем состояние Мульки ухудшилось, и его отправили на операцию. Так друзья оказались в разных краях и ничего друг о друге не знали. Из Таллина Гамли перевезли в Ленинград, затем в Свердловск. Мульку тоже увезли в Таллин и оттуда в Ленинград.

Оправившись от ранения Мулька попросился в Красную Армию, однако в то время советские власти не брали в армию выходцев из Прибалтики. Тем временем усилилась эвакуация гражданского населения из Ленинграда. Как правило, эвакуированным давалась возможность выбрать место жительства в глубоком тылу. Поискав на карте Советского Союза какой-нибудь крупный город поблизости от иранской границы, самой близкой к Палестине, Мулька изъявил желание эвакуироваться в Ашхабад. Прежде чем завершилось окружение Ленинграда немецкими войсками, Мульке

удалось выбраться поездом из осажденного города на юг. Он имел при себе командировочное удостоверение и билет до Ашхабада. На удостоверении почему-то стояла печать Особого отдела НКВД, которая в создавшихся условиях оказалась весьма полезной.

Вернемся к той группе, которая поездом беженцев отправилась на восток. Спустя девять дней поезд остановился в Ярославле. Группу послали в колхоз, в Андроповский район, где они пробыли некоторое время. Рассказывает Копель Скоп:

“В колхозе мы поселились все вместе на сеновале, однако работы для нас не было. Кое-кто нашел работу в городе. Мы создали коммуну по образцу групп хахшары. Если кому-нибудь удавалось заработать немного денег или раздобыть продукты, все это шло в общий котел. Голодали все вместе. Мы пробыли там лишь несколько недель. По разным причинам группа распалась. Пять девушек остались вместе. Общей целью было добраться как можно ближе к южной границе, к Палестине“.

Поля Аронас-Нейштат дополняет этот рассказ:

“Мы твердо хотели при первой возможности уехать из Советского Союза, примерно знали направление, но не знали, через какие города ехать. Когда-то в движении нам рассказывали, что халуцим третьей алии прибыли в Палестину через Кавказ. Поэтому мы решили отправиться на Кавказ. Добрались до Волги и хотели ехать дальше на юг, но выяснилось, что дорога на Кавказ закрыта. Поневоле пришлось отправиться на Урал“.

В своих скитаниях пять девушек встретились с большой группой киевских евреев, эвакуированных в тыл вместе с оборудованием их завода. Эти евреи пригласили девушек из Латвии присоединиться к ним. Так они вместе добрались до города Кунгура на Урале. Все пять девушек поселились вместе в одной комнате. Некоторое время с ними вместе проживали еще двое юношей — участников движения. Из Кунгура они начали переписываться с друзьями и родственниками в Палестине.

Вернемся теперь к Мульке Иоффе, отправившемуся на юг. Мулька не собирался в одиночку добираться до иранской границы, чтобы там искать возможность пересечь ее. Он хотел взять с собой как можно больше товарищей по движению. Поэтому его путь в Среднюю Азию не был прямым и гладким. Он задерживался в нескольких городах и повсюду искал товарищей. В Кирове тогда находилось правительство Латвийской Республики, которое создало отдел по розыску родственников беженцев из Латвии, рассеянных по всей стране. Этим отделом пользовались также участники движения, искавшие друг друга. Некоторое время Мулька прожил в Вологде и вошел там в контакт с работниками ЦК Компартии Латвии, осевшими в этом городе. В Кирове он узнал адрес Яки, однако следов Гамлиэля ему найти не удалось. Вот отрывок из длинных показаний Яки (Якова Яная):

“Однажды я получил телеграмму от Мульки, ожидавшего меня в Свердловске. Я отправился к нему ночным поездом без билета. Мулька ждал меня на вокзале с куском рыбы и стаканом какао в руке. Одному Богу известно, как сумел он раздобыть эти деликатесы в то голодное время. Первые слова его были: “Едем на юг!”, и мы сразу же начали обсуждать, как пересечь границу на пути в Палестину. Несколько дней мы пробыли вместе в Свердловске. Благодаря командировочному удостоверению “сотрудника Особого отдела”, которое было у Мульки, ему удалось раздобыть продукты.

Мы решили ехать кружным путем в Ташкент, поскольку прямая дорога была забита эшелонами. Кроме того, Мулька хотел поближе познакомиться с Советским Союзом. Поехали мы через Новосибирск и Алма-Ату. У меня не было ни билета, ни денег на билет. Мулька отдал мне свой билет. “Я уж как-нибудь устроюсь, не беспокойся”, — сказал он мне. Каждый раз, когда контролер проходил по вагону, Мулька притворялся спящим, и контролер тщетно пытался растолкать его, пока не вмешивались соседние пассажиры, шипевшие на контролера: “Оставь его, это солдат с

фронта". Контролер уступал и оставлял его в покое. Так продолжалось, пока мы не приехали в Ташкент".

В Алма-Ате Мулька и Яка познакомились с двумя юношами, беженцами из Польши, воспитанниками халуцианского молодежного движения. Они быстро нашли общий язык и завоевали взаимное доверие настолько, что даже открыто говорили о возможных путях бегства из Советского Союза в Палестину. Парни из Польши передали Мульке и Яке адрес одного еврея в Ташкенте, который, насколько им было известно, был связан с контрабандистами и скорее всего мог бы помочь перебраться через границу.

Прибыв в ноябре 1941 г. в Ташкент, Мулька и Яка встретились с евреем Н., адвокатом, эвакуированным из Москвы, который говорил на хорошем иврите с сефардским произношением. Этот еврей, завоевавший в некоторой степени их доверие, выразил готовность помочь им. По его словам, он поддерживал связи с контрабандистами, переправлявшими товары в Афганистан, и пообещал, что поможет им присоединиться к группе контрабандистов. Последние уже доставят их в советский пограничный городок, а оттуда им придется около 30 км идти пешком до города Мазари-Шериф в Афганистане. Таков был план, для осуществления которого требовалось некоторое время.

Создавшееся положение требовало от Мульки и Яки поселиться пока в Ташкенте, однако прописаться в городе было невероятно сложно. В конце концов оба решили поступить в местные институты. Мулька стал студентом инженерного института, а Яка продолжил учебу в консерватории. Так они получили места в общежитиях и карточки на скудное питание, как и все студенты. Мулька устроился на ночную работу подсобным рабочим в военную столовую. С тех пор они не голодали. Часть продуктов, которые им удавалось достать, они продавали, чтобы посылать деньги голодавшим родственникам в дальних городах.

Об условиях жизни беженцев можно получить представление из письма Айзика Каца его товарищам в Ташкент:

“Я уже писал вам, какие у меня тут “товарищи”. Среди моих соседей особенно омерзителен один тип, который, помимо спекуляции, занимается также мелкими кражами. Не так давно я стал жертвой его “специальности”. Когда я вышел из барака, он стащил с моей кровати простыню. Я его не поймал на месте преступления, но нет сомнений, что это дело его рук. Я потребовал, чтобы он возвратил мне украденное и пригрозил, но он только нагло усмехнулся: “Ты ж меня не поймал — ничего не докажешь”. Он прав — жаловаться некому, говори к стенке! Пришлось смириться и промолчать, но потом удалось отомстить ему. Он оставил свою обувь, и я отыгрался, стащив его ботинки. Остался он босиком. Эта история вызывает у меня сильное отвращение, никак не могу успокоиться. Мне страшно противно то, что я сделал. Опустился до его уровня... И беда в том, что не с кем даже душу отвести”.

Тем временем продолжались контакты с ташкентским адвокатом, однако реальных результатов они не дали. Он откладывал дело со дня на день, каждый раз обещая, что вот-вот все уладится. Так продолжалось более полугода. Нервы у Мульки и Яки были натянуты до предела, возникли подозрения относительно их посредника. Позднее они потребовали, чтобы он познакомил их с руководителем группы контрабандистов. Им оказался пройдоха-татарин, который тоже неоднократно давал обещания, пока они не убедились, что этому татарину вообще доверять нельзя. Потом стало известно, что агенты властей устраивают засады и ловят небольшие группы евреев, пытающихся бежать за границу. Многих арестовали. Очевидно, Яку и Мульку ждала такая же участь, и они спаслись от несчастья лишь в последний момент.

В этот период (конец 1941 — середина 1942 г.) оба друга в Ташкенте установили по почте связь с участниками движения в разных местах. В Ташкенте нашлись еще несколько участников движения. Яка и Мулька рассказали им о возможности выбраться из Советского Союза. План этот был намеками передан

в письмах и другим товарищам. В первую очередь, призыв приехать в Ташкент был обращен к пяти девушкам, которые жили в Кунгуре, на Урале. Переезд их был связан с большими трудностями. Прежде всего, они должны были раздобыть освобождение с места работы в Кунгуре, затем нужно было достать им документы, удостоверяющие, что все они студентки ташкентского вуза. Этими делами в течение нескольких месяцев занимались Яка и Мулька. В конце 1942 — начале 1943 года девушки, которые уже были официально приняты в текстильный институт, прибыли в Ташкент.

Одновременно с попытками Яки и Мульки в Ташкенте организовать переход через границу члены движения в других местах тоже пытались пробить себе дорогу.

В Катта-Курган, поблизости от Самарканда, была эвакуирована небольшая группа участников движения, поддерживавшая связь с ташкентскими товарищами. К ним тоже поступила весть от Мульки о возможности перебраться в Афганистан с помощью "московского дяди", и они ждали сигнала. Рассказывает Екутиэль Шур (в настоящее время член квуды Кинерет):

"Однажды Мулька приехал ко мне в Катта-Курган. Из соображений безопасности я не пригласил его к себе. Мы встретились на улице. Он сообщил мне, что дело вот-вот осуществится, и следует заняться подготовкой. Несмотря на общую нехватку продуктов, мы стали собирать хлеб и сушить сухари. Было решено, что придется отдать контрабандистам часы, поскольку денег у нас не было. Спустя месяц или два пришло известие от Мульки, что план окончательно провалился.

Тем временем у меня начал созревать свой план. В Катта-Кургане я работал на санэпидстанции, где занимался опрыскиванием полей и водных источников для предотвращения эпидемических заболеваний. Вместе со мной работал украинец, женатый на еврейке. Мы с ним подружились. Спустя некоторое время украинца послали работать в город Термез на самой гра-

нице с Афганистаном. Тогда я написал ему, что охотно поработал бы с ним вместе. И действительно, после короткой переписки меня пригласили в Термез занять место бригадира группы, занимавшейся опрыскиванием полей и борьбой с грызунами, нахлынувшими из Индии и Афганистана и угрожавшими эпидемиями южным районам Советского Союза. Мой друг украинец послал мне официальное уведомление о принятии на работу на тех условиях, которых я требовал. Мне была предоставлена возможность в дальнейшем устраивать на эту работу членов моей семьи. Кроме того, мне выделили верховую лошадь, чтобы я мог объезжать поля по делам службы. Моей целью было объехать верхом дальние поля и познакомиться с пограничниками. План, очевидно, был неплох, но до осуществления его дело не дошло. Когда я подал заявление в милицию Катта-Кургана с просьбой выдать мне разрешение на выезд в Термез, они выяснили, что я из Латвии. "Есть указание не разрешать людям с Запада проживать в пограничных районах", — недвусмысленно заявил мне работник милиции. Все мои уверения, что я давно стал верным и честным советским гражданином, не помогли.

План пришлось отменить, но надежда найти подходящий случай не погасла. Мы постоянно беседовали об этом. Иногда до нас доходили сведения об отдельных людях или группах, пытавшихся перейти границу, которых либо ловили, либо убивали. Стало известно, что многие жители по ту сторону границы, завербованные советскими властями, ловят и возвращают в Советский Союз перебежчиков, получая плату "с головы". Так мы пробыли в Средней Азии до конца второй мировой войны".

Копель Скоп тоже неоднократно пробовал разные варианты бегства за границу. Вот что он рассказывает:

"В праздник я приехал в Ташкент и отправился в синагогу бухарских евреев. Я начал расспрашивать повсюду и узнал, что среди прихожан есть еврей — председатель колхоза у самой афганской границы.

Я попробовал выяснить у него ситуацию, хотя и был предупрежден, что он может выдать. Чтобы поехать в этот колхоз, требовалось особое разрешение.

Однажды я увидел группу людей, задержанных при попытке перейти границу. В большинстве это были польские евреи. Я сделал из этого надлежащие выводы, однако не переставал искать других возможностей. Вскоре я попал в Киргизию. Там я подружился с офицером евреем, родом из Бердичева. Я почувствовал, что ему можно доверять, рассказал о своем стремлении перебраться в Палестину и убедил его вместе попробовать перейти советско-китайскую границу, которая проходила "всего" в 160 км от нас. Однако выяснилось, что по ту сторону границы простирается пустыня Гоби, которую даже местные жители не в состоянии пересечь".

Примерно то же рассказывает и Лейбл Лемперт, воспитанник рижского отделения движения, ныне проживающий в мошаве Алоней-Аба, который просто-напросто сам направился к границе.

"После боев под Старой Руссой нашу часть направили в Гороховецкие лагеря, где ее расформировали. Мне было известно, что мои товарищи находятся где-то на юге Средней Азии, но я не знал, где именно. От Средней Азии меня отделяло 3000 км, но по русским масштабам это не так много, и я решил отправиться туда, благо продуктов на дорогу у меня было достаточно. Я добрался до Ашхабада, расположенного вблизи границы. Переберешься через реку — и ты в Иране.

Там я узнал о евреях, пойманных при переходе границы. Некоторых убили. Поскольку я был в форме, мне удавалось подходить к самому берегу пограничной реки, и я видел иранских пограничников на том берегу. Видел я также и советские пограничные патрули с овчарками. Я выяснил положение и сказал сам себе: "никаких шансов тут нет, нужно возвращаться".

Из Ашхабада я поехал в Ташкент, разыскивать там своих товарищей. Нашел я их в общежитии института. После взволнованной встречи и короткого пре-

бывания в городе мне вновь пришлось возвратиться в военный лагерь“.

Мысль о побеге в Палестину не оставляла товарищей не только на крайнем юге, но и за полярным кругом. Один из участников движения, которого должны были вместе с его частью послать в Мурманск, писал Яке в Ташкент:

“У меня есть шанс попасть за полярный круг, в Мурманск. Ну что же, как говорят: все от Бога! Кстати, туда приходят иностранные суда, так что я уже вижу себя в трюме и поминай как звали... Конечно, все это разговоры, но кто знает...”

Мысли о побеге не оставляли друзей, но шансы на его скорое осуществление были близки к нулю. Постепенно ташкентская группа росла, и Ташкент превратился в своего рода центр движения. Поскольку товарищи в Ташкенте разыскивали адреса участников движения и вовлекали все большее число их в переписку, самый факт существования центра стал известен многим товарищам, в том числе и тем, которые пошли добровольцами в армию. Все, кому стал известен ташкентский адрес, начали переписываться с центром. Десятки и сотни писем со всех концов Советского Союза прибывали в адрес общежития института. Переписку вели не только Мулька и Яка, основатели центра, но позднее и девушки, прибывшие из Кунгура.

Около 40 сохранившихся у нас писем свидетельствуют о безграничной верности их авторов идеалам движения и об их личных устремлениях. Они являются также важными документами, объясняющими, как люди выстояли в то тяжелое время.

Если товарищи, жившие в Ташкенте, стремились с помощью переписки объединить участников движения вокруг центра, то для дальних корреспондентов эта переписка явилась моральной поддержкой. Кое-кто попытался сняться с места и перебраться в Ташкент, но, как правило, это не удавалось по причинам, от них не зависящим. Каждый из них знал, что, добравшись до Ташкента, он получит духовную и материальную

поддержку, а это было особенно важно в атмосфере всеобщей нужды и отчужденности.

Однако большинство участников движения, разбросанных по разным городам России, ничего не знало о существовании коммуны в Ташкенте. Необходимо отметить, что перепиской были охвачены лишь несколько десятков более старших и активных участников движения, а со многими связь установилась лишь по окончании войны.

Как же сколачивалась группа? Вот, например, случай Рафаэля Лифшица (живет в кибуце Кфар-Блюм). В феврале 1944 года Рафаэль был ранен на Белорусском фронте. Все раненые, в том числе и Рафаэль, были отправлены с этого фронта в московский госпиталь. Оттуда их должны были отправить на лечение в тыл, в Самарканд, но Рафаэль настаивал, чтобы его отправили к "семье" в Ташкент. После долгих препирательств он добился своего. Тотчас по прибытии в ташкентский госпиталь Рафаэля навестили товарищи по движению и позаботились, чтобы за Рафаэлем установили отличный уход. Товарищи заботились не только о выздоровлении Рафаэля, но и приняли все меры для его демобилизации по инвалидности и помогли ему устроиться в Ташкенте. Сделать это было непросто, однако цель была достигнута.

Еще до этого в Ташкент прибыл демобилизованный по инвалидности Гамлиэль. С того времени, когда он и Мулька расстались на поле боя в Эстонии, товарищи долгое время не могли отыскать следов Гамлиэля и полагали, что он погиб. Он также долгое время ничего не знал о друзьях. Раздобыв их адрес, ему удалось приехать в Ташкент и поступить в один из институтов. Нужно отметить, что товарищи организовали для родителей и родственников членов коммуны переезд и прописку в Ташкенте.

По сохранившимся письмам можно судить о характере связей и надеждах, которые товарищи возлагали на эту переписку. Вот отрывки из писем:

"Ирбид, 23.10.1941.

Сегодня приходится просто-напросто бороться за

существование. Это настоящая борьба за жизнь, за кусок хлеба, за пару ботинок. Каждый кусок хлеба, каждый прожитый день — это победа, которая с каждым днем дается все труднее. Сегодня борьба идет не за освоение новой главы диалектического материализма, не за билет на хороший спектакль, а за место в очереди за хлебом, где каждый старается выпихнуть другого. Приходилось видеть и драки в очередях. Такова сегодняшняя реальность. Плохо то, что у нас нет опыта жизни в таких условиях. Вот что выпало на нашу долю. В этой жизни победит сильнейший, совсем по Дарвину, и не дай тебе Бог оказаться слабым“.

(Из письма Яки Айзику)

“27.09.1942.

Хазак, хазак, хевре! Вчера я, наконец-то, получил ваше письмо. Ждал его, как правоверный еврей Мессию. Очень вам благодарен за сердечное письмо. Излишне описывать, что оно для меня значило. После отъезда Розита, тяжело отразившегося на моем состоянии, ваше письмо словно влило в меня новую кровь, желание жить и бороться за жизнь. Когда я читал написанные вами строки, мне стало казаться, будто я вдруг очутился на “авода гистадрутит“, что близко от меня отделение нашего движения или просто группа товарищей, с которыми я неразрывно связан. Какое ощущение теплоты охватило меня... Ведь я уже не один! Где-то там есть друзья, близкие по духу. Мулька! Тон твоего письма вернул меня в славную атмосферу тех дней. Вдруг показалось, что все вернулось“.

(Из писем Айзика друзьям в Ташкент)

В некоторых случаях, когда оказывалось, что один из товарищей попал в особо тяжелое положение, кто-нибудь из коммуны специально ехал к нему, чтобы помочь. Так, например, случилось с Эстер Гиблинской (ныне Голан, живет в Бат-Яме). Эстер вместе с родителями и сестрой попала в Самарканд, где устроилась на работу в столовой. Работники НКВД стали оказывать на нее давление, чтобы принудить к сотрудничеству.

ству и заставить ее регулярно сообщать о разговорах посетителей столовой, среди которых было много офицеров. Эстер категорически отказалась, даже когда ей пригрозили увольнением с работы, что означало голодную смерть для всей семьи. Давление со стороны сотрудников НКВД не прекращалось, и это довело ее до душевного и физического изнеможения. По намекам в ее письме в коммуне поняли, что с Эстер что-то неладно, и Мулька поспешил в Самарканд, чтобы на месте выяснить, в чем дело, и помочь ей. Поскольку ситуация не изменилась, Эстер пришлось бежать из Самарканда, и она в отчаянии пришла к своим подругам в институтское общежитие в Ташкенте. Там она скрывалась несколько дней, а потом ее поместили в институтскую больницу. После выздоровления Мулька отвез Эстер в колхоз неподалеку от Ташкента, где работники НКВД ее уже не беспокоили. Связь с ней сохранялась все время.

Само собой разумеется, что коммуна жила на кибуцных началах. Но как же им удавалось кормиться в условиях нехватки продовольствия? Студенческие пайки были весьма скудные. В первый год нельзя было достать ничего, кроме хлеба. Приходилось прилагать много усилий, чтобы раздобыть хоть какие-то продукты. Мулька был душой "хозяйственной деятельности" коммуны. Благодаря его находчивости члены коммуны смогли устроиться на "хорошие" работы: мытье посуды в столовой, охрана магазинов по ночам и т. п. Так, например, Мулька некоторое время работал в ночную смену в столовой, а Яка был ночным сторожем. Девушки из коммуны по ночам приходили в столовую, и Мулька выносил им то немного муки, то овощи, то миску супа. Этого хватало, чтобы как-нибудь перебиться, а иногда удавалось продать "излишки" продуктов, чтобы купить одежду или другие предметы первой необходимости. Слова о голоде прорываются в большинстве писем этого периода.

"Поверь мне, что я заметно переменился. Я уже не считаю зазорным преступить заповедь "Не укради!", если речь идет о куске хлеба или нескольких картофе-

линах. Я не считаю это слабостью, это способ выжить, что теперь важнее для меня, чем когда-либо раньше. Если мы не собираемся сжечь наше прошлое, надо понять, что это необходимо для нашего будущего“.

(Из писем Яки).

Для полноты картины тех связей, которые поддерживали члены коммуны, необходимо упомянуть тесный контакт со старым заслуженным сионистом, уважаемым человеком в еврейской общине Риги. Речь идет о Залмане Шалите, 70-летнем еврее, который тоже попал в Ташкент и постоянно общался там с молодежью. Из всей его большой семьи бежать удалось только ему. Все его близкие остались в Риге, и их постигла общая участь рижских евреев. Одиноким старик после долгих скитаний добрался до столицы Узбекистана. Этот общительный человек был глубоким знатоком еврейской и общей культуры. Молодые друзья взяли его под свою опеку, облегчив тем самым его одинокую старость. Но Залман Шалит благодаря своему жизненному опыту больше давал, нежели получал от них. Он помогал не только им. Шалит поддерживал обширную переписку с друзьями за границей и со своим сыном в Палестине, единственным, оставшимся в живых из всей большой семьи. Поселившись в Ташкенте, Шалит по собственной инициативе начал оказывать помощь евреям, отбывшим сроки в лагерях и особенно своим знакомым — узникам Сиона из Латвии, которые были арестованы после советской оккупации республики. Тесно связанный с руководителями коммуны в Ташкенте, он обучил их, как заниматься "товарообменом". Мулька и Яка, со своей стороны, охотно помогали ему в отправке продуктовых посылок заключенным в лагерь. Большие суммы денег, которые они получали от Шалита, тратились на покупку таких драгоценных в то время продуктов, как масло, рис, овощи и мыло, которые они потом отправляли посылками евреям-заключенным. Вначале власти, зная его связи с Западом, относились к Шалиту с уважением и некоторое время не чинили ему препятствий, хотя им и

были известны его "грехи" — он был зажиточным человеком и сионистским деятелем. Но позднее его стали вызывать в НКВД. Допрос следовал за допросом. Когда он узнал, что его вот-вот арестуют, члены коммуны помогли ему спрятаться и буквально в последний момент покинуть Ташкент. До этого момента ребята проводили в его компании многие часы, черпая у него мужество и моральную стойкость. Шалит уважал юношей за их преданность общему делу. Позднее, вернувшись в Ригу после войны, молодые друзья помогли Шалиту перебраться в Польшу и далее в Израиль. Залман Шалит умер в Хайфе в 1954 году.

Начиная с середины 1942 года, голод несколько смягчился, поскольку через Тегеран стали приходить посылки из Палестины. Посылки эти, адресованные тысячам евреев, многих буквально спасли от голодной смерти. Одними из первых получили продуктовые посылки товарищи в Ташкенте, адреса которых были известны в Палестине и переданы тем, кто действовал в Иране для оказания помощи советским евреям. Посылки явились и большой моральной поддержкой. "Получая эти посылки, мы чувствовали руку далеких друзей, мы знали, что есть кто-то в Эрец, знающий о нашем существовании и заботящийся о нас". Так говорится в одном из свидетельских показаний.

Ташкентская коммуна, насчитывавшая в дни своего расцвета 15—18 человек, объединенных общим прошлым, не могла не привлечь внимания органов госбезопасности. Обширная переписка, включая переписку с Палестиной, естественно, вызвала подозрение. Правда, в первые годы войны за сионистами не было установлено особого надзора, но это отнюдь не значило, что энкаведисты не стремились получить информацию об этой группе. По своему обыкновению они стремились завербовать кого-либо из группы в осведомители. Двое из тех, кого пыталась завербовать советская контрразведка, немедленно поставили об этом в известность руководство коммуны, а оно уже решало, какие сведения можно сообщать НКВД. Остальные члены коммуны тоже знали об этом и воздерживались в при-

сутствии “доносчиков” от ведения бесед на “опасные” темы. Кроме того, один из соседей намекнул, что в его присутствии лучше “лишнего” не говорить.

Соображения безопасности побудили членов группы соблюдать осторожность, общаясь с местной еврейской молодежью, поскольку разговоры о мировоззрении и о планах на будущее могли быть квалифицированы как сионистская пропаганда. Но члены движения, эвакуированные в другие города Советского Союза и не входившие в ташкентскую организацию, могли вести себя иначе.

Вот что рассказывает Копель Скоп:

“Я могу засвидетельствовать, что, находясь в России, мы фактически не прекратили нашей сионистской деятельности. Я использовал любую встречу с советскими евреями, чтобы хоть немного рассказать им о еврействе, о Палестине и о сионизме. Несмотря на риск, я стремился привлечь евреев к сионизму. Не знаю, проходил ли хотя бы один день без такого рода беседы”.

О таком виде сионистской деятельности, как преподавание иврита, рассказывает Шмуэль Львов:

“Я познакомился с несколькими интеллигентными советскими евреями. Они знали о моем прошлом и моих взглядах. Один уважаемый еврей из Киева неожиданно попросил меня обучать трех его сыновей ивritу. Я согласился. Позднее ко мне обратились по тому же поводу еще несколько семей. Во время занятий я рассказывал детям и их родителям о Палестине и о сионизме. Слух об этом дошел до сотрудников НКВД, и дело чуть было не приняло для меня плохой оборот”.

Достойны похвалы те члены коммуны, которые знали иврит и разговаривали на нем даже в присутствии соседей по общежитию, преимущественно евреев.

В заключение следует отметить, что деятельность коммуны — это результат воспитания, полученного в движении, и воля преодолевать испытания, выпавшие на долю еврейской молодежи из Латвии, наглядное доказательство значения такого воспитания. Общее

прошлое и общие устремления превратили коммуну в активный центр. Верная дружба и взаимопомощь помогли им выстоять.

“Мы бы не могли бороться за жизнь, если бы перед нами не стояла ясная цель и не было бы твердой надежды достичь Родины“, — заканчивает Копель Скоп свой рассказ о тех днях.

Это высказывание справедливо не только по отношению к ташкентской группе. Такие же испытания стойко выдержали и одиночки, поддерживавшие связь с коммуной только по почте. Мулька и Яка считали себя руководителями движения. Так же относились к ним и остальные. Незаурядные личные качества выдвинули Мульку на первое место в ташкентской коммуне. Он стал мозгом и сердцем группы.

Таковыми были для коммуны годы 1943—1944. Затем до них дошли трагические вести об уничтожении евреев в латвийских гетто, о гибели друзей на фронтах. С другой стороны, все больше было признаков, вселявших надежду. Условия жизни улучшились, исчез страх голодной смерти, продолжалась переписка с Палестиной. Все члены коммуны учились в институтах, хотя большинство и не уделяло занятиям чрезмерного внимания.

Перемены, происшедшие на фронтах, сделали очевидной окончательную победу советской армии. Недалек уже был конец войны, и стремление уехать в Израиль, не ослабевавшее все эти годы, стало казаться более реальным. В конце 1944 года впервые мелькнула возможность массового выезда в Польшу, промежуточную станцию на пути в Палестину. В конце 1944 года распространились слухи о репатриации бывших польских граждан в рамках соглашения об обмене гражданским населением. К середине 1945 года дошли сведения о правилах репатриации, которые потом были опубликованы советскими властями. Евреи польского происхождения стали собираться в дорогу. В подавляющем большинстве они не хотели оставаться в Советском Союзе, а многие не испытывали желания оставаться и в Польше. Тогда-то и возникла идея восполь-

зоваться репатриацией в Польшу с тем, чтобы покинуть Советский Союз почти законно. В первую очередь речь шла о девушках, которые могли формально вступить в брак с евреями, уезжавшими в Польшу. Началась совершенно особая деятельность: поиски “женихов”. Подходящие кандидатуры нашли быстро, но они не хотели вступать в фиктивный брак, разумно опасаясь, что в Польше они уже не найдут себе подходящих еврейских жен. Они хотели жениться законным образом, невесты вполне их удовлетворяли, однако девушки соглашались лишь на фиктивный брак, видя в нем только способ перейти советскую границу. Некоторые кандидаты отказались, опасаясь, что женитьба может затруднить им репатриацию. Таким образом, поиски “женихов” были продолжительными и даже потребовали солидных денежных средств.

В конце концов все девушки нашли себе “мужей”. Позднее выяснилось, что и женщина, польская гражданка, может репатрироваться вместе со своим мужем, однако этим путем смогли воспользоваться лишь немногие. “Брачные договоры” заключались уже в середине 1945 года, но сама репатриация откладывалась советскими властями до весны 1946 года. Всего этим путем удалось выехать лишь небольшой группе участников движения.

После отъезда девушек в середине 1946 года ташкентская группа распалась. Руководители группы и остальные парни покинули Ташкент раньше.

После вторжения немецкой армии в Советский Союз в июне 1941 г. группе молодых евреев, успевших бежать на восток, удалось пойти добровольцами в армию и сражаться с нацистами. Однако в то время советские власти отказывались брать в армию выходцев из недавно присоединенных прибалтийских республик. Латышская народная армия, составившая отдельный корпус советской армии, в июне 1941 года была расформирована, так как советские власти не доверяли латышам. В результате парни призывного возраста, в том числе и служившие в армии до 1940 года, рассеялись

вместе с беженцами по всему Советскому Союзу, кое-как устроившись на новых местах. Люди технических специальностей работали на заводах в глубоком тылу, в основном в Средней Азии. Они были прикреплены к рабочим местам и не могли оставить работу до конца войны.

В конце 1941 года отношение властей к призыву в армию выходцев из Прибалтики изменилось. Их не только решили призвать в армию, но даже сформировали особые Латышскую и Литовскую дивизии. В Латышскую дивизию, в первую очередь, призывали евреев. Когда открылась возможность служить в Латышской дивизии, многие члены движения пошли на фронт, но в то же время у некоторых существенно изменилось отношение к службе в армии.

Трудно проанализировать это явление и выявить его мотивы. Вне всякого сомнения, все в тот решающий для судеб мира час превосходно понимали, что представлял собой жестокий враг и какова была его конечная цель. Однако принципиальная солидарность с армией Советского Союза, защищавшей свою землю от нацистов, не смогла заглушить все растущее неприятие советского строя. Ступив на советскую землю, товарищи воочию увидели пропасть между слышанной еще в Латвии советской пропагандой и советской действительностью. Это не оставило в их душе ни малейших иллюзий относительно советского строя и еще больше укрепило их нежелание связать свое будущее с этой страной.

Все товарищи ни на минуту не переставали видеть в себе воспитанников халуцианского движения, волей судьбы временно заброшенных в Советский Союз. Они считали себя чужими в этой стране. Поэтому они не могли быть всецело солидарны с обязательствами, навязанными им как гражданам этой страны. Стремление рано или поздно уехать в Палестину не оставляло их. Это находило свое выражение в намеках, содержащихся в письмах, которыми они обменивались во время войны. Но письма эти одновременно свидетельствуют и о положительном отношении к службе в армии СССР.

В августе 1941 года, спустя всего 2 месяца после бегства в Советский Союз, некоторые хотели вступить в армию, но боялись, что это помешает их основным планам.

“Я подумывал было обратиться в военкомат и пойти добровольцем на фронт, но мысль о родителях помешала этому. Брат мой находился тогда на Ленинградском фронте, и я не хотел в тот период оторваться от родителей. Но есть и еще причина, хотя все пока окутано туманом, и причина эта в том, что мне, может быть, еще доведется встретиться с Гитой (имеется в виду выехать в Палестину). Кто знает, какие только чудеса не свершаются“, — так писал Яка Айзику.

Отсрочить призыв в армию, пока есть хоть малейшая возможность выехать из СССР и добраться до Палестины, — это соображение определило поведение многих. Вот что пишет Шмуэль Розенберг (Розит) Яке в Ташкент:

“Кугай, Ферганская долина, 22.02.1942.

Кто лучше меня может понять тяжелое положение, в котором ты находишься. Мне не лучше, чем тебе. Я тоже жду Мульку, как Мессию, ибо положение наше тут незавидное. “Вехавед гараав минесо“ (“И голод тяжкий“). Здоровье к тому же не блестящее. И вместе с тем — верим. И для меня слова эти являются каким-то утешением. Не отчаивайся — и это пройдет. Так будем же оптимистами и не будем предаваться отчаянию, хотя положение наше весьма незавидное. Нас все еще ожидает тяжелый путь. Пусть сгинут враги наши, а мы будем жить. Даже если афганский план прозалился, и тебе придется вернуться в Россию, это не значит, что мечта твоей жизни напрасна. Айзик и я решили ждать Мульку до марта. Если до тех пор не придут известия от него, мы пойдем в армию, очевидно, в Латышскую дивизию.

Твой Розит“.

Спустя два с половиной года тот же товарищ, находясь на Великолукском фронте, писал:

“Хазак, дорогие друзья!

Я хочу, чтобы вы знали, с какими мыслями и с

каким настроением я сражаюсь с врагом. Я иду в бой ради нашей правды, за которую мы вместе боролись. Во имя жизни иду я против смерти, против порабощения и рабства, иду, чтобы, разбив врага, вернуться в нашу страну, в наш любимый кибуц, чтобы жить так, как мы стремились и как некоторые из нас (Нюмка, Ходжик) уже живут. Друзья, не говорите, что мои слова лишены значения, что это болтовня. Нет, поверьте, — это истинная, настоящая правда, во имя которой я живу. Ради этой цели я преследую и бью фрицев. Так я определил для себя сущность нашей войны, определил для того, чтобы ни на минуту не предаваться сомнению и чтобы не забыть отца, мать и Яшку, о судьбе которых я ничего не знаю. Не забудем же и Эрец — дорогое нашему сердцу место, от которого мы оторваны, надеюсь, только временно, проклятым врагом. Поймите мое состояние, друзья. Привет всем, всем, всем.

Вечно преданный вам,
казак везмац, Розит“.

Письма с фронта друзьям в Ташкент не только выражали затаенную надежду ребят на выезд в Палестину, но и служили средством организационной связи между участниками движения. Другим средством связи являлись личные встречи, случайные или организованные. Как правило, организация таких встреч требовала многих усилий.

Некоторые встречи, происходившие в необычных условиях, иногда перед боем, стали, по свидетельству участников, незабываемыми событиями в их жизни. Такой была, например, встреча двух солдат — участников движения, один из которых вскоре погиб в бою.

“10.3.1943.

Шалом, дорогие друзья!

Это письмо я пишу, одевшись в новое обмундирование — жду отправки на фронт. Скорей всего отправимся сегодня же ночью. Хотелось бы в этом письме попрощаться с вами и поговорить по душам. Прежде всего знайте и помните, что я верю: мы встретимся с вами, а также с Нюмкой, и Гитой, и Эрец. Во-вторых, я

не забыл вашего последнего письма. Вот оно лежит передо мной. Еще раз хотел бы я сказать вам: друзья, ради памяти о прошлом, не падайте духом! Много хороших минут провели мы вместе. Не раз вы спасали меня в критические моменты. Привет вам! Яшка". (Гольман, ныне Яков Голан, живет в Нетании).

Из письма Шмуэля Гордона (теперь живет в Хадере) Яке:

"...Я полагаю, что и в дальнейшем нам не следует рвать связь. Между нами, я еще надеюсь встретиться с Ривкой Д. (имеется в виду товарищ в Палестине), ибо только там жизнь моя приобретает смысл и значение... Муле пишу короткое письмецо, так как мне трудно писать о смерти Ицхака (Ицхак Гордон, брат Шмуэля). Прошу тебя, напиши ты ему об этом... Последнее время мне приходится быть, как говорят, на волосок от смерти. Я сам виноват, так как не очень осторожен. Напиши, есть ли у вас связь с Эрец..."

А вот выдержка еще из одного письма Якова Голана:

"23.2.1945.

...Я уже писал тебе, что моя часть больше не стоит в Пруссии. Последние дни были такими жаркими, что верующий еврей должен был бы уже подумать о "том свете". Только я, безбожник, не думал о нем, хоть мне и обещано, что я попаду прямо в рай. Бои были кровавыми. Много гадов полегло. Но пришлось напрячь все "моральные качества", как говорится в боевом уставе пехоты. О себе могу сказать, что я порядком перетрусил. Коленки дрожали от страха. Но пушку оставил последним, когда уже нельзя было вести огонь. Это, конечно, далеко не геройство, но я бы постыдился отступить не последним. Ваш Яшка".

Подводя итог, можно сказать, что вопрос о вступлении в армию каждый решал по-своему. Одни были мобилизованы, другие были прикреплены к месту работы или продолжали учиться в вузах. Большинство участников движения, включая девушек, служили в советской армии и участвовали в боях на разных фронтах. Были и такие, которые считали службу в армии

и участие в войне против нацистов делом первостепенной важности. Подобные настроения ярко выражены в письмах Давида Гальперина из Даугавпилского отделения движения. Этим же духом проникнуты свидетельские показания Эстер Маньковой (теперь Эстер Файн, живет в кибуце Эй-Гев):

“Когда началась война, я была уверена, что война Советского Союза против фашистов — это моя война. Я добровольно пошла в армию. Мне было ясно, что этого требует от меня движение. Служила я на полковом эвакуационном пункте медсестрой все годы войны. Благодаря моральной закалке, полученной в движении, я смогла в течение долгих лет в тяжелейших условиях держаться физически и душевно наравне со здоровыми русскими и латышскими женщинами. Я старалась всегда сохранять хладнокровие и в любых обстоятельствах быть полезной. Причастность к движению дала мне силы преодолеть все тяготы фронтовой жизни“.

Имеющийся у нас список участников движения, служивших в советской армии, насчитывает свыше 70 имен. Конечно, далеко не все имена дошли до нас. Около половины из воевавших товарищей пали в боях. Некоторые из них накануне войны должны были уже выехать в Палестину, но задержались в связи с работой в движении и, оказавшись на оккупированной территории, были захвачены немцами.

Подавляющее большинство из тех, кто вернулся с войны, уехали в Израиль — кто в конце 40-х годов, кто после Шестидневной войны. Почти все воевавшие были ранены, некоторые остались инвалидами на всю жизнь.

ДНИ ОЖИДАНИЯ

Рига была освобождена 13 октября 1944 года. Военные действия еще продолжались на территории Латвии, и потому беженцам не разрешалось вернуться из эвакуации. Возвращение началось спустя год. Однако Мульке Иоффе удалось добраться до Риги через два месяца после ее освобождения.

Самые различные планы гнездились в его голове, и весь он был в напряжении, как сжатая пружина.

После отмены плана побега через советско-афганскую границу он не смог успокоиться, однако в Ташкенте нельзя было уже и пытаться что-нибудь делать в этом направлении.

Но не такой был Муля, чтобы просто сидеть и ждать у моря погоды.

В конце 1943 года Муля перебрался из Ташкента в Москву. Еще до этого он однажды заезжал в Москву, сопровождая колонну военных машин, и познакомился там с обстановкой. Повод для переезда в Москву у него был: там жили две его тетки. Но настоящая причина заключалась в полной невозможности побега из Ташкента, а также в его внутренней потребности видеть и узнавать как можно больше, добывать информацию, которая может оказаться ценной для будущих планов. Таким образом, 1943/4 учебный год Муля провел в Москве в качестве студента Гидротехнического института.

Как уже упоминалось, в конце 1944 года, когда Мулька уже был в Москве, появилась возможность уехать из Советского Союза посредством репатриации в Польшу. Мулька знал об этой возможности, но его планы были другие: поскорее вернуться в Латвию. Там, где члены движения "у себя дома", легче будет воспользоваться возможностями выезда в неразберихе, которая неизбежно создастся, пока не укрепится власть. От Москвы до Риги, как известно, ближе, чем от Ташкента.

Способ, которым Мулька добился командировки в Ригу сразу же после ее освобождения, свидетельствует о его исключительной находчивости. Вот что рассказывает Яка:

“Мулька явился в московский НКВД и рассказал там, что до войны работал в рижском порту (так это и было). Поскольку он якобы занимал высокий пост, ему известно, где спрятаны документы и чертежи портовых сооружений. Соответствующие органы поверили, что присутствие этого человека в Риге крайне необходимо, и Мульке была выписана спецкомандировка в Ригу — редкий в те дни документ”.

Вскоре после освобождения в Ригу стали по одному прибывать участники движения, которые служили в Латвийской дивизии, освобождавшей город.

Рассказывает Исраэль Фридман из кибуца Кфар-Блюм:

“Будучи солдатом Латвийской дивизии, я вступил в Ригу в день ее освобождения. Я сразу взял отпуск на несколько дней, чтобы поискать тех евреев, что остались в живых, и тех, кто вернулись в город из окружающих деревень. Тогда я услышал рассказ о трагической гибели наших товарищей. Узнал я и о судьбе Сони Лев, которая вместе с сотнями других евреев сгорела заживо в синагоге на улице Стабу. Из моей семьи я никого не нашел. На улице Гертрудес открылось справочное бюро для регистрации евреев, оставшихся в живых. Там я встретил нескольких товарищей (Зарегистрировано было 82 спасшихся еврея, половина из них не были раньше жителями Латвии).

После освобождения Риги Латвийская дивизия двинулась дальше на Запад. В бою под Салдусом я был ранен. Меня должны были отправить в госпиталь Крустпилс, но я попросил, чтобы меня оставили в Риге. Как-то мне удалось уговорить начальство отправить меня в Ригу. Едва я попал в рижский госпиталь, как сразу начал искать связи с товарищами в городе. Первым ко мне пришел Айзик Кац, затем Лейбл Лемперт. В один прекрасный день появился Мулька. Встреча была волнующая. Мы расцеловались. Поскольку я был прикован

к постели, говорить наедине нам не удалось. Перед уходом Мулька сказал мне, что “едет в Москву жениться”. Позже я узнал, что означала “женитьба в Москве”.

Рассказывает Арон Ландсберг:

“Я прибыл в Ригу в качестве демобилизованного солдата 16 мая 1945 года. При мне было целое богатство: 41 пачка папирос. Как известно, в движении нас приучали не курить. Все годы в советской армии я не курил. А так как каждый солдат получал табачный паек, я и собрал большой запас. Прибыв в Ригу, я тут же отправился на рынок, чтобы продать папиросы и купить пару ботинок. Там я встретил Ильку Зайдина. Мы не виделись 7 лет. Он был уверен в моей верности движению и поэтому сразу задал мне вопрос: “Хочешь поехать к своему брату?” Я сказал: “Да”. Тогда он позвал меня к себе. И я сразу напал на правильный адрес. События разворачивались быстро”.

Так, начиная с конца 1944 года, поодиночке стали возвращаться в Ригу участники движения.

Потрясенные, ходили они по развалинам еврейского квартала, собирая сведения о судьбе погибших родственников. Каждый кое-как устроился с жильем и работой, однако будущее рисовалось туманно. Мулька сумел получить большую квартиру взамен той, которая была у его семьи до войны. В то же время он занялся устройством прописки для других товарищей, в том числе и для Яки с семьей, возвращавшихся из эвакуации. Просторная квартира Мульки, поселившегося вместе со своей сестрой Рут и ее мужем, превратилась в “клуб”, в место встреч быстро разраставшейся группы участников движения. Первую половину 1945 года Мулька был занят учебой в институте, работой в порту и поисками возможностей бежать из Советского Союза. Прежде чем сколько-нибудь заметно выросло число вернувшихся в Ригу участников движения и прежде чем нашлись пути для организованного выезда, Мульке представилась возможность выбраться в Польшу.

Возможность эта появилась благодаря связям и инициативе Мулькиной одноклассницы, воспитанницы Бейтара, Раи Розенкович (ныне Левенберг, живет в Рамат-

Гане). Она-то и рассказала подробности о трудной и опасной поездке Мульки с нею в Милан. Вот отрывок из ее показаний:

“В Риге я случайно познакомилась с одним поляком, попавшим туда во время войны. Как польский гражданин он имел право вернуться на родину. Однажды я узнала от него, что он сколотил небольшую группу поляков, старых жителей Латвии и советских граждан, желавших уехать из СССР “легальным путем”, как польские репатрианты. За “приличное вознаграждение” поляк готов был включить в группу меня и еще одного-двух моих друзей. До отъезда оставалось 48 часов. Когда я сказала об этом Мульке, он без колебания согласился. За одни сутки ему нужно было собрать крупную сумму денег. В этом ему помог его друг из Ташкента старик Шалит, продавший ради этого кое-какие свои драгоценности.

Мы оба отправились в Елгаву, откуда через несколько дней началось наше полное злоключений путешествие. Оказалось, что мы связались с сомнительной компанией. Документов, обещанных взамен денег, мы не получили. Несколько дней просидели в полуразрушенном доме на границе Латвии с Польшей. Там мы прошли “ускоренный курс польского языка” и по совету одного дельца придумали себе отговорки, объясняющие наше незнание польского, несмотря на то, что мы — “коренные польские граждане”. Здесь наше “путешествие” прервалось. Вся группа была задержана советским пограничным патрулем. После нескольких дней тюрьмы и допросов поляков освободили и по какому-то удивительному везению чудом освободили и нас. Со всякими приключениями мы все же добрались до Варшавы.

В разрушенной Варшаве Мулька отправился на поиски евреев, я же спряталась в доме за городом. Через несколько часов вернулся сияющий Мулька: “Есть евреи, есть община, есть друзья, есть организация Бриха (Побег)! Это было первое наше важное открытие. Оставаться в Варшаве было очень опасно. Организаторы из Бриха присоединили нас к колонне

греческих репатриантов (разумеется, евреев), уезжавших к себе на родину. Так мы добрались до Чехословакии. В Братиславе мы оторвались от колонны и стали искать свой путь — в Австрию. Через границу мы переехали нелегально на крыше вагона. Поезд проходил через несколько туннелей. Страшно грязные и покрытые сажей, мы добрались до Австрии и по ошибке попали в советскую оккупационную зону. Опять советская контрразведка чуть не схватила нас. Под видом австрийцев, возвращающихся из немецких трудовых лагерей, мы после многих приключений добрались до города Линца, где сумели раздобыть документы австрийских граждан. Там мы впервые услышали, что в Австрии находятся палестинские солдаты. Мы стали на перекрестке и принялись громко кричать вслед каждой проезжавшей мимо военной машине. И однажды, когда мы крикнули “Ацор!” (“Стой!”, иврит), машина остановилась. Слезы полились у меня. Мы встретились с еврейскими солдатами из Палестины. Они помогли нам перебраться через границу в Италию. На итальянской границе меня задержали, а Мулька благополучно добрался до Милана“.

В начале сентября 1945 года, через два месяца после отъезда из Риги, Мулька прибыл в Милан. Из Австрии в Италию он ехал в форме солдата Еврейской бригады. Никто бы и не подумал, что молодой парень, свободно говорящий на иврите, не имел права носить эту форму, что он только что опасным и трудным путем выбрался из-за железного занавеса.

В Милане в то время действовал Мерказ ла-гола, бывший фактически отделением Хаганы в Еврейской бригаде. Его основной задачей была забота о евреях-беженцах. Здесь Мулька познакомился с деятелями из Палестины Дувдевани и Суркисом, а также встретил Арона Шаца, члена квуцы Кинерет, где были рижане, участники движения. Активисты Мерказ ла-гола рассказывают, что Мулька глубоко поразил их: они восхищались юношей, который в сложившихся обстоятельствах взял на себя такую миссию. Он был первым участником движения, который подробно рассказал о

судьбе латвийского еврейства и об уцелевших участниках халуцианских движений. Описание положения он закончил требованием: во что бы то ни стало нужно организовать выезд тех, кто остался в живых.

Сотрудники Мерказ ла-гола поддерживали связи с израильтянами, посланными в Восточную Европу для создания организации Бриха. Мулька убедил их в том, что нужно послать специального человека, а то и двух, которые бы организовали спасение сионистов из Латвии. Тут же стали подыскивать подходящих людей на эту работу. Что касается самого Мульки, то его собирались в первую очередь отправить в Эрец Исраэль к его товарищам и сестре. Был также план оставить его временно в Италии и соседних странах для организационной работы, связанной с нелегальной переброской евреев в Эрец Исраэль.

Но тут неожиданно для всех Мулька заявил, что именно он и никто иной обязан вернуться в СССР, чтобы создать там организацию по переправке через границу латвийских евреев. Работники центра категорически отказались. Нельзя было и думать о том, чтобы послать за железный занавес человека, который только что вырвался оттуда. Предложение Мульки вызвало у них удивление и даже возражение.

Рассказывает Залман Левинберг, бывший тогда бойцом Еврейской бригады, который встретился с Мулькой в Милане:

“Когда я встретился с Мулькой, у меня уже был богатый опыт встреч с евреями, спасшимися от гибели в годы Катастрофы. Почти все они были сломлены физически и душевно. Мы, палестинские евреи, видели в них пассивный элемент, нуждавшийся в нашей помощи, ибо сами себе помочь они были не в состоянии. Нам было ясно, что наш священный долг — все сделать для них. И тут я впервые столкнулся с парнем, прибывшим “оттуда”, который превосходил нас своей готовностью к самопожертвованию. Просто невероятно: этот парень, спасшийся из Советского Союза, зная обо всех опасностях, готов вернуться туда ради верности товарищам, оставшимся там. Своим поведением Мулька

как-то задел нашу израильскую гордость. Я всячески старался убедить его, что ему нельзя подвергаться такой опасности“.

В этом же направлении действовали Дувдевани, Суркис и другие, от которых зависело осуществление Мулькиного плана. Ему предложили, если он не хочет отправиться прямо в Палестину, остаться в Италии или Австрии для работы в лагерях беженцев. Но об алии с ним нельзя было и говорить. Его мучила совесть, что он единственный из всех вырвался на свободу, в то время как для других его товарищей шансы были ничтожны. Большинство вообще не знало, куда он исчез, или поверило его рассказу, что он уехал в Москву жениться.

Главным Мулькиным аргументом было то, что никто в Италии не разбирался в положении вещей в СССР так, как он. В этом он, несомненно, был прав. После долгих уговоров Мулька пошел на тактическое отступление, заявив так: если он убедится, что нашлись люди, подходящие для этой ответственной работы, то он остается. Однако всех кандидатов он забраковал. Мулька утверждал, что только он в состоянии решить, подходит ли человек для этой сложной миссии.

В конце концов работникам Мерказ ла-гола пришлось принять Мулькино решение. По сути, невозможно было его удержать. Итак, согласие было дано постфактум. Мулька снабдили документами, деньгами, явочными адресами в Польше.

Письма, которые Мулька посылал в эти дни друзьям в Палестину, говорят сами за себя. Вот отрывки из них:

“Милан, 28.9.45.

Привет, Элька!*

Надеюсь, тебе уже передали, что я в Милане. Еще в Праге я слышал, что ты в Италии, и поспешил сюда,

* Элиягу Проват (Порат), член кибуца Кфар-Гилады, руководитель Мульки в движении. Служил в Еврейской бригаде.

чтобы встретиться с тобой. Но, как видишь, — опоздал. Очень жаль. Именно тебя я бы очень хотел видеть. Ты не представляешь себе, как я обрадовался, когда через шесть лет снова встретился с нашими товарищами. Но с чисто практической точки зрения мне было важно увидаться именно с тобой.

Не буду долго рассказывать обо всем, что произошло со мной за эти шесть лет, да всего не напишешь. Главное, что два месяца назад я оставил родной город и вот уже неделю нахожусь в Италии. Подвернулся удачный момент, и мне удалось выбраться, но это было далеко не так просто... Есть еще десятки и сотни наших людей, готовых в любую минуту пойти на риск. Но полное незнание того, что делается в мире, исключительно тяжелые условия и отсутствие достаточных средств держат их. Когда я прибыл сюда и немного привел в порядок свои мысли и чувства, совершенно спутавшиеся от того, что увидел здесь — не забывай, что я все это время был полностью отрезан от внешнего мира, да и пережито было немало, — я решил не продолжать свой путь, а вернуться. Ты, наверное, еще немного помнишь меня и поймешь, что я не мог успокоиться на том, что сам спасся и оставил позади сотни беспомощных людей. Я понимаю, что мне грозит. Однако я решился на это. Я хотел бы найти здесь среди солдат подходящего человека, который смог бы заниматься этим делом вместе со мной. Но такого не нашлось, а время торопит. Дело немного затянулось, потому что не хотят меня отпускать, хотят, чтобы я работал тут. Но я думаю, что меня все-таки пошлют... Если бы ты был тут, мне было бы гораздо легче, так как я уверен, что ты бы меня понял и поддержал. Но не думай, что я обвиняю здешних людей. Они хорошо меня приняли, помогают мне и после некоторых споров согласятся поддержать мой план... Я не смогу успокоиться, пока не сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти тех, кто остался, даже если ради этого мне придется вернуться в берлогу дикого зверя, откуда неизвестно, удастся ли мне еще выбраться живым. Я был бы страшно рад еще раз повидаться с тобой,

но потратить неделю или больше на поездку к тебе я не могу“.

Следующий отрывок из письма Мульки к Арье Голани (Афиким) от 2.10.45:

“...Итак, ясно, ради чего я еду, хотя я и не уверен, что мне удастся... Я считаю настоящим преступлением, что до сих пор не думали об этой части еврейства... Я пытался найти способ спасти их без того, чтобы мне самому возвращаться в берлогу, но отчаялся и решил попытаться выполнить это сам“.

Из Лодзи 4.11.46. в письме в главный штаб движения Нецах Мулька писал:

“Я уверен, что вы уже слышали о положении в России, о страшном антисемитизме, о подъеме еврейского национального сознания там. А разве сейчас не подходящий момент, чтобы подумать о том, как вновь зажечь сионистскую искру в России?“

В начале ноября 1945 года, когда Мулька прибыл из Милана в Лодзь, организация по переправке евреев из Польши в Палестину еще только создавалась. Руководили ею люди Мосада (учреждения, занимавшегося нелегальной алией), покойный Исар Бен-Цви и ныне здравствующий Цви Нецер.

Руководители организации Бриха в Европе поручили польской группе планирование и оперативную работу по организации нелегальной алии из Советского Союза. Два человека были специально посланы из Польши в крупные города Средней Азии (Ташкент, Бухара), чтобы дать знать еврейским беженцам, что открылась возможность выезда и подтолкнуть их к отъезду в Польшу. С той же целью из Румынии были посланы люди в места эвакуации румынских евреев. Это был подходящий момент для того, чтобы относительно легко влиться в поток репатриантов, но никого не послали с этой целью в Латвию. Почему?

Вот как объясняет это Цви Нецер:

“Еще до того, как мы в октябре 1945 создали центр нелегальной алии в Польше, существовали пути для бегства из Литвы в Польшу. Литовские евреи переби-

рались в Польшу в потоке репатриантов. Члены молодежных халуцианских движений, среди которых были члены литовской организации Нецах, проявили собственную инициативу в деле переброски людей в Польшу. Когда возник центр в Лодзи, поток этот уже почти прекратился. Слухи о путях выезда из Литвы не дошли до членов халуцианских движений в Латвии по простой причине: организация действовала на базе личного знакомства. Ввиду опасности провала ребята из Литвы обращались только к тем друзьям и знакомым, которым полностью доверяли. Так как личных контактов между членами этих организаций из Литвы и Латвии почти не было, латвийские евреи остались в стороне.

Со временем мы бы, наверное, сами связались с латвийскими евреями, но по существу это была личная заслуга Мульки Иоффе, который поставил перед нами вопрос о связи с латвийскими халуцим очень остро. Мы вынуждены были признать, что о евреях Латвии мы не подумали, и восприняли его слова очень серьезно. Мулька не только потребовал от нас немедленно организовать бегство из Латвии, но и взял, как известно, на себя эту обязанность, связанную с огромным риском. Оспаривать его твердое решение мы не могли“.

В Лодзи, в отличие от Милана, никто не отговаривал Мульку от поездки в Советский Союз. Было ясно, что не найти более подходящего человека, чтобы создать и возглавить такую организацию в Вильне. Однако, поскольку долгое время заниматься таким делом было опасно, решили отправить Мульку на короткий срок — 3 месяца. Было ясно, что дольше оставаться ему там нельзя. Через три месяца можно будет передать дело кому-нибудь другому.

Около 6 недель провел Мулька в Лодзи. Задержка была связана с необходимостью подготовить для него “чистые” документы. Одновременно подробно обсуждались возможные пути переправки людей, средства связи. Мулька получил четкие указания по работе. Было договорено, что он имеет право включить в группу

активистов нескольких своих товарищей, воспитанников движения. Цви Нецер дал указание включить в группу несколько польских товарищей. Польские граждане, владевшие польским языком, могли оказаться очень полезными.

Кроме этого, на организацию в Вильне была возложена особая, необычная задача: послать человека на Дальний Север, в район Воркуты, чтобы нелегально вывезти из лагеря Нехемью Гросса, члена движения Гехолуц гацаир в Польше.

С этих пор подпольная деятельность членов латвийского движения вплелась в общую сеть нелегальной алии из Восточной Европы.

Одной из первых задач, поставленных Мулькой в ноябре 1945 года перед центром в Лодзи, была забота о группе девушек, застрявших в Ташкенте. Мулька еще не знал, что они в качестве “жен” польских граждан ожидают репатриации, которая все откладывалась и откладывалась. Один из посланных Цви Нецером в места эвакуации евреев в Средней Азии должен был связаться с девушками в Ташкенте и передать им подробности о путях нелегальной алии.

Рассказывает Поля Аронас-Нейштат (Бат-Ям):

“В конце декабря 1945 года к нам приехал человек от Цви Нецера. Мы были рады услышать от него о возможности выезда в Польшу, а оттуда дальше. Он велел нам тут же отправиться во Львов. Но мы уже были связаны с “мужьями” и ждали выезда со дня на день. Хотя отъезд каждый раз откладывался, мы не могли и не хотели отправляться в путь без наших “мужей”. С другой стороны, столь длительный фиктивный брак вызывал затруднения. Трудно было играть в мужа и жену в течение длительного времени. Все могло раскрыться. Поскольку репатриация все откладывалась, мой “муж” заявил вдруг, что он передумал и не хочет ехать в Польшу. Тогда мы, Лея Муниц и я, решили принять предложенный нам план и уехать во Львов. Добыли новые документы и уже уложили чемоданы. Накануне отъезда пришла телеграмма “Дядя болен”. Мы поняли, что во Львове что-то случилось, и отменили поездку”.

ПУТИ БЕГСТВА

К середине 1945 года число членов движения, вернувшихся в Ригу, достигло нескольких десятков (некоторые были в эвакуации вместе с родителями и с семьями). Это был тяжелый переходный период, когда готовые к бегству люди еще не имели плана действия.

Яка вернулся в Ригу в октябре и нашел ребят в подавленном настроении: "Члены движения растерялись, как стадо без пастуха". В то время на горизонте не было ни малейшего проблеска надежды на выезд. О Мульке не было известно ничего, кроме того, что он сумел покинуть Советский Союз. Естественно было полагать, что он уже в Палестине. Несмотря на стремление объединиться и помогать друг другу выбраться из Советского Союза, среди ребят существовало негласное соглашение: если кто-либо сможет спастись сам, пусть спасается. Однако трудно было поверить, что так поступит такой человек, как Мулька. Это было слишком уж на него не похоже. В то же время неизвестность относительно его местопребывания и положения тормозила всю деятельность. Тем более, что вообще в то время неясно было, как можно действовать в существующих условиях. Отсюда — растерянность и подавленное настроение.

Туман рассеялся, когда к Яке приехала из Ковно девушка и привезла ему записку. Это был долгожданный знак. В записке особым шифром, который Мулька и Яка выработали еще в Ташкенте (только они знали его), Мулька сообщал, что находится в Польше и собирается приехать в Вильну, чтобы организовать выезд товарищей и их семей через Польшу.

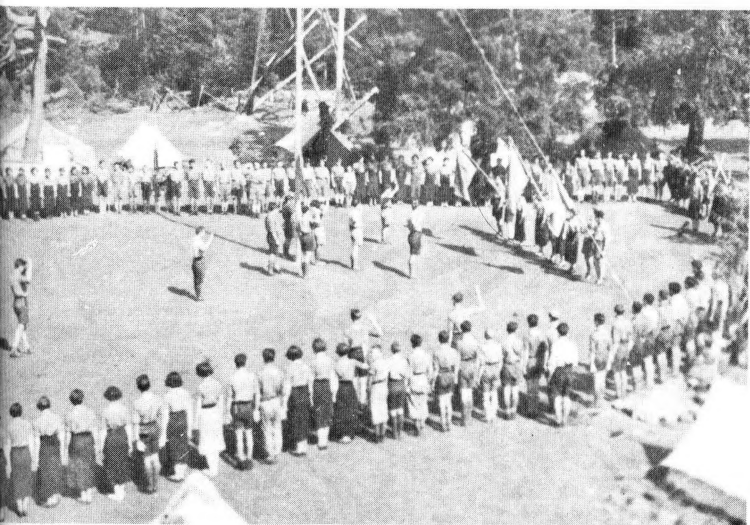
Значит, надо немедленно организовать и подготовить людей и ждать сообщения от Мульки из Вильны. Девушка, привезшая радостную весть — партизанка Малка Сениор (теперь в кибуце Кфар-Масарик) рассказала Яке, что в Ковно и в других местах действует сионистское подполье, пробивающееся в Польшу.

Демонстрация в одном из городов Латвии

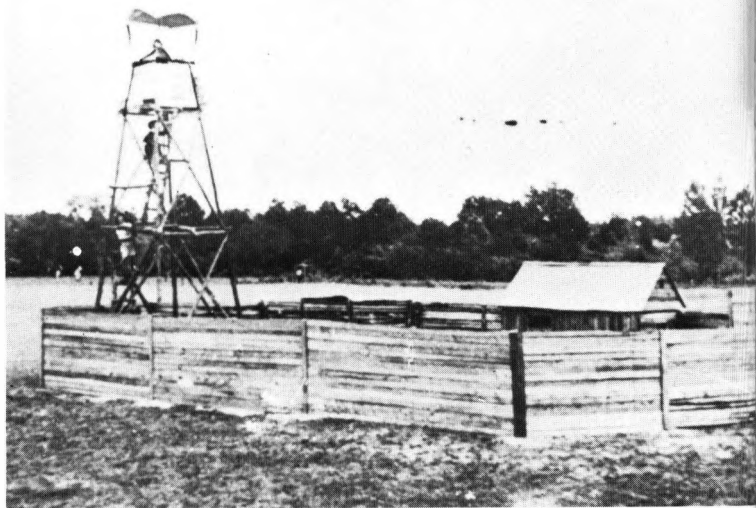
Скауты-шомрим

Значок движения

Летние сборы

Флаг поднят

По следам строителей поселений "Хома
У- Мигдал" в Эрец Исраэль, 1937 г.

Хахшара: подго-
товка к трудо-
вой жизни в ки-
буце

Шмуэль (Муля) Иoffee

EWAKUACYJNY ARKUSZ

Województwo: świętokrzyskie Powiat: ostrowiecki
Miejscowość: Łęka Ulica: ul. 11-go Listopada
Kod pocztowy: 27-100 Nazwa miejscowości: Łęka
Data: 1992 Rok: 1992 Kraj: Polska
Miejscowość: Łęka Ulica: ul. 11-go Listopada
Kod pocztowy: 27-100 Nazwa miejscowości: Łęka

W Karnej SRR zgodnie postanowień Polnienika Cierzegoego Pełnego Komitetu Wyzwolenia
Narodowego i Przechławiciela Rzytu Bałerskiej SRR do spraw ewakuacji na teren Polski,
ewakuując się do Łodzi miastu ram. wozni
porozu... ..

Wzrost u niego ciekawą się użenkwie jego raiziny

[illegible]

Obywatel Adam Janusz Janowski z Huty przewozi ze sobą:

koni	bydła rogatego	świń	owce	kóz	inwentarz pługów	siar
ników	pasznic	artykułów żywnościowych	cent.	z czego zboża i artykułów zbo		
żyznych	cent.	rzeczy użytku domowego	cent.	razem	95	cent.

Pełnomocnik w sprawie
Polskiego Komitetu Wyzwolenia Narodowego
do spraw ewakuacji

Przedstawiciel rejonowy
Rządu Białoruskiego SRE

ФИКТИВНЫЙ ДОКУМЕНТ на право репатриации из СССР в Польшу

86

TELEGRAM

712 RISA

19 22 2020

godz. _____ m. _____

Uwa, I slubowe:

Przyjęto

Odtelegrafowano

dn. godz. m.

ELT= RAFA MICHER ZACHODNIA

dn. _____ godz. _____ m.

przewód Nr.

C/8 LODZ POLSKA-

przewód Nr

2. *Trachymyrmex* — 10 species of *Trachymyrmex* (100% of the total) were collected from the same area.

de

Podpis

Podpis

POZDRAVLAJU LINUN POATILETIJEN VOLODJA RAJA NE FISIALI

ADRES: OCHAFRAVA MARKSA 10 = SERGEEGV A+

Państw. przedsięb. „P. P. T. i T.” nie przysłało

P. F. T. i T. — Nr 1039 — V. 46. — 2.000.000
 Octopus Galathea Loda, L. p. 171

**Шифрованное сообщение о пятилетнем сроке
Илье Зайдину**

הוצאות	הכנסות
220	218
7	30
42	11
26	45
16	30
25	8
13	21
47	25
32	33
12	27
45	15
6	20
4	8
13	2
14	7
67	13
35	7
626	9
	6
	60
	25
	20
	36
	30
	8
	6
	732
	626
	106

Руководители
центра в Виль-
носе переправ-
ляли "Алексан-
дру" в Лодзь от-
четы и инфор-
мацию

לא ידענו, ולא ידעו! כי! כי!
היה זה 12 - שנה וחודש סתם!
היה זה 12 - שנה וחודש סתם!
היה זה 12 - שנה וחודש סתם!

הכנסות	הוצאות
67	76
7	156
22	10
59	1
81	243
36	67
310	310

הכנסות
הוצאות
הכנסות
הוצאות
הכנסות
הוצאות
הכנסות
הוצאות
הכנסות
הוצאות

**В мае 1946 г. Муля прибыл нелегально в Польшу
для переговоров с руководителями "Бриха" о даль
нейшей работе в Советском Союзе
На снимке: Муля с товарищами в Лодзи**

...В путь!

"Бриха" — исход евреев из Восточной Европы

Отдых

Переход границы

Взели же с передачей можешь хорошо - [3]
ней написать, да с подлинным устроить так-
же. Можешь у нас в квартире устроить башню
козубоватую, которая может нас в башне
нейшем приютить - а найдешь возмож-
ность поместить их. Если что и до баш-
нось будет - лучше еще и сделать, не
смотря на все трудности - пойми, что
должно все сделать - так, так много
идеи и так, преобладают и хорошо что
просто все что сейчас прямо сейчас
идеи - пусть поместят и все. Не мож-
но дать, она дана и пусть на работу по-
чти добейся пропаганды хоро-
шо - ведь если ты теперь прямо и
уведомь, а так много и можно было
- можешь предупредить нас по поводу
и как-то можно - было рече о поправке.
Так же они были слышны - как-то в раз-
ные дни не могу и в это - и не
наша была во время.

ком к началу создания группы. Это было в середине
Настроение моментально изменилось. Приказ гото-
виться к выезду вызвал прилив энергии и стал толч-
ноября 1945 года.

Рассказывает Яка:

“Я приступил к первым организационным дейст-
виям. Сначала переговорил с Илькой Зайдиным и
Айзиком Кацем. Потом встретился с Михаэлем Баха-
том и Екутиэлем Шуром. К приезду Мульки Михаэль,
Екутиэль и я входили в штаб действия. Начали со-
ставлять списки. Михаэлю было поручено установить
связь с выходцами из латгальских местечек, которых
он близко знал. Екутиэль должен был поговорить с
представителями движения из Даугавпилса. Я связал-
ся с товарищами в Риге. Так протянулась цепочка
связей“.

По возвращении в Ригу Яка продолжал занятия
в консерватории, как и Екутиэль, вернувшийся в Ригу
позднее. С тех пор как оба вошли в состав штаба
действия, класс в консерватории стал самым надеж-
ным местом для их встреч и совещаний. Согласно про-
грамме консерватории, каждый студент-скрипач дол-
жен был выбрать себе студента-пианиста, чтобы репе-
тировать дуэты и ансамбли для скрипки и рояля. Пиа-
нист Яка выбрал скрипача Екутиэля. Каждый день
они уединялись в музыкальном классе. Закончив дуэт,
они переходили к совсем иной “музыке”. Оба музы-
канта готовились к совместному выступлению в кон-
церте в конце семестра, но незадолго до выступления
оба бесследно исчезли...

Устанавливая связь с участниками движения, надо
было проявлять максимальную осторожность. Нельзя
было полагаться на верность всех бывших членов дви-
жения. По личным или семейным причинам кое-кто
мог и отказаться от предложения уехать. После долгих
военных лет скитаний и тягот не каждый готов был
пойти навстречу новым опасностям. Тот, кто не готов,
пусть лучше и не знает ничего! Из соображений осто-
рожности организаторы решили не обращаться к неко-
торым товарищам (потом выяснилось, что опасения в

большинстве случаев были необоснованные). Некоторые товарищи могли бы уехать, но остались в Советском Союзе, потому что не были посвящены в тайну бегства и пострадали от этого.

Не было сомнения в том, что старые активисты, поддерживавшие между собой связь в течение всей войны, готовы пойти на риск побега. Но по отношению к более молодым требовалась осторожность. Лишь единицы из тех, кому предложили уехать, отказались. Нужно сказать, что ни один из отказавшихся, не донес властям.

Создание группы шло быстрым темпом. Те товарищи, насчет участия которых сомневались, как правило, откликались немедленно и без колебания. (Имеются в виду не только присоединившиеся к кружку активисты, но и те, кто в течение считанных дней должны были подготовиться к выезду).

Рассказывает Михаэль Бахат (Кфар-Блюм):

“У нас были сомнения относительно Ильки Гольдберга (пал в войне за независимость при обороне Эйнгева). Мы с Якой сомневались, можно ли привлечь его к делу. Илька был инвалидом войны, на него иждивении была сестра, муж которой погиб на войне, и ее дочь. Зная его с детства, я был уверен, что если он и откажется работать с нами, то никому не скажет ни слова. Я пригласил Ильку в ресторан. За столом я сразу приступил к делу. Илька, пораженный, уронил ложку и замер. После второй рюмки водки он сказал, что должен посоветоваться. Через два дня он пришел ко мне и взялся за дело. Ласик Шломович тоже ответил согласием на следующий же день и сообщил, что обе его сестры Ривка и Доба также готовы принять участие в работе”.

Екутиэль Шур дополняет рассказ: “Мы с Якой начали составлять списки. К одним мы обращались открыто, а других старались “прощупать”, прежде чем вводить в курс дела”.

Пробыв некоторое время в Вильне, Мулька неожиданно появился в Риге. Это было весьма рискованно, так как в Риге его искали. Хотя он был снабжен “чи-

стыми“ документами, отрастил усы и одевался не так, как раньше, его все же могли узнать и задержать. Объективной необходимости в таком большом риске не было, но он дерзнул приехать в Ригу, чтобы встретиться со своей сестрой Рут и с друзьями. В чемодане с двойным дном он привез деньги, полученные в Польше для нужд организации. В узком кругу друзей Мулька рассказал о своем пребывании в Италии, о своих встречах там и в Австрии с товарищами из Палестины и особенно о связях, которые он завязал с центром нелегальной алии Бриха в Польше. Весть о нелегальной алии, ширившейся во многих странах, обрадовала и пробудила надежды рижан.

В соответствии с указаниями, полученными в Польше, на группу латвийских активистов были возложены разные задачи: переправка членов молодежных движений за границу, независимо от принадлежности их к тому или иному политическому течению сионизма; включение в списки уезжающих также членов их семей, если они об этом просят; забота о переправке бывших сионистских деятелей. Сверх того, была еще одна задача — разыскать следы уцелевших после Катастрофы еврейских детей, отправленных в деревни, детские дома и интернаты, заполучить их оттуда и переправить как можно скорее в Польшу. Нужно отметить, что не было специального указания воздерживаться от отправки других евреев. Действительно, были случаи, когда группа за плату содействовала бегству евреев, не принадлежавших к сионистским течениям. Это пришлось делать тогда, когда группа оставалась совсем без средств, не было денег ни для дела, ни для существования.

Летом и осенью 1945 года, вскоре после окончания войны и до того, как границы Советского Союза закрылись наглухо, многие литовские евреи перебрались в Польшу. Большинство просто хотело выехать из СССР, может быть, и в Палестину. Евреи Литвы, Белоруссии и Украины всякими способами добывали документы, подтверждающие их “польское гражданство“ и

уезжали "на свою родину" этим "легальным" путем. Советские власти пока еще не слишком присматривались и не препятствовали этому потоку. Те же виленские евреи, которые не могли добыть польских документов, искали других путей. Ловкие дельцы организовали переброску людей из Литвы в Польшу за деньги, а члены халуцианских движений в Литве, которые сразу после войны вернулись в Вильну, нашли свои пути перехода границы с помощью профессиональных контрабандистов и без них. Нанятые военные машины перевозили группы евреев по бездорожью и густым лесам через границу. На территории Польши водители освобождались от своего груза и возвращались обратно. Люди врассыпную проходили через лес и — не без риска — выходили к ближайшему польскому селению.

Эта переброска шла вначале спокойно и без помех, но риск все увеличивался в связи с усилением пограничных патрулей. И в начале 1946 года пришел конец организованному потоку. В Вильне осталось лишь звено из трех человек, поддерживавших связь с центром. Цви Нецер направил Мульку к этой тройке. В нее входили Ицхак Рогалин и Мишка Левин из Польши и Эстер Анолик из Шяуляй. Попав в Вильну в середине декабря 1945 года, Мулька сразу включился в работу тройки. По плану поток беглецов из Латвии должен был идти в Вильну и оттуда с помощью дельцов грузовиками переправляться через границу. Это была первая стадия.

Кроме того, предполагалось использовать и другие пути. Мулька со свойственной ему находчивостью, быстро познакомившись с системой и путями перевозок, постарался подготовить условия для приема в Вильне первых групп из Риги. Однако не успели первые приехать, как произошло событие, перекрывшее этот путь.

Дельцы, спешившие разбогатеть, решили отправить сразу колонну из четырех грузовиков вместо одного, как делали раньше. Для этого надо было собрать большую группу людей. Среди отправлявшихся в этой колонне было много хасидов и ешиботников из латвийских и литовских местечек. Отправка большей, чем

обычно, группы требовала особых мер предосторожности. Эти меры не были приняты. В синагоге в Даугавпилсе, например, евреи открыто говорили между собой об отъезде в ближайшие дни. Неудивительно, что слух об этой подготовке дошел до советской контрразведки. Когда в ночь с 5 на 6 января 1946 года колонна из 4 военных грузовиков отправилась в путь, ее подстерегала в лесу засада. Советские пограничники и чекисты обстреляли первый грузовик. Молодая девушка из Литвы Вера Фут была убита, несколько человек ранено. Большинство ехавших в первом грузовике успели скрыться и к утру вернулись в Вильну. Тех же, кто был в трех остальных грузовиках, задержали.

Среди арестованных был и Моше Антоколь из Даугавпилса (ныне в Холоне). Вот что он рассказывает:

“Мой друг Яков Хейфец был послан ко мне из Риги, чтобы сообщить о готовящемся выезде. Но когда он 1 января 1946 года приехал в Даугавпилс, то меня там не нашел. За 5 дней до этого я уехал в Вильну. Вернувшись из Средней Азии в родной город, я встретился там с другом моего покойного отца, бывшим руководителем местной ешивы Бейт-Йосеф. Выяснилось, что он был связан с группой хабадников, которые переправляли евреев в Польшу. Он предложил мне присоединиться к группе, пообещав все расходы взять на себя (хабадники располагали большими средствами). Так я в конце декабря попал в Вильну.

Сбор перед отправкой был назначен недалеко от синагоги. В переулке нас ждали 4 военных грузовика. Я попал во второй грузовик вместе с группой верующих евреев. Четвертый грузовик был передан виленской группе Бриха. После получасовой езды по лесу мы слышали выстрелы. Одного из ешиботников в нашем грузовике легко ранило. Всех нас задержали и отвезли в тюрьму. Затем последовали три страшных недели ночных допросов, сопровождавшихся бранью и побоями. К счастью, следователи присоединили меня к группе верующих. В суде нас защищал адвокат Брауде, московский еврей, сумевший убедить судей, что наше преступление уголовное, а не политическое.

Поэтому нам были вынесены относительно мягкие приговоры. Меня по молодости лет приговорили к условному заключению и освободили из-под стражи“.

Известие о том, что этот путь закрыт, быстро дошло также до Риги и вызвало в обоих городах взрыв отчаяния среди товарищей. Особенно тяжелым оказалось положение виленской группы. Вот что говорит об этом Яка:

“Через две недели после истории с грузовиками я приехал на несколько дней в Вильну. Положение там было прямо-таки катастрофическое. Все связи оборвались. Мы остались без денег. Евреи в городе знали о происшедшем и дрожали от страха. Многие были прямо или косвенно связаны с этим делом. Все еврейские дома закрылись перед нами. Никто не соглашался даже впустить нас переночевать. В суровые зимние дни января 1946 года мы целыми днями бродили по улицам. Чекисты тщательнейшим образом проверяли документы пассажиров на вокзале. Короче, все мы были охвачены страхом. Нас тревожила судьба арестованных. Но самое главное — мы не знали, как начать все заново. Вообще было неясно, сможем ли мы заниматься дальше переправкой евреев через границу. Все были в отчаянии. Все, кроме одного — Мульки Иоффе. Он даже в эти тяжелые дни казался спокойным и уверенным. Благодаря ему все мы начали приходить в себя“.

Через несколько дней после приезда в Вильну Мульке пришлось изменить внешность, и он стал демобилизованным солдатом Пинхасом Домбровским. Настоящего Пинхаса Домбровского, демобилизованного из армии, группа отправила в Польшу, и Мулька получил его документы. Таким образом, он пользовался всеми правами, полагающимися демобилизованному солдату.

Провал группы с грузовиками мог привести к раскрытию виленской и, возможно, рижской группы. Членам штаба действия в Вильне надо было добыть достоверные сведения насчет того, что известно о них следователям НКВД, расследующим дело о грузовиках с десятками арестованных евреев. Штаб пошел на

дерзкий и отчаянный шаг: верный человек "попал" в тюрьму на короткое время и выяснил, что контрразведка не нашла на след виленских и рижских групп. Это успокоило людей, и они, воспрянув духом, тотчас принялись искать новые пути.

Поиски предпринимались одновременно во всех возможных направлениях. В первую очередь — репатриация в Польшу. Но уже тогда было известно, что репатриация эшелонами прекратится в мае, и поэтому все время пытались найти иные пути.

Еще один путь годился для мужчин призывного возраста. Надо было достать "командировку" красноармейца, служащего в советской зоне оккупации Восточной Германии и едущего в Советский Союз через Польшу или возвращающегося в свою часть в Польшу из командировки в Восточную Германию. На какой-то станции в Польше человек сходил с поезда и превращался в пропавшего без вести. Так в Польшу попали самостоятельно многие юноши, в том числе некоторые члены движения.

Эзра Тов (воспитанник рижского отделения движения, ныне член кибуца Манара) так рассказывает о себе:

"В конце 1945 года я демобилизовался из армии и попал в Ригу. На следующий день я встретился с моим другом Розитом, и мы пошли к Ильке Зайдину поговорить. Илька рассказал нам о создающейся группе. Я ждал от него сигнала. В начале января меня позвали, дали подробные указания, и я поехал в Вильну. Прибыл по указанному адресу. Девушка, открывшая дверь, не хотела меня впустить и не признавала пароль. Я понял, что что-то неладно, и сразу вернулся в Ригу. Через два дня я узнал историю с грузовиками.

Спустя две недели Илька Зейдин передал мне воинскую книжку и мундир. Я превратился в солдата из Франкфурта-на-Одере, едущего из отпуска в свою часть. Так я попал в Варшаву. Со множеством приключений я выбрался с железнодорожного вокзала и разыскал людей, связанных с нелегальной арией. То-

гарищи встретили меня приветливо. Мне заменили документы и отправили в Лодзь. Я — первый из рижской группы, оказавшийся в Польше на пути в Израиль“.

Немногие успели воспользоваться этим путем. Вскоре это стало почти невозможно. Группа, посланная виленским центром и ехавшая под видом солдат-отпускников, была задержана на польской границе. Им заявили, что в соответствии с новыми указаниями они должны получить дополнительно специальные документы от военных властей. К счастью, их ни в чем не заподозрили и только приказали отправиться назад, на место службы.

Однажды пришло известие о возможности выехать из Кенигсберга на Запад на грузовом судне. Получил эту весть Лейбл Лемперт. Вот его рассказ:

“В конце войны у меня не было контакта с товарищами, поскольку я не отвечал на их письма. Но я был уверен, что они ищут возможности выбраться из СССР. По окончании войны я со своей частью попал в Кенигсберг. Повертелся в порту, поразнюхал тут и там и выяснил, что есть возможность проникнуть на пароход, уходящий в Западную Европу. Я решил тотчас же поехать в Ригу и рассказать об этом товарищам. По указанию Мульки я вернулся в Кенигсберг, чтобы прощупать, насколько это реально. Но это мне не удалось. Когда я второй раз приехал в Ригу, то привез всякие военные бланки, которые можно было использовать для выезда иным путем“.

Помимо Лейбла Лемперта в Кенигсберг отправился специальный человек. Вернувшись, он сообщил, что этим путем могут воспользоваться лишь одиночки. О группах не могло быть и речи. Кроме того, это было связано с большим риском и стоило немалых денег. Штаб решил отбросить этот вариант.

Имелся еще один морской путь — через Балтийское море. Еще в первый период присоединения Латвии к СССР, когда деятельность движения впервые была запрещена, Мулька подумывал о возможности уехать морем в Швецию. Мысли об этом морском пути

не давали ему покоя. По его указанию два человека поехали в Клайпеду, чтобы попытаться связаться с литовскими рыбаками, промышляющими в Балтийском море. Они вернулись ни с чем. Шансы здесь были равны нулю.

Самым простым и предпочтительным путем был, казалось бы, тот, который именовался "зеленой границей". Это означало: пересечь пешком лес на границе между Литвой и Польшей с помощью профессиональных контрабандистов-проводников. В то время в пограничном районе Алитус контрабандисты передвигались в обе стороны почти без помех. В этом районе хозяйничали литовские националисты, враги советского режима, занимавшиеся, помимо прочего, также и угоном за границу скота и лошадей. Временами они нападали на небольшие подразделения советской армии. Путь этот тоже был небезопасен, так как литовские националисты ненавидели евреев не меньше, чем русских. Работники организации Бриха в Польше дали указание ни в коем случае не прибегать к помощи этих литовцев как из-за риска, так и из принципиальных соображений. Однако штаб в Вильне все же поддерживал связь с одним литовцем, который казался ему заслуживающим доверия. Все же этот путь оставляли в запас только на крайний случай. По сути дела, им тоже не воспользовались.

Следует указать еще на две возможности, которые наметились было в то время, но вскоре выяснилось, что и они нереальны.

Как-то разнесся слух, что организуется репатриация чехов на родину. Речь шла о чешских крестьянах, издавна живших в нескольких деревнях Ровенской области и желавших теперь уехать в Чехословакию. Мулька вместе с Нехемьей Гроссом, халуцом из Польши, поехал в Ровно, чтобы на месте выяснить возможность включиться в этот поток эмиграции. По прибытии в Ровно они узнали, что репатриация еще не началась и неизвестно, когда начнется. Пришлось вернуться ни с чем. Но чешский план мог еще пригодиться.

До товарищей дошли также слухи о возможности перебраться через границу в Румынию, где, как они

знали, действовал воспитанник латвийского движения Моше Агами из кибуца Кфар-Гилади. Однако поездка двух человек в район румынской границы не принесла успеха.

Вернемся к рассказу о репатриации. Как известно, Вильна с окрестностями была в начале войны оторвана от Польши и присоединена к Литве. Те, кто жил здесь до войны, считались польскими гражданами. Такое же положение было и в восточных районах Польши, присоединенных к СССР. По окончании войны жителям этих районов было позволено возвратиться в Польшу. Летом 1945 года в Вильне и окрестных городах были созданы комитеты по репатриации, в которые входили представители обеих стран. Репатриация охватила десятки тысяч людей. Репатриантам, ехавшим со всем своим скарбом, были предоставлены специальные эшелоны.

Как уже говорилось, евреи, желавшие уехать из Литвы и Белоруссии, воспользовались этим положением. Но основной поток репатриации окончился в конце 1945 года. Организованный переход границы членами литовских молодежных сионистских организаций прекратился еще раньше. И потому в январе 1946 года для товарищей в Вильне репатриация казалась чисто теоретической возможностью. Не было ниточки, ведущей к нужным адресам и нужным людям. Найти подходящих людей, чтобы завести связи среди чиновников, ведавших репатриацией, — вот что было необходимо, в первую очередь.

Вильна была избрана центром организации по двум причинам: географическая близость к польской границе, а также наличие там связной тройки. Но из соображений осторожности было решено не связываться с работниками комитетов по репатриации в самой Вильне, где контроль был строже. Лучше было искать возможности в других городах. Этой кропотливой работой занялся Мулька вместе с выходцем из польского Гашомер гацаир Михаэлем Рабсоном. Михаэль и его жена, партизанка Ривка, (ныне живут в Рамат-Гане) предоста-

вили себя и свою квартиру в распоряжение центра. Михаэль, свободно говоривший по-польски, служил Мульке "устаи и ушаи" в поездках по местечкам Виленщины и Западной Белоруссии. Стало ясно, что требуются еще активисты из Риги. В первую очередь рижский штаб прислал Элиягу (Ильку) Гольдберга и Элизера (Ласика) Шломовича (ныне в Холоне). Ласик первый установил контакт с комитетом по репатриации в местечке Глубокое в Западной Белоруссии. Посредниками между ними и советскими чиновниками стали местные евреи, охотно взявшиеся помогать всем евреям выбраться из Советского Союза тем более, что они получали за это плату. Сначала Ласик достал документы для пятерых "членов своей семьи". Когда первая группа благополучно добралась до места, он принялся добывать документы для следующей группы. Отъезжающие получали документы о том, что они польские граждане. На этом основании им давали въездную визу в Польшу и документы для проезда в эшелоне. Вначале работники комитетов по репатриации за большие деньги доставали для Ласика документы для определенной семьи из своего списка. Это несколько усложняло работу организации, так как виленскому штабу приходилось комплектовать фиктивные семьи с соответствующим их списку составом по возрасту и полу. Позднее, когда дело наладилось, эти служащие стали выдавать документы "по заказу клиента", т.е. согласно списку, который они получали от Ласика.

В глазах работников комитета и евреев-посредников в Глубоком Ласик был таким же, как они, — рожденным делягой. А поскольку он был в прямом контакте с людьми, желавшими уехать в Польшу, он, по их мнению, зарабатывал больше всех...

Вот что рассказывает об этом Арье (Левка) Миндель, один из таких посредников в Глубоком, который впоследствии стал активистом штаба и выполнял самые дерзкие задания (сейчас живет в Рамат-Гане):

"Когда Ласик стал регулярно обращаться ко мне за документами для все новых и новых семей, я подумал, что он крупный спекулянт, зарабатывающий боль-

шие деньги. Одно только казалось мне странным: почему он ходит в рваных сапогах? Да и одежда была весьма потрепанной. Ескоре я убедился, что Ласик — честный парень и в торговых делах разбирается плохо. Он был для меня загадкой. Я никак не мог понять, с кем, собственно, имею дело. Тем временем, мы продолжали действовать вместе, и я заработал на этом много денег.

Постепенно я завоевал его доверие настолько, что он рассказал мне все. Ну, если так, сказал я тут же, если это не спекуляция, а вопрос идеи, если наша цель — помогать евреям бежать из Советского Союза, то я тоже готов на это, и денежная сторона меня больше не интересует, я хочу вернуть вам все деньги, которые заработал на вас. Через несколько дней меня пригласили в Вильну на беседу с Мулькой и Якой. Парни мне очень понравились: честные, прямые. Я сказал им: "Я не разбираюсь в партиях и движениях, это меня не интересует. Но если нужно помогать переправлять евреев в Палестину — пожалуйста, берите меня в компанию. Буду делать все, что скажете". Тут же на месте я выложил 30.000 рублей, которые я на них заработал. Они согласились. Потом я выполнил несколько трудных поручений".

В то время как Ласик пробивал путь через Глубокое, Илья Гольдберг занялся тем же в Новогрудке (Западная Белоруссия). Ильке с его смелостью и находчивостью не пришлось долго трудиться. Через врача-еврея ему быстро удалось завязать прочные связи с местными работниками комитета по репатриации. Путь удалось открыть.

В течение нескольких недель сверх всяких ожиданий использовали оба эти пути. Группы в Вильне и Риге разделили между собой организационную и оперативную работу.

Рижская группа получала из Вильны сообщение о том, что можно отправить несколько человек в виде семьи из пяти-шести членов, а иногда и больше. Связные тотчас же отправлялись к кандидатам на выезд и предупреждали, что завтра они отправляются в путь.

Нельзя было допустить, чтобы кто-либо неожиданно исчез с работы, поэтому, соблюдая осторожность, люди оформляли на работе отпуск по случаю семейного праздника, по болезни или что-нибудь в этом роде.

Не так-то просто было в те дни ездить из Риги в Вильну. Надо было правильно оформить командировку. В штабе были бланки командировочных удостоверений разных учреждений. Достать билеты на поезд тоже было нелегко. Добыванием билетов — по двойной цене — занимался специальный человек. Тот же человек, стараясь не навлекать на себя внимание, проводил уезжающих к поезду. На этом обязанности рижской группы кончались.

Следующий этап, гораздо более трудный и сложный, начинался на вокзале в Вильне. Там посланных встречал человек, которого можно было опознать по газете, торчавшей из левого кармана пальто. Люди, попавшие в незнакомый город, следовали за этим человеком на небольшом расстоянии, и он приводил их в одну из “подпольных гостиниц” — квартир, предоставленных хозяевами за плату или бесплатно для нашего дела. Это могла быть, например, квартира активистов виленской группы Бецалеля и Нехамы Тауман (оба сейчас живут в Рамат-Гане), квартира Юдит Шишлов-Рабер (живет в кибуце Эй-Гев), Михаэля и Ривки Рабсон и других. Всего в разное время для размещения приезжавших из Латвии использовалось 12 квартир.

Рассказывает Рафаэль Лифшиц:

“В течение долгого времени моей задачей было дважды в день на вокзале встречать товарищей, приезжавших из Риги. Одевался я как демобилизованный солдат. Однажды я заметил, что за мной кто-то следит. Если бы я попытался ускользнуть, то скорей всего попался бы и провалил бы все дело. Я решил сделать вид, будто я еще более важный сыщик. Остановившись прямо перед ним, я принялся внимательно его разглядывать. Он пошел прочь, а я зашагал вслед за ним, будто преследуя его. В конце концов сыщик “понял”, что меня послали следить за ним. Мы встречались

с ним на вокзале еще несколько раз. Я чувствовал, что он опасается меня, подозревая во мне крупного контрразведчика“.

Пребывание в Вильне рижских евреев являлось незаконным и было несколько рискованно. Неделю-две люди не выходили на улицу, пока не получали указания явиться на вокзал для отправки в Глубокое или в Новогрудок.

В штабе велась лихорадочная работа. Здесь ожидали зашифрованной телеграммы из Лодзи, подтверждавшей “получение посылки“, то есть прибытие нелегального транспорта. Было установлено правило: не отправлять следующую партию, пока не придет подтверждение, что предыдущая добралась благополучно. Трижды в неделю рано утром работники в штабе ждали связных из Глубокого и Новогрудка, привозивших документы и “рабочие планы“ Ласика и Ильки. Позднее Ильку сменил Сролик Фридман, занимавшийся до этого поисками новых путей. Зачастую Ласик и Илька сами приводили в Вильну документы, только накануне ими раздобытые.

Случалось, что всего через каких-нибудь три часа после приезда связных с документами, “репатрианты“ уже должны были отправиться в Глубокое или Новогрудок. За эти считанные часы надо было проверить массу дел: Мулька и Яка составляли “семьи“ в соответствии с документами, вслед за этим девушки-связные бежали на квартиры, чтобы предупредить людей об отъезде, и в то же время кто-то добывал билеты на поезд. В последний час перед отъездом составляли списки и писали сопроводительные письма для центра в Лодзи на маленьких полосках папиросной бумаги, которые прятали среди вещей отъезжающих. Так велась односторонняя связь с центром алии в Лодзи.

Рассказывает Сролик Фридман:

“В самый горячий период у нас была масса работы. Часов в 6 утра я приходил с виленского вокзала на квартиру, где размещался штаб. На вопрос, сколько можно отправить сегодня, я отвечал подробным отчетом. Тут же пускалась в ход вся “машина“. Все дела-

лось с молниеносной быстротой. Меня всегда тянуло хоть одну ночь отдохнуть и переночевать вместе с членами штаба. С ними я чувствовал себя спокойнее. Но засиживаться было некогда. Я подкреплялся рюмкой водки и отправлялся в путь вместе с “посылкой”. И так целыми неделями.

В этот период стояла перед нами еще одна задача: как раздобыть отдельные купе в вагоне, чтобы “семья”, в которой никто ни слова не понимал по-польски, не привлекала к себе внимания. В “рабочий сезон” связной между Вильной и Глубоким была Доба Шломович, сестра Ласика. Получив билеты, она старалась устроить купе в вагоне для матери и ребенка. На линии Вильна—Новогрудок, где действовал Илька, он нашел иное решение. В то время как люди толпились на перроне, с нетерпением ожидая, когда откроются двери вагона, чтобы затем, локтями пробивая дорогу, захватить себе сидячее место, появлялся Илька со своими пассажирами и громко командовал: “Внимание! Посторонись! Веду арестованных!” Люди нехотя сторонились, и Илька открывал дверь вагона ключом, добытым у одной из проводниц...”

Самым уязвимым местом была связь между тремя центрами — Вильной, Ригой и Лодзью. Почтой и телеграфом можно было пользоваться лишь в весьма ограниченных пределах. Письма посылались до востребования на почтовое отделение в Вильне на выдуманные имена. Приходилось прибегать к разным ухищрениям, чтобы эти письма получить. Внутренняя связь действовала в одну сторону: из Риги в Вильну и из Вильны в Лодзь с помощью “репатриантов”. Проблема состояла в том, чтобы наладить связь в обратном направлении.

Первое время на линии Вильна—Рига был “курьером” Яков Хейфец. Ему, инвалиду войны, легче было достать билет и сидячее место в поезде. Из-за частых поездок его могли заподозрить разве что в спекуляции... Позднее проблема решилась более удачно с помощью старого поляка-железнодорожника, сопровождавшего три раза в неделю пассажирский поезд туда

и обратно на линии Вильна—Рига. За несколько бутылок водки и закуски старик согласился быть связным между “двумя братьями-спекулянтами” — одним в Вильне и другим в Риге, — которые никогда не спорили с ним о размерах вознаграждения. Таким образом, старик-поляк перевозил пакеты в обоих направлениях, а в них — шифрованные письма на иврите.

Связь между Лодзью и Вильной была делом более трудным. Отправлять доверенного человека из Польши в Советский Союз было очень опасно, тем более что эти люди должны были, разумеется, потом вернуться в Польшу. Все же однажды приехали два человека, привезшие Мульке и Яке деньги и указания от Цви Нецера. Обрато они вернулись на маленьком самолете, который с огромными трудностями удалось нанять для этой цели. Устроил это дело Михаэль Рабсон, польский еврей, работавший в виленской группе.

В другой раз деньги из Лодзи в Вильну доставил Рафаэль Голан (ныне житель Бат-Яма). Офицер советской армии, он весной 1946 года был назначен командиром конвоя, сопровождавшего эшелон с углем, шедший из Германии в Силезию. Через своего брата Якова Рафаэль, воспитанник рижского Бейтара, познакомился с товарищем, уже добравшимся до Лодзи. По их рекомендации Рафаэль встретился с Цви Нецером, который и вручил ему 4000 долларов для передачи людям в Вильне.

Порядок очередности при выезде устанавливался из простых соображений: в первую очередь — старики с сыновьями и дочерьми, членами молодежных сионистских движений, на втором месте — семьи членов движений с детьми, затем семьи без детей. Предпоследними в очереди были холостяки, активно не участвовавшие в работе. Активисты, естественно, были последними.

Среди членов движения было немало семейных, включавших три поколения, братьев и сестер. Штаб не намеревался также задерживать сверх меры и своих активистов-холостяков. Было решено, что их будут сменять после каждых двух-трех отправленных групп.

Так было бы легче замечать следы. Однако в действительности, как вскоре выяснилось, по отношению ко многим активистам это правило нельзя было применить. Семьи их были отправлены в Польшу, а сами они оставались на своих постах до последнего момента. Таким образом, работники штаба выполняли установленное правило по отношению ко всем, кроме самих себя.

Это относилось как в деятельности центра в Вильне, так и на пограничных пунктах. А в Риге группа быстро сократилась. Часть ее активистов была отправлена в Польшу, остальные задержались в Вильне. В самой Риге остался один Илька Зайдин, который по семейным обстоятельствам не мог уехать.

Темп выезда из Риги в Польшу через Вильну превзошел все ожидания. Никто из активистов не мог представить себе, что дело охватит сотни евреев. Сотрудники центра в Лодзи тоже были поражены. Они полагали, что дело коснется лишь нескольких десятков членов молодежных организаций и их семей и продлится не более нескольких месяцев.

Как уже упоминалось, связь с Польшей не была регулярной. Время от времени из Лодзи намекали, что нужно скорей закругляться. После арестов во Львове (о них будет рассказано позднее) приходилось опасаться за судьбу виленской группы. Сами активисты не проявляли никаких признаков того, что они собираются вскоре прикрыть дело. Напротив, в начале мая темп выезда усилился, и они собирались отправить из Латвии еще несколько групп.

Взаимопонимание между сторонами несколько ухудшилось не только из-за трудностей связи, но и из-за различного подхода к вопросу о продолжении работы. Это осложнялось также финансовой проблемой, которая становилась очень острой.

Деньги, привезенные Мулькой из Лодзи в декабре, быстро кончились. С целью финансирования переброски людей Мулька, с разрешения центра в Польше, начал изыскивать денежные средства. Некоторые евреи,

собиравшиеся выехать из Латвии и Литвы в Польшу, просили переправить и их деньги. Независимо от того, были ли эти евреи уверены в том, что в Польше кто-то оплатит виленские “векселя” или нет, они доверились Мульке и передали ему солидные суммы. Взамен они получали маленькую шифрованную записку, смысл которой они не могли понять. По прибытии в Польшу они получали свои деньги в польской валюте по обусловленному курсу.

Объем денежных “трансферов”, как называли эти операции, заранее не был установлен, как не был установлен и общий бюджет этого отделения организации нелегальной алии в Европе. По сути дела, виленский штаб пользовался полной автономией в этих вопросах. Дело в том, что в условиях подполья не могло быть речи о бухгалтерии. Финансовые отчеты, посылаемые в Польшу, содержали, как правило, всего несколько строчек: столько-то получено, столько-то израсходовано и т.д. Статьи расхода не перечислялись, а они были самые различные. Прежде всего крупные суммы шли на подкуп работников эвакуационных комиссий и оплату посредникам. Кроме того, были и обычные расходы: жилье, разъезды, содержание самих активистов и т.д. Центральная бухгалтерия в Европе косо смотрела на то, что местное отделение, подчиненное Польше, пользуется полной автономией в столь чувствительной области, которая, как правило, требует строгого контроля. Поэтому вскоре она потребовала от центра в Лодзи прекратить практику “трансферов” и сократить расходы до размеров, заранее установленных бюджетом.

Это также послужило одной из причин для недоумений между активистами в Вильне и работниками центра в Лодзи, ожидавшими, что проблема разрешится сама собой с окончанием деятельности виленской группы. Поэтому они настаивали на срочной переправке оставшихся людей и ликвидации группы в Вильне. Однако виленские ребята хотели продолжать свою работу, считая, что переброска всего сионистского актива из Прибалтики еще не закончена.

В этой связи заметим: переправка людей через

границу, естественно, может иногда совмещаться с контрабандой и спекуляцией для изыскания необходимых для этой операции средств.

В условиях того времени возможности “делать деньги” были почти неограниченные. Возможно, в отдельных случаях люди, занимавшиеся в то время переправкой евреев через различные границы, не могли устоять перед соблазном, но ни с кем из активистов виленской группы этого не случилось. Более того, не раз приходилось им испытывать материальную нужду, когда денег не хватало на предметы первой необходимости. Иной раз подворачивался шанс “провернуть дело” с тем, чтобы тут же получить деньги, однако товарищи договорились между собой этим не заниматься. Было принято твердое решение не рисковать людьми, пока можно изыскать деньги менее опасным способом.

Рассказывает Шимон Бекин (живет в Кирьят-Тивоне), выполнявший особые поручения виленского штаба:

“Жили мы в отдельном домике у реки. По вечерам собирались в большой комнате, болтали, планировали работу, рассказывали анекдоты. Не помню, чтобы когда-нибудь мы переживали страх или напряжение, но бывали дни острой нужды. Тогда ребята отправлялись на базар и продавали свою одежду. Как-то раз утром в доме не оказалось съестного. Все стали шарить у себя в карманах. Один нашел десятку, другой — два рубля. Сложились и отправили одного на рынок купить буханку хлеба. Кажется, тогда-то Мулька и решил, что нужно довести до центра в Лодзи, каково наше финансовое положение”.

В мае 1946 года возникла срочная потребность выяснить отношения с центром в Лодзи. Самым главным был как раз не финансовый вопрос. Частично удалось решить денежную проблему, переправляя через границу “неорганизованных евреев”, которые платили некоторую сумму “за услуги”. Несмотря на укоры совести и большой риск, несколько евреев, ввиду безвыходного положения, были отправлены в Польшу за деньги, и за их счет можно было отправить тех, у кого денег

не было. По сути дела, темп выезда не замедлялся из-за нехватки денег. Но необходимо было выяснить планы будущей деятельности группы. Мулька решил сам отправиться в Лодзь и убедить Цви Нецера и его товарищей, что деятельность группы должна продолжаться.

На общем совещании всех активистов никто из ребят не возражал против поездки Мульки, но все как один твердили, что ему не следует возвращаться в Союз, что продолжать и закончить работу можно будет и без него. Это напряженное совещание врезалось в память всем участникам. Вот что рассказывает Рафаэль Лифшиц:

“До нас дошли сведения, что из Риги в Вильну были посланы агенты госбезопасности, чтобы выследить нашу группу. Поэтому на совещании я предложил, чтобы Мулька и Яка передали дела Хаиму Шеру (гражданину Польши) и отправились оба в Лодзь с тем, чтобы больше не возвращаться. Яка не согласился с этим и заявил, что Мулька может и должен уехать, в то время как его, Яки, присутствие здесь пока еще необходимо. Мулька упрямо настаивал, что он поедет и вернется. Спор продолжался почти до самого отхода поезда...”

“...Я знал, что если Мулька захвачен какой-то идеей, то отговаривать его и спорить с ним бесполезно”, — говорил Яка о своем товарище, добавляя: “В отсутствие Мульки я послал Цви Нецеру письмо, в котором повторил наши доводы в пользу продолжения работы. Кстати, письмо это было передано женщине, везшей в чемодане с двойным дном архив Шяуляйского гетто”.

Как видно, у ребят нашлось терпение и внимание и для такого дела.

Результаты поездки оказались удовлетворительными. В Лодзи решили продолжать работу тем более, что это была единственная и последняя возможность вывезти евреев из Латвии и Литвы. Финансовый вопрос тоже уладился. Очевидно, требование виленской группы, сопровождаемое постоянным личным риском

и готовностью нести ответственность, обладало большим моральным весом.

В Лодзи было также решено, что Мулька и Яка должны как можно скорее свертывать свою работу и выехать в Польшу. Все считали, что оба они, будучи фактическими руководителями штаба, подвергают себя слишком большому риску. Заменить их должен был Хаим Шер, воспитанник халуцианского движения Гехалуц гацаир в Польше. Будучи польским гражданином, он мог в случае необходимости легально уехать в Польшу.

Однако решение это не осуществилось.

Во время поездки Мульки в Польшу там уже находились десятки участников движения, в том числе и активисты, закончившие свою работу "на востоке". Они, естественно, встретились с Мулькой и постоянно уговаривали его не возвращаться в Вильну. Илька Гольдберг, например, предложил себя вместо него. Но никто не мог переубедить Мульку и заставить его отступить от принятого им решения.

Поездка Мульки в Польшу едва не кончилась катастрофой. Из Литвы в Польшу Мулька проехал в качестве репатрианта с группой, отправленной из Глубокого. И как раз с этой группой произошла первая неприятность. (Как благодаря находчивости Левки Минделя был предотвращен арест всей группы, будет рассказано ниже).

Обратный путь Мулька проделал в качестве советского солдата, возвращающегося из своей воинской части в Польше в Советский Союз. Его снабдили хорошими документами, которые не вызвали бы никаких подозрений, если бы не новые указания, которые в то время получили пограничные контрольные пункты. Очевидно, те, кто подготовил документы, не знали, что имелось указание подвергать каждого солдата, возвращающегося из-за границы в Советский Союз, тщательному допросу. Оказывается, что мобилизованные в армию на бывших оккупированных немцами территориях переводились по новому приказу в так называемые фильтрационные пункты. В пограничном пункте

в Бресте Мульку вызвали на допрос. Следователи обнаружили, что он был мобилизован — так он им сказал — во Львове. Мулька арестовали. В чемодане с двойным дном у него были спрятаны полученные в Лодзи 2000 долларов. Просидев в тюрьме 8 суток, подвергаясь тяжелым ночным допросам и не видя иного выхода, Мулька решил бежать, бросив деньги. И как только подвернулся случай, он сбежал. О подробностях этого побега рассказывает Яка:

“Как-то ночью я проснулся от стука в окно подвала, где мы тогда жили. Открыв окно, я с удивлением увидел входящего в дом через окно Мульку. Он был усталый и измученный, грязный и закопченный до неузнаваемости. Лицо его было покрыто пылью. Он тут же сказал: “Слава Богу, пронесло! — Умыться и спать...”.

Потом он рассказал, как было дело: восемь дней он просидел под арестом на границе. Перед тем как отправить его в тюрьму, два тюремщика повели его в баню. Там он каким-то чудом умудрился в темноте выскользнуть через щель в заборе, а затем сумел скрыться от патрулей, обходивших ночные улицы пограничного города. Незамеченный, добрался он до вокзала, увидел товарный состав, груженный углем, залез на платформу и нашел там беспризорников. Вместе с ними, спрятавшись в груде угля, он добрался до Вильны и, ооченевший, голодный и грязный, ночью явился к нам на квартиру. Здесь ему уже не нужно было прятаться, так как у него были документы. Чудом спасся он от несчастья”.

Это было первое препятствие, с которым Мулька столкнулся, но в то время, в мае 1946 года, при переправке евреев уже произошло несколько неприятных происшествий, окончившихся благополучно лишь благодаря находчивости товарищей. О некоторых из них стоит рассказать.

Как-то в Глубоком находилась довольно большая группа из 12 человек (две “семьи репатриантов”), которые получили от Ласика нужные документы. После того как они заняли места в товарном вагоне эшелона

среди сотен враждебных им поляков, Ласик вернулся в избу поблизости от вокзала, в которой он жил. Он собирался вскочить в поезд, когда тот двинется, чтобы добраться в Вильну. Из соображений осторожности он не хотел ждать на станции. Двое из отъезжавших пошли в избу вместе с ним. Уходя из избы на станцию, один из них бросил горящий окурок возле скирды сена. Не успели они дойти до состава, как все гудом запылало огнем. Причина пожара осталась неизвестной, но в тех условиях не было ни малейшего сомнения, что евреев-репатриантов обвинят в пожаре, а может быть, и в преднамеренном поджоге. Всех их могли арестовать, и тогда вся группа была бы раскрыта. Через несколько минут Ласик и его товарищи уже были задержаны работниками НКВД. "Крестьянин говорит, что вы устроили пожар", — заявили чекисты. Ласик ответил: "Да, очевидно, это я, только я во всем виноват. Я неосторожно бросил окурок. Репатрианты тут ни при чем. Я же советский гражданин, пойдемте и разберемся. Польские репатрианты ни в чем не виноваты". Еще до того, как чекисты задержали его, Ласик успел спрятать советские документы отъезжавших и большую сумму денег.

Это — первая часть истории, но стоит рассказать, как и что делали товарищи Ласика, уехавшие в эшелоне, чтобы спасти его от ареста. Среди уезжавших находился Залман Лифшиц с семьей — старой матерью, женой и маленьким ребенком. Залман вызвался сообщить об аресте Ласика товарищам в Вильне. Когда поезд остановился на ближней станции, он выбрался из вагона и среди ночи добрался до Вильны. Прячась от патрулей, так как никаких документов у него не было, он пришел на квартиру своего брата Рафаэля. Оба они поспешили разбудить Яку. Тотчас же было решено, что Рафаэль отправится в Глубокое, чтобы попытаться вызволить Ласика. Более срочным делом было доставить Залмана к эшелону, продолжавшему свой путь. Если состав прибудет на границу без него, могут арестовать его семью и всех остальных: у них были общие документы. Договорились, что за 2000

рублей шофер с джипом возьмет его и попытается догнать поезд. Но оказалось, что поезд уже прибыл в Вильну. Таким образом, Залман вовремя вернулся к своей перепуганной семье и товарищам. А Рафаэль тем временем отправился на товарном поезде в Глубокое выручать Ласика. Но тот уже сам освободился, пообещав крестьянину возместить ущерб.

Однажды понадобилось срочно переправить группу из 12 человек из Вильны в Новогрудок, в 60 км от города. Как назло, не удалось достать командировки на нужный день. Яка поручил Рафаэлю Лифшицу найти выход. Тот решил, что самым верным будет отправить группу на грузовике... НКВД. Рафаэль уселся в маленькой столовой возле здания НКВД и стал прислушиваться к разговорам обедавших. Так узнал он из слов одного парня, что тот работает шофером на чекистском грузовике и что родом этот парень из Минска. Рафаэль нашел на карте местечко близ Минска. Придя назавтра в столовую, он разговорился с этим шофером, и, к радости обоих, "выяснилось", что они земляки. Они сразу подружились. В дружеской беседе за рюмкой водки Рафаэль рассказал шоферу, что сам он — инвалид войны, постоянной работы у него нет. Сейчас как раз подвернулась возможность подработать несколько сот рублей, если он отвезет группу евреев-репатриантов из Вильны в Новогрудок. "Может, провернем это дело? Чтоб эти евреи убирались ко всем чертям в свою Польшу!" — предложил Рафаэль своему новому другу. Тут же ударили по рукам. Назавтра, в воскресенье, когда у шофера был выходной, он посадил в грузовик группу евреев и отвез, куда нужно. Милицейские патрули на дорогах пропускали без проверки чекистскую машину, "везшую работников на срочное задание". Группа благополучно прибыла на место.

Спустя несколько недель хладнокровие и находчивость Левки Минделя спасли организацию от провала и ареста. Вот рассказ Левки:

"Казалось бы, все было в порядке с той немалой группой, с которой отправились через границу несколь-

ко активистов, в том числе и Мулька. Перед самой отправкой эшелона вдруг вошел высокопоставленный польский представитель и стал проверять отъезжающих. И вдруг он наткнулся на незнакомые лица. Начал спрашивать их по-польски, кто они и откуда — никто из группы ни слова не знает по-польски. Потребовал документы — на документах его подпись была подделана. Я же, все устроив и посадив уезжавших в вагон, уже ушел со станции. Вдруг прибегает ко мне Екутиэль Шур, бледный как мел и говорит: “Дело плохо. Нас собираются арестовать. Дело пахнет тюрьмой на много лет для всех, включая женщин и стариков”. Я тут же вскочил в вагон, собрал документы моих отъезжающих и подошел к польскому представителю, проводившему проверку. Он понял, что я тут посредник и сказал: “Я проверил документы. Кроме печати, все подделано”. Я спокойно ответил: “Возможно, пане. Я не спорю. Однако речь идет о жизни и судьбе людей. Если дело в деньгах, я готов заплатить. Но если вы хотите поиграть человеческими жизнями, то знайте, что первым пострадаете вы сами. Ваши махинации мне хорошо известны”. Поляк ответил: “Ладно, только сначала скажи мне, кто подделал мою подпись”. “Я готов рассказать вам все, — ответил я, — но сначала состав должен тронуться в путь”. В этот момент подошел советский представитель и говорит: “Я слышал, подписи не в порядке”. С ним я справился быстро: “Если хочешь сидеть в тюрьме, обещаю тебе, что скоро сядешь”. Парень, у которого, как видно, тоже рыльце было в пуху, тотчас убрался. Тем временем раздался сигнал отправления. Я опять пообещал поляку рассказать все позднее. Вскочив в вагон, передал Екутиэлю все документы. Группа благополучно отправилась в путь”.

Рассказ этот имеет продолжение. Левка Миндель продолжал делать вид, будто ему известны все махинации поляка и намекнул, что на него донесла женщина. Однако он, Левка, в состоянии выручить его. Все это, конечно, было выдуманно. За обещание спасти его от неприятностей и возможного ареста, поляк обязался помогать людям, едущим за границу. Поскольку

сам он не желал впутываться в это дело, он дал Левке записку к своему другу Карпову в Барановичах с просьбой оказать Левке помощь. Связь же с Карповым в Барановичах оказалась в дальнейшем очень полезной.

В июле 1946 года, когда чекисты напали на след организации в Риге, и земля горела под ногами, Мулька с Якой приехали в Ригу с целью сделать что-либо для освобождения Ильки Зайдина. Кроме того, Мулька хотел убедить свою сестру Рут, чтобы она вместе с семьей уезжала как можно скорее. Ввиду опасности ареста Мулька и Яка не выходили из дому. Когда пришла пора им возвращаться в Вильну, пришлось придумывать, как им добраться туда не по железной дороге. Вот что рассказывает об этом Аарон Ландсберг:

“В течение июня—августа я не раз ездил из Риги в Вильну и обратно в качестве связного. Приезд Мульки и Яки в Ригу удивил нас — тех, кто еще оставался в Риге для работы. Мулька и Яка попросили меня устроить их возвращение в Вильну. Я переговорил с шоферами такси, но они все как один отказались ехать по этой дороге, опасаясь латышских и литовских партизан-националистов. Оставался один путь —лететь самолетом. Я поехал вместе с ними в аэропорт в закрытой пролетке. Там мы нашли грузовой самолет, в котором отправляли театральные декорации из Риги в Вильну. После долгих переговоров летчик согласился взять двух пассажиров, которые разместились среди декораций”.

Теперь мы вернемся к предпринятому ребятами оригинальному маневру, который предшествовал описанным событиям.

Айзик Кац не был демобилизован из армии, он продолжал служить в спецотделе лагеря военнопленных и принимал участие в допросах немцев. Когда пришло ему время (одним из первых) отправляться в Польшу, встала проблема безопасности. Ввиду того, что Айзик занимал такой пост, его неожиданное исчезновение навело бы, возможно, чекистов на след организации. Поэтому решили, что Айзик попросит отпуск на 40 дней, “чтобы съездить за невестой в Ташкент”.

Там должна была произойти “авария”, в которой он “погибнет”. В то время в Ташкенте еще находились две наши девушки в связи с болезнью одной из них. Однажды они получили из Риги шифрованное указание раздобыть свидетельство о смерти Айзика. Сделать это было не просто. После долгих стараний они раздобыли справку из больницы о том, что больной солдат Айзик Кац был госпитализирован и умер от тифа. В справке были некоторые дополнительные подробности: на каком кладбище он похоронен, и даже — номер могилы. Эту справку “невеста” Айзика послала в его часть, сопроводив ее письмом, политым слезами. Товарищи по части устроили по нем поминки, опечаленные горькой участью друга, который вместо того, чтобы выбрать себе невесту по сердцу в Риге, захотел сохранить верность ташкентской невесте и нашел там свою смерть.

Неудачи, даже если они кончались тогда благополучно, и комбинации подобного рода не могли пройти бесследно. Советская разведка пыталась найти следы неизвестных. Неудивительно, что рижские чекисты обратили наконец внимание на то, что десятки евреев исчезают из города один за другим. Рижские товарищи довольно рано узнали о том, что чекисты заинтересовались этим. Несколько друзей, связанных так или иначе с НКВД, вовремя предупредили об этом. Некоторые из них по дружбе даже советовали прекратить деятельность. В Вильне у товарищей тоже были связи с людьми, поставлявшими им важную информацию.

Многие рижские и виленские евреи знали о происходившем, ибо среди исчезающих были их товарищи, друзья, соседи по квартире, иногда даже родственники. Однако “еврейская улица”, как правило, с симпатией относилась после войны и Катастрофы к организации, переправлявшей евреев в Палестину. Многие из оставшихся завидовали уезжавшим и надеялись со временем отправиться вслед за ними. Поэтому среди евреев органы госбезопасности не могли найти себе подходящих осведомителей.

Мы уже упоминали выше об офицере советской

армии, который, будучи "верным" членом коммунистической партии, оказывал большую помощь товарищам. Этого офицера вызвали в соответствующие органы и попросили помочь обнаружить в Вильне нелегальную организацию, занимающуюся отправкой евреев в Польшу. Человек этот добрался до виленской группы и сказал им: "Друзья, от меня требуют обнаружить вашу организацию. Вот я "обнаружил" и пришел..." Человек этот сотрудничал с организацией и выполнил немало заданий, пока не пришла его очередь уехать в Польшу.

Когда же в январе были задержаны грузовики с евреями, пытавшимися перебраться в Польшу, органы безопасности Литвы усилили поиски. Позднее, в конце июня, в Риге была арестована группа членов Бейтара, что, в свою очередь, привело к аресту Ильки Зайдина. Ильяка играл важную роль в рижской организации. Но в период между этими событиями организация действовала активно и выполнила свою задачу. Положение в Вильне становилось все опаснее. За квартирами уже была установлена слежка. Не раз товарищам приходилось ускользать от преследований в последний момент и менять жилье. Однако деятельность не прекращалась.

Вот что рассказывает в связи с этим Цви Нецер:

"Русские, конечно, знали о выезде евреев в Польшу, так же как и о потоке из Польши на юг. Вначале они не обращали внимания на это, а возможно, даже смотрели благосклонно. Политика, проводившаяся сверху, состояла в том, чтобы вредить англичанам, используя стремление евреев в Палестину. Пока русские видели в этом бегство одиночек по личной инициативе, они смотрели на это сквозь пальцы. Но вскоре им стало ясно, что за одиночными побегами стоит организация, быть может, руководимая людьми, засланными из Палестины. Этого они допустить не могли. Такую организацию они должны были уничтожить".

Спустя некоторое время органы безопасности в Москве убедились, что их отделам в Литве и Латвии почему-то не удастся раскрыть организацию, и та про-

должна действовать. Тогда из Москвы была прислана специальная оперативная группа. Она-то после продолжительной слежки и погони арестовала двух ее руководителей, оставшихся последними — Мульку и Яку, но об этом еще будет сказано ниже.

ЦЕНТР ВО ЛЬВОВЕ

Еще до окончания второй мировой войны евреи начали возвращаться из эвакуации во Львов. Благодаря географическому и административному положению Львов, оторванный от Польши и присоединенный к Украине, превратился в перевалочный пункт для десятков тысяч польских и румынских евреев-беженцев, возвращавшихся домой, и в важный центр польской репатриации. Это было совершенно легально и законно. Таким образом, Львов превратился в магнит для многих евреев из внутренних районов СССР и Прибалтики, не имевших права на репатриацию в Польшу. Не случайно Львов стал центром нелегальной алии.

Ради полноты картины вернемся к ташкентскому периоду. В первые годы войны между членами ташкентской коммуны и Копелем Скопом, оказавшимся в Киргизии, вблизи китайской границы, не было никакой связи. Тогда-то и разошлись их пути, ибо они ничего не знали друг о друге. Когда Копель в начале 1944 года приехал в Ташкент, он и не подозревал, что его лучшие друзья находятся поблизости. Чисто случайно, в трамвае, Копель встретил одну девушку из движения, и после этого они стали периодически встречаться в Ташкентском институте, куда Копель ездил из Киргизии. Разговоры вращались вокруг одной и той же темы: как выбраться из Советского Союза.

С того времени как началась репатриация в Польшу, Копель стал искать возможность выехать из Союза в качестве "польского гражданина" — это был тогда единственный доступный путь. Когда возможность эта стала реальной, Копель поехал в Ташкент, чтобы посоветоваться с товарищами. Все товарищи, в том числе и Яка (Мулька уже был тогда в Москве), поддерживали его. Они договорились так: если во Львове выяснится, что такая возможность действительно существует, то Копель займется переправкой за границу всей группы. Так, с благословения товарищей Копель отправился

во Львов. О дальнейшем развитии событий подробно рассказывает сам Копель:

“Хотя перед отъездом я заручился благословением и поддержкой товарищей, отправлялся я во Львов с тяжелым сердцем. У меня не было там ни одного знакомого человека, и я ни слова не знал по-польски. Не знал даже, где переночевать первую ночь. К счастью, я сразу наткнулся на одного еврея, который работал со мной на заводе в Киргизии. Другой еврей проводил меня в центр еврейской общины.

Я быстро ознакомился с обстановкой во Львове. Там каким-то чудом сохранился еврейский общинный центр. Руководителем общины власти назначили советского еврея, которому поручили заниматься вопросами репатриации. Хотя не было никакого сомнения в том, что глава общины полностью зависит от органов безопасности и должен обо всем им доносить, я решил поговорить с ним откровенно. Я сказал ему, что хочу выехать в Польшу, а если удастся, то и дальше. Поэтому я бы хотел знать, сможет ли он выдать мне эвакуационный лист — документ, дающий право на репатриацию в Польшу. Я добавил, что у меня есть некоторая сумма денег, собранная за годы войны, которую я готов отдать ему, чтобы он помог другим евреям этими деньгами. Как видно, я чем-то понравился ему и вызвал его доверие. Он пригласил меня к себе домой. С удивлением я увидел большую, роскошно обставленную квартиру, что в те дни было большой редкостью. Вначале даже подумал, что попал в ловушку. Однако глава общины успокоил меня и заговорил вполне открыто. Он рассказал, что у него есть сестра в Палестине, и дал мне ее адрес. Во время беседы я убедился, что мой собеседник всем сердцем переживает трагедию еврейского народа и готов помогать евреям в рамках своей должности, правда, не слишком выходя за пределы своих полномочий.

Мы продолжали встречаться. Однажды он рассказал мне, как ему больно, что многие еврейские дети, спасенные в годы войны христианами, воспитываются в монастырях. Он сам помог выручить оттуда некото-

рых из них. Их родственники в США прислали деньги, он выкупил детей и переправил их к родным. За доллары некоторые монахи готовы вернуть еврейских детей. Сейчас у него нет необходимых средств для того, чтобы выкупить еще детей и вернуть их своему народу.

Этот рассказ произвел на меня очень сильное впечатление. Спустя несколько дней я пришел к нему и сказал: “Я думаю, что, попав в Польшу, найду там евреев, которые примут близко к сердцу судьбу этих детей. Поможете ли вы мне, если я вернусь сюда с этой целью?” — “Я к твоим услугам”, — ответил он. Это был самый подходящий момент, чтобы добиться от него максимально возможного из того, что мне нужно. “В Советском Союзе находится много сионистов, которые желают уехать в Польшу. Мне нужно 300 эваколистов, чтобы вывезти моих товарищей”. — “Это мы уладим”, — последовал ответ.

Я должен был поскорее сообщить об этом в Ташкент. Но как? Я купил учебник географии на русском языке. На обложке надписал: “На память другу Яке в день рождения”. В самой книге я поставил точки под соответствующими буквами. Так я зашифровал сообщение и адрес. Перед выездом в Польшу я договорился с главой общины, что он поможет любому, кто явится к нему и назовет мое имя и фамилию. Кажется, я даже оставил ему список некоторых имен.

В первые дни по приезде в Польшу я был в приподнятом настроении. Это было в Кракове. Никто здесь не боялся говорить открыто о выезде в Палестину. Был кибуц Гашомер гацаир, был Еврейский комитет. Если ищешь центральный комитет Гехолуц, езжай в Лодзь, улица Полуднева, 18, — сказали мне. Поехал. Было это в конце ноября 1945 года, через 2 месяца после моего приезда во Львов.

Приехав по указанному адресу, я нашел то, что тогда там называлось “кибуц”. В трехэтажном доме комнаты забиты кроватями и людьми. У первого встречного я спросил, к кому обратиться по вопросу о выезде в Палестину. Бегая по этажам, я наткнулся на краси-

вого парня с длинными усами. Он показался мне знакомым. Мулька Иоффе! Он узнал меня. Мы обнялись и расцеловались, не пряча слез радости“.

Так случайно соединились концы нитей.

Отныне дела быстро покатились по новому пути. Мулька тогда возвратился из Италии и занимался в Лодзи подготовкой к поездке в Советский Союз. Информация, которую передал Копель Скоп насчет связей и возможностей во Львове, была исключительно важна, и ее тут же использовали в разработке общего плана деятельности польского центра алии. Из этой же информации естественно вытекало, что Копель должен вернуться во Львов и создать там центр. Если вспомнить те сомнения и колебания, которые вызвало Мулькино предложение об отправке его, Мульки, за “железный занавес“, неизбежно встает вопрос, как же можно было предлагать послать навстречу опасности второго человека, обладающего теми данными, что и Мулька. Видимо, Мулька своим личным решением принять на себя опасную миссию, создал некий прецедент, явившийся психологическим и моральным стимулом для предложения отправить во Львов Копеля Скопа. Копель не предлагал себя, но выразил готовность выполнить все, что ему будет поручено. Вот что говорит по этому поводу сам Копель:

“Мне было очень тяжело возвращаться в Советский Союз. Я знал, что это очень рискованно. Ввиду семейных обстоятельств я хотел поскорее попасть в Палестину. Думал, что товарищи, может быть, обойдутся без меня. Но когда мне предложили вернуться, я согласился. Как только выяснилось, что я еду, сомнения прекратились. Я и сам не понимаю, как у меня хватило мужества вернуться туда с таким поручением. Только знаю, что это было мое личное решение, решение моей совести. В те дни я был под впечатлением рассказов евреев, спасшихся от Катастрофы. Когда я бродил с Антеком* по развалинам Варшавского гетто

* Антек — один из руководителей восстания в Варшавском гетто.

и слушал его рассказ о страшной трагедии и героическом восстании горстки евреев, я сказал себе: все, что мы сделали до сих пор в Советском Союзе ради нашей идеи, недостаточно. Можно и должно требовать от нас большего. Не я один испытывал это чувство вины перед погибшими за то, что остался в живых. Тяжелая жизнь закалила нас. Не раз в течение четырех лет войны подстерегала нас смерть от пули или от голода. II если выжил, когда многие мои товарищи погибли, то это обязывает меня ко многому. IIIлихим из Палестины, приехавшие в Польшу, говорили об исторических событиях в жизни нашего народа, которые вскоре должны произойти. Эти разговоры тоже, как видно, направили мои мысли в сторону безусловной готовности отдать себя целиком борьбе. Поэтому у меня не было никаких сомнений в том, что товарищи правы, требуя от меня пойти на риск“.

После принятия решения ушло еще несколько недель на организационную подготовку. Надо было достать документы, договориться о способах связи и координации действий, получить инструкции на непредвиденный случай и т.д. Среди прочего Копель получил адреса 200 человек в СССР, большей частью членов молодежных сионистских организаций. К ним всем должен был дойти призыв выезжать в Польшу, используя репатриацию. Тот, кто не был гражданином Польши, мог получить польское гражданство с помощью эваколиста, подписанного главой львовской общины. На случай, если не хватит документов, которые Копель надеялся получить во Львове, его снабдили бланками, изготовленными в Польше. Кроме того, Копель получил адреса нескольких человек во Львове, которые могли ему помочь. Один из этих людей, член польского Гашмер гацаир, должен был войти в состав организации. Позднее планировалось послать из Лодзи во Львов еще 5—6 человек.

Так Копель превратился в польского гражданина по имени Герш Муравчик, который служил в советской армии, был дважды ранен на войне и вернулся в Польшу. По закону польский гражданин, служивший в со-

ветской армии и вернувшийся в Польшу, имел право возвратиться в СССР и поселиться там. Герш Муравчик “выбрал” эту возможность.

Цви Нецер так определял задачу, возложенную на Копеля:

“Мы планировали заложить во Львове основу для широкой деятельности, так как Львов находился на пути из России в Польшу, и мы полагали, что через него съедут многие тысячи евреев. Нам было известно, что тысячи евреев, беженцев из Румынии, а также советские граждане приехали во Львов и ищут способа переправиться в Польшу. Нашей задачей было помочь тем, кто не мог выбраться своими силами. Так, через Львов выехали группы хасидов, которыми мы занимались в Польше. Мы знали, что в городе действует небольшая группа выходцев движения Ганоар гациони из Польши. Поэтому Копелю было поручено создать во Львове большую разветвленную организацию. Мы собирались послать вслед за ним еще несколько товарищей, которые должны были составить актив под руководством Копеля. По плану некоторые из них должны были отправиться в города Средней Азии, чтобы побудить там евреев использовать возможности репатриации.

Поскольку Копель страстно хотел помочь делу выкупа и спасения еврейских детей из монастырей, мы благословили его и на это дело. Однако спасение детей было лишь побочной его задачей. Мульке и Копелю было дано строжайшее указание не держать никакой связи между центрами во Львове и в Вильне. В случае, если дело в Вильне не пойдет, мы собирались поручить Копелю позаботиться и о латвийских евреях. Но для этого связь между ними была излишней и рискованной. Короче, Копель во Львове должен был делать ту же работу, что в Вильне — Мулька”.

Остается только добавить, что в глазах Мульки Копель должен был, в случае надобности, стать “нашим человеком во Львове”. Так же считал и сам Копель: “Я, конечно, должен был заботиться о выезде любого еврея. Но ясно, что в первую очередь я помог бы чле-

нам нашего движения — по той простой причине, что я знал их лично и знал, где они находятся“.

10 февраля 1946 года Копель Скоп прибыл из Лодзи во Львов. Через 16 дней он был арестован. Весь намеченный план провалился с самого начала. Попробуем теперь восстановить развитие событий.

Приехав во Львов, Копель пришел на квартиру к тому верному советскому еврею, у которого он жил до поездки в Польшу. В соответствии с полученными перед выездом указаниями Копель должен был, в первую очередь, легализовать свое положение в городе. Перед отъездом в Польшу Копель оставил у того еврея на хранение свои подлинные советские документы. Хозяин квартиры сохранил их и вернул в целости. Поэтому Копель мог выбирать между двумя путями легализации: оставаться демобилизованным польским солдатом Гершем Муравчиком или стать снова тем, кем он в действительности был в годы войны, — советским гражданином Копелем Скопом. Последний вариант был во всех отношениях наилучший. Рассказывает Копель:

“К счастью, я встретил во Львове двух надежных друзей, с которыми познакомился еще в годы войны во Фрунзе. Оба — Иегошуа Франкфурт и Иосиф Нейман — были воспитанниками молодежных халуцианских движений в Польше. Они собирались выехать в Польшу. Я попросил их остаться со мной на некоторое время и помочь мне устроиться. Оба тут же согласились. Прежде всего нужна была львовская прописка. Друзья предложили мне одного “махера“, который мог сделать мне прописку на мое настоящее имя, но он просил за это не меньше 5000 рублей. Я считал, что не в праве израсходовать так много общественных денег на себя (5000 рублей тогда были равны приблизительно 25 долларам). Я решил поискать более дешевый способ. Шел день за днем, и я по-прежнему ходил в форме демобилизованного солдата, с фальшивыми документами, без прописки и к тому же еще без постоянного места жительства. Это было грубой ошибкой“.

В таком положении Копель сразу же занялся орга-

низационной деятельностью. Первым делом он обратился к главе общины.

“Глава общины принял меня очень приветливо и сказал: “Мы с тобой будем делать большие дела“. Встречался с ним я почти ежедневно и вскоре убедился, что он чересчур интересуется моими финансовыми возможностями. По этому поводу мы поспорили. Я заявил, что помогать мне — его моральный долг. Я хотел, чтобы и для него это было делом совести, а не просто денежной махиндсией. Правда, у меня есть деньги, сказал я ему, но он должен нам помогать и после того, как деньги кончатся“.

Еще не закончив переговоров с главой общины, Копель начал предпринимать практические шаги для спасения еврейских детей из монастырей. Тот самый еврей, в доме которого Копель нашел прибежище, согласился без лишних слов отправиться по монастырям и вести переговоры с монахами о выкупе еврейских детей. Он успел совершить две поездки с этой целью. Благодаря адресу, полученному в Польше, Копель познакомился с Авраамом Астом, который предоставил себя в его распоряжение. Через него Копель познакомился с молодой еврейкой, выразившей готовность участвовать в спасении детей. Она должна была сопровождать их во Львов, а оттуда — в Польшу.

Так разворачивались дела во Львове, и по ходу дел всплывали одна за другой конкретные задачи.

Однажды к Копелю явился молодой офицер, еврей из Ленинграда, и заявил, что издавна увлекался идеей сионизма и теперь бежал из своей части во Львов, чтобы ребята переправили его в Польшу, а оттуда, естественно, в Палестину. Сама встреча с таким человеком была рискованной. Но Копель не мог пройти мимо и раздобыл для него эваколист у главы общины.

Едва тот ушел, как приехали из Вильны три участника движения: Яков Хейфец, Айзик Кац и Лейбл Лемперт. Двух последних надо было срочно персправить, чтобы избавить их от опасности. Эта задача была возложена на Копеля спустя всего несколько дней после его приезда во Львов. Это противоречило указа-

ниям, полученным в Польше, и Копель справедливо возмущался. Однако одно дело — возмущаться, другое дело — спасти товарищей.

Необходимо объяснить здесь, почему это дело оказалось таким срочным. Был как раз промежуточный период между провалом “грузовиков” и открытием новых путей в Вильне (от начала января до второй половины февраля 1946 года). Лейбл Лемперт приехал в Вильну, дезертировав из армии, и если бы его поймали, то ему угрожало бы тяжелое наказание. Айзику, как мы уже рассказывали, пришлось вовремя исчезнуть со своего поста — он был офицером НКВД. В те дни возможности выезда через Вильну были еще слишком неясны, и поэтому все трое отправились во Львов. Им дали адрес не самого Копеля, а одного человека из его группы. В Вильне полагали, что будет нетрудно добыть для них эваколисты через главу общины.

Копель обратился к главе общины с просьбой срочно дать ему три репатриационных разрешения, хотя еще не закончены были переговоры о получении нескольких сотен эваколистов сразу. Эта просьба была во всех отношениях несвоевременной и оказалась безрезультатной. Этот человек не смог достать документы и просил подождать несколько дней. Ввиду срочности дела Копель решил испробовать другой путь. Но следующий же шаг привел его к аресту.

Вот как, по рассказу Копеля, развивались события:

“Я был озабочен вопросом, как отправить эту тройку. Поскольку глава общины попросил подождать несколько дней, я решил обратиться к Залману Шейнербергу (Шейнерберг, член польской организации сионистской молодежи, находился во Львове по поручению своей организации. В настоящее время живет в Тель-Авиве). Я отправился на какую-то квартиру. Обычно Абрам входил первым, а я ждал снаружи. Когда выяснялось, что все в порядке, я входил тоже. И на этот раз Абрам сказал, чтобы я ждал на улице, пока он не позовет. Я возразил ему: “Если есть опасность, то почему ты должен рисковать вместо меня?” И мы — впервые вместе — вошли в квартиру. Едва

мы открыли дверь, как с приказом "Руки вверх!" нас встретили оперативники.

Выяснилось, что чекисты напали на след Залмана Шейнбергера, и в это утро он был арестован. В квартире была устроена засада, и каждого, кто в этот день — случайно или не случайно — заходил в эту квартиру, работники НКВД тут же арестовывали. После этого в течение короткого времени один за другим во Львове были арестованы все те, кто так или иначе были связаны с организацией нелегальной алии из города. Среди арестованных были Иосиф Нойман и Иегошуа Франкфурт, помогавшие Копелю. Спустя месяц Иегошуа был освобожден, так как Иосиф Нойман заявил, что только он сам связан с этим делом, а Иегошуа не имеет к нему никакого отношения.

Самым тяжелым ударом явился арест специальных шлихим из польского центра организации алии через несколько дней после их прибытия из Лодзи во Львов, на пути в Среднюю Азию. Иерахмиэль Яновский и Женя Клесс (ныне в Гиватаиме) выехали прежде, чем в Лодзи стало известно об аресте Копеля и его товарищей. Оба они были пойманы со всем снаряжением, частично предназначавшимся для львовской группы: бланками, поддельными документами, крупными суммами денег в долларах и в польской валюте и т.п. Два товарища, посланных из Польши специально, чтобы выяснить, что произошло во Львове, тоже были арестованы немедленно по приезде.

Провал был полный. Работники госбезопасности во Львове убедились, что они напали на след большой организации, руководимой, как видно, из-за границы. Когда сведения дошли до Москвы, оттуда прибыла специальная следственная группа для выявления всех участников дела.

Когда весть о провале дошла до Лодзи и Вильны, и товарищи попытались разобраться в причинах провала, то все сошлись на мнении, что имело место предательство кого-то из участников организации. Подозрение пало на одного из двух участников польской организации Ганоар гациони, присланных во Львов для

того, чтобы спасти своих товарищей. Вскоре это подозрение подтвердилось. Со временем выяснилось, что этот парень “раскололся” и согласился сотрудничать с НКВД. Он был арестован после того, как вернулся из поездки на Север, куда он ездил по делам своей организации. Вместе с ним был арестован его товарищ по организации Давид Померанц. Но еще до того, как подозрения подтвердились, центр в Польше начал принимать срочные меры, чтобы прежде всего раздобыть информацию, а затем попытаться любым способом освободить арестованных. С этой целью были немедленно приняты все возможные меры.

Эту задачу не только нельзя было поручить виленской группе, но даже и ту связь, которая была у них с Копелем, нужно было немедленно оборвать во избежание риска. Однако, вопреки всем указаниям и доводам разума, виленские ребята решили, что они не могут сидеть сложа руки, когда их товарищи находятся в опасности. “Все, кто работал с Мулькой, были уверены, что пока он на месте, товарища не бросят в беде и будет сделано все, чтобы выручить его. Сам Мулька сделает все необходимос. Так мы и понимали нашу задачу после провала во Львове”, свидетельствует Яка.

Мулька выехал во Львов, снабженный новенькими личными документами. Это, конечно, не уменьшало риска. Его могла обнаружить оперативная группа, продолжавшая разыскивать причастных к львовскому делу людей. Поэтому было решено, что в поездке для маскировки его будет сопровождать молодая женщина. Эту роль поручили Ривке Шломович. В ее задачи входило следить за сыщиками, путать их, замечать следы и предупреждать Мульку об опасности. Если же один из них будет арестован, то второй сможет удрать. Самой же главной целью было выяснить действительно ли тот, на кого пало подозрение, — предатель.

По улицам Львова пара ходила порознь, встречаясь каждые два часа на центральном почтамте или на перекрестке. При встречах они только обменивались взглядами, жестами или парой слов, сказанных шепотом. Они условились, что если один не пришел на

встречу вовремя, значит, “пахнет жареным” и надо убираться в Вильну.

Во Львове Мулька повидался с несколькими людьми, но ничего не выяснил. Несмотря на риск, он не хотел уезжать, не проверив подозрения, павшего на С.К. И он решился на отчаянный шаг: встретиться с самим этим человеком. Если после встречи за Мулькой начнется слежка, значит, человек этот — доносчик. Так и получилось.

Через несколько часов после встречи Мулька заметил, что за ним следят. Убедившись, что ускользнуть от слежки не удастся, он решил взять “проводящих” измором. Усевшись на скамейке в аллее, Мулька принялся читать газету. Так он просидел, погруженный в чтение, часов пять подряд. К вечеру он заметил, что филеры проявляют признаки усталости. Тогда он вдруг вскочил и побежал по темным улицам. Те бросились за ним, но Мулька сумел ускользнуть и заскочить в дощатую уборную в каком-то дворе. Сыщики обыскивали все квартиры в доме, но в уборную во дворе заглянуть не догадались. Когда они, разозленные неудачей, ушли, Мулька отправился на вокзал.

О том, как разворачивались события дальше, рассказывает Ривка Шломович—Ландсберг:

“На третий день по приезде во Львов мы встретились в 9 часов утра на центральном почтамте. Мулька, проходя мимо меня, прошептал: “За мной следят. Будь осторожна. Если через два часа сюда не приду, смывайся”. Когда я вернулась в гостиницу, где мы оба остановились, я поняла, что будут следить и за мной. В вестибюле возле регистратуры сидели два сыщика. Одна из служащих гостиницы, которая получала от меня раньше кое-какие подарки, предупредила, что ищут моего кавалера. Обдумав, что мне делать и как замести следы, я подошла к регистраторше и громко сказала ей: “Я ухожу, вернусь минут через 20. Мой друг должен скоро прийти сюда. Скажите ему, пожалуйста, чтобы он не уходил и подождал меня здесь”. И отправилась на вокзал. Я уже собиралась послать в Вильну телеграмму: “У нас родился сын”, что озна-

чало “Мулька арестован”, как вдруг заметила в сумерках Мулькину фигуру. Я чуть не вскрикнула от радости. Так мы нашли друг друга и сели в первый подвернувшийся поезд, не зная, куда он едет. Приехали в город Стрый и там нашли убежище у знакомых. Не без приключений, но благополучно вернулись мы в Вильну“.

Одна из целей поездки была достигнута — предатель был выявлен. Ясно, что к нему людей уже посылать не будут. Это было во второй половине марта. Но еще нужно было срочно принимать меры для вызволения арестованных или, по крайней мере, помочь им деньгами и юридической консультацией. Не менее важно было спасти путь выезда через Львов. Для этого виленские товарищи решили предупредить главу общины о предателе, и Ривка опять поехала во Львов — всего через две недели после того, как она вместе с Мулькой ускользнула оттуда. Вот продолжение ее рассказа:

“На этот раз я поехала не со своими документами, а с паспортом моей подруги, уже уехавшей из СССР. Я заучила ее личные и семейные данные, но от страха то и дело забывала самые важные детали, которые мне могли понадобиться. Я приехала во Львов к самому пасхальному сейдеру, вся в напряжении от страха. Побоявшись пойти в гостиницу, попыталась найти ночлег у добрых людей, но безуспешно. Тогда я уселась на скамейку прямо на вокзале и стала разглядывать окружающих. Я заметила девушку, шагавшую взад-вперед, как будто искавшую кого-то. Я было приняла ее за проститутку, поджидающую клиентов. Тут мне пришло в голову, что у такой можно спокойно переночевать. Я обратилась к ней и с удивлением услышала, что она ищет женщину, которая бы согласилась помыть полы в офицерской столовой за еду и ночлег. Я охотно взялась. Несколько часов я старательно драила деревянный пол в огромной столовой. Потом, усевшись возле горячей печки, я задремала. Так я спокойно проспала до утра, а затем отправилась по делам. Окольными путями мне удалось связаться с главой

общины, и он назначил мне встречу. Из папиросы я достала тонкий листок бумаги — письмо для него“.

В письме виленских товарищей были две вещи: во-первых, сообщение, что С.К. — предатель; а во-вторых, просьба помочь нашим товарищам в тюрьме. Насчет первого сообщения он сказал, что это ему известно. Он и сам давно подозревал этого человека. что же до арестованных, то он рассказал, что Копеля следователи мучают без передышки. Он держится и ничего лишнего не говорит.

Помимо встречи с главой общины, Ривке было поручено еще встретиться с Лелей Гуревич и Мулей Львовым — членами движения, которые, потеряв связь с товарищами, самостоятельно добрались до Львова и безуспешно пытались выехать в Польшу. Они очень боялись, что волна арестов захватит и их. Так была установлена с ними связь, и позднее Екутиэль Шур помог им перебраться в Вильну.

Прошло несколько недель, а положение арестованных во Львове не изменилось. Помощь извне к ним еще не дошла. Тем временем, как было рассказано выше, наладились и работали полным ходом пути нелегального выезда через Вильну. Ребята всецело отдались этому делу. Но Копель и его товарищи не были забыты. В начале мая Екутиэлю Шуру подвернулся случай поехать из Риги во Львов, чтобы попытаться что-то сделать для них.

Дело было так. В Риге Екутиэль жил на квартире у одной еврейской семьи. Узнав, что эта семья имеет во Львове родственников, и один из них — офицер контрразведки в советской армии, он решил попытаться использовать это обстоятельство, чтобы как-то помочь заключенным. С помощью какой-то уловки ему удалось получить отпуск в консерватории и приехать по командировке во Львов. Рассказывает Екутиэль:

“Во Львове я остановился в квартире контрразведчика, так что лучшей маскировки и желать было нельзя. Хозяева квартиры — еврей-офицер и его жена — приветливо приняли меня и пригласили на вечеринку, которую они устраивали для офицеров разведки. Из

разговора с контрразведчиком я понял, что он ничего не знает об аресте группы сионистов во Львове. Я убедился, что пользы от него не будет, и связался с главой общины. Встреча с ним состоялась на улице и длилась часа два. Я представился как “человек, приехавший с севера” и попросил его помочь вызволить арестованных. Если для этого нужны деньги, то мы найдем их.

Человек этот почему-то с первой минуты поверил мне и рассказал, как он помогал переправлять многих евреев за границу, но он не в состоянии исполнить любую просьбу. Ведь он все же зависит от властей и иной раз буквально разрывается между молотом и наковальней. В конце концов я получил от него точные сведения о положении арестованных. Кроме того, он обещал организовать для них продуктовые передачи. Но к более далеко идущим планам он отнесся весьма сдержанно. Только пообещал не очень внятно помогать нам в дальнейшем. При расставании мои хозяева обещали принять в своей квартире моего близкого друга из Риги, талантливого пианиста, если он захочет приехать, чтобы “развеесться от несчастной любви”. Я думал тогда, что, быть может, Яка приедет во Львов, чтобы продолжить дело“.

Когда Екутиэль вернулся из Львова, товарищи в Вильне, обсудив положение, пришли к выводу, что цель поездки не достигнута. Время поджимало, действовать нужно было быстро и всеми возможными способами. Было ясно, что сами они не справятся. Нужен был человек с польским гражданством и с “чистыми” документами, находящийся в СССР на законных основаниях. В случае опасности такой человек мог бы законным образом обратиться в Польшу.

Самым подходящим кандидатом, отвечавшим всем этим требованиям, оказался Хаим Шер, воспитанник польской организации Гехолуц гацаир. Товарищи из Вильны знали его и поддерживали с ним связь. Познакомились с ним по рекомендации Цви Нецера, который был другом юности Хаима и товарищем его по организации. Будучи на службе в советской армии в чине лей-

тенанта, Хаим Шер успел выполнить несколько поручений Мульки и Яки. Кроме того, Хаиму должны были передать все нити в Вильне, после того как виленская группа выедет в Польшу. Поэтому необходимо было как можно скорее устроить демобилизацию Хаима из армии. Это было не так уж трудно, но требовало времени, а время было дорого. 26 июня во Львове состоялся суд над Копелем Скопом и шестью его товарищами. Хаим приехал туда в начале июля.

Суд происходил прямо в здании тюрьмы. Главным обвиняемым был Копель, который именовался в обвинительном заключении "агентом сионистской организации". Как и Копель, к 10 годам заключения был приговорен также Давид Померанц, воспитанник польской организации Ханоар хациони и посланный во Львов этой организацией. (Давид Померанц был тяжело ранен при аварии на шахте в Инте и умер там. О нем и его деятельности рассказано в книге Иегошуа Гильбоа "Хранить вечно"). Женя Клесс, Залман Шейнерберг и Абрам Аст получили по 8 лет, а Иерахмиэль Яновский — пять лет заключения. На суде все обвиняемые заявили, что Иосиф Нойман не принадлежал к сионистской группе, но их попытки добиться его оправдания оказались безуспешными, и он получил три года.

В весьма трудных условиях начал Хаим Шер искать пути к спасению арестованных. Каждый шаг был связан с большим риском, а шансов на успех было очень мало. После нескольких встреч с главой общины Хаим понял, что тот не в состоянии по-настоящему помочь ему. В это время Хаим узнал, что заключенных ежедневно возят на работу на мельницу в пригороде Львова, и у него зародился план организовать побег с места работы. Но после проверки от этого плана пришлось отказаться. Все другие варианты побега тоже оказались нереальными. В конце концов реальным оказалось лишь одно: опротестовать приговор. В советской юридической практике приговор иногда может быть смягчен, если жалобу подает престарелый родственник осужденного, находящийся у него на иждивении.

В Вильне товарищи нашли 70-летнюю женщину, "родственницу" Копеля. Хаим Шер отвез ее во Львов и проинструктировал, что ей нужно делать. Сначала необходимо было найти опытного адвоката, который мог бы оформить жалобу юридически и взял бы на себя защиту обвиняемых при рассмотрении дела в следующих инстанциях. Но тут выяснилось, что дело это очень сложное и может привлечь внимание к активной деятельности, продолжающейся в Вильне и ее окрестностях. Единственной реальной помощью заключенным оказалась только передача им продуктовых посылок.

О том, как жалоба все же была подана, будет рассказано ниже.

ЭТАП ВТОРОЙ

Вернемся в Вильну. В апреле—мае 1946 года нелегальный выезд продолжался практически без помех и провалов. К концу мая польская репатриация почти завершилась. В районе Вильны осталось лишь небольшое число лиц, имевших право на репатриацию, которые по разным причинам задержались в Советском Союзе. Право выезда сохранялось за ними, но уже не было необходимости организовывать специальные эшелоны для их выезда. В маленьких городках смешанные комитеты по репатриации были распущены. Так, жители Белоруссии могли отныне получать документы и визы для выезда только у особого советского представителя в управлении, находившемся в Барановичах. (Тонкую струйку последних репатриантов, ехавших отдельными семьями в обычных поездах называли по-польски “вазизкове“, т.е. “чемоданзики“).

Тогда же прекратили свое существование пункты сбора на путях нелегального выезда в Глубоком, Новогрудке и еще в одном-двух местечках. Что “период эшелонув“ кончается, было ясно заранее, и товарищи постарались предупредить удар. Вместе с тем было основание для опасений за судьбу дальнейшего выезда. Десятки участников движения и членув их семей все еще ждали своей очереди. В действительности перерыв между первым и вторым этапами был очень коротким. Страхи быстро улетучились.

Благодаря удачному развитию событий в руках товарищей оказалось заранее заготовленное “рекомендательное письмо“ к советскому представителю в Барановичах подполковнику Карпову. Здесь следует напомнить о находчивости Левки Минделя, который “спас от неприятностей“ польского контролера из комитета по репатриации и в качестве вознаграждения получил от него записку к его коллеге в Барановичах. В записке поляк просил советского представителя “оказать содействие предъявителю сего“. Письмо было адре-

совано не кому иному, как подполковнику Карпову, который был всесильен в делах репатриации.

Само по себе рекомендательное письмо еще не могло гарантировать успех. Обратиться открыто к подполковнику действительной службы, представителю властей, которого прочили на высокий пост в Белоруссии, и склонить его на преступление — это был дерзкий и рискованный шаг. Но, поскольку ключи от дальнейшего выезда находились в руках Карпова, иного выхода не было. И в этом случае решено было применить тактику, которая неоднократно оправдывала себя. На жаргоне группы организаторов эта тактика называлась “удар по мозгам”. Имелся в виду тот психологический шок, который получал человек, когда перед ним неожиданно выкладывали на стол крупную сумму денег... Задача “ударить по мозгам” Карпова была поручена Ласику Шломовичу. Эта комбинация сработала опять. Офицер высокого ранга не устоял и на завтра же дал положительный ответ.

Этой операцией Ласик закончил свою деятельность. Из соображений безопасности было решено переправить его в Польшу.

Реализацией нового пути занялся Левка Миндель, сумевший установить с Карповым отношения взаимного доверия. Все формальности теперь значительно упростились, и даже цена “за голову” понизилась. В Барановичах Левка получал от Карпова необходимые документы согласно заказу и привозил их в Вильну. Там кандидатов на выезд собирали и формировали “семьи репатриантов”, которые одной семьей, а иногда по две-три “семьи” выезжали через Барановичи к границе. Сопровождал их Левка Миндель, который сам добывал для них билеты и места в поезде.

На смену Левке был назначен Нехемья Гросс (умер в 1971 году в мошаве Сдэ-Элизер). Сначала расскажем вкратце о самом Нехемье и о том, как он вообще пришел к работе в организации. Как уже упоминалось, Цви Нецер поручил штабу организации в Вильне невозможную, казалось бы, задачу: вывезти с севера, из района Печоры, и переправить в Польшу старого члена

движения Гехолуц гацаир, арестованного в 1940 году вместе с группой халуцим, пытавшихся перейти границу. Эту сложную задачу — вызволить Нехемью Гросса — взял на себя Шимон Бекин. Как Шимону, несмотря на ряд помех, удалось успешно выполнить дело, — это целая эпопея, детали которой сплетаются в длинный и увлекательный рассказ.

Приехав в мае в Вильну, Нехемья отказался тут же отправиться дальше в Польшу. Под сильным впечатлением дерзких действий товарищей он решил принять участие в их работе. Сначала товарищи никак не хотели оставлять его и подвергать риску нового ареста. Но потом, когда им срочно понадобился еще человек для работы, согласились.

Так Нехемья начал сопровождать Левку Минделя в поездках к Карпову, выполняя роль “телохранителя”: он должен был проверять, нет ли слежки. Но дело шло гладко. Однако в глубине души товарищи постоянно опасались, как бы Карпову не пришлось неожиданно нарушить уговор. В доме его постоянно бывали высшие офицеры армии и контрразведки. Можно было опасаться самого неожиданного поворота событий. В действительности связь с Карповым продолжалась с июня до тех пор, пока не выехали почти все назначенные к отправке.

К середине сентября оставалось всего 6—7 последних активистов (и с ними еще 2—3 человека), с выездом которых через “карповскую дорогу” в Польшу операция заканчивалась.

Не случайно последние активисты в большинстве своем были граждане Польши. Только двое из них были уроженцами Латвии. Первые не без опасности и приключений перебрались через границу. Два последних члена латвийского движения не выбрались.

Таким образом, в сентябре 1946 года закончилась операция, продолжавшаяся более 9 месяцев. 450 евреев из Латвии, Литвы и других мест сумели этим путем выехать из Советского Союза в Эрец Исраэль. Около 300 человек выехало “эшелонами” до конца мая, а

остальные — через Барановичи. Это довольно примечательная глава в истории алии в Европе 1945—47 годов.

Кто же выезжал этим путем? Значительную часть, около трети латвийских евреев, выехавших благодаря этой операции, составляли участники движения и члены их семей. В какой мере участвовали в этом члены других молодежных организаций? По этому поводу следует сказать несколько слов. Из членов других каллуцианских движений в Латвии (Гордония, Ноар Борохов, Герцлия) в Риге оставались только единицы. Число членов Бейтара, напротив, было значительным. Были среди них и бывшие активисты своего движения. Члены Бейтара были включены в операцию не только в силу четких указаний, которые товарищи получили из Польши. События тех дней стерли старые идейные разногласия. По сути дела, проблема состояла в том, как перебросить мостик личного доверия между руководителями разных течений.

Опасения в этом смысле были взаимными. Условия подполья диктовали сугубую осторожность. Среди членов движения ходили слухи, что некоторые активисты Бейтара отреклись от своих сионистских взглядов и порвали со своими товарищами. Члены Бейтара, со своей стороны, опасались того, что некоторые наши активисты, может быть, симпатизируют советскому строю. После осторожных прощупываний в Риге и Вильне был установлен первый контакт. Было ясно, что члены Бейтара должны мобилизовать несколько своих сторонников и направить их в совместную организацию. Они сами должны были быть заинтересованы в этом. Принципиальное согласие было достигнуто, однако их связной в Вильне уклонился от выполнения обязанностей. После долгих переговоров один из членов Бейтара вошел в штаб. У этого человека были жена и маленький ребенок. Ему нельзя было давать опасные поручения тем более, что сам он не стремился к этому. Его вместе с семьей отправили после выполнения этого поручения в Польшу, и на этом его деятельность закончилась.

В Риге события приняли плохой оборот. Там члены Бейтара организовались и спланировали побег. Как уже было рассказано, один из наших активистов, Ильяка Зайдин, вынужден был по семейным обстоятельствам задержаться в Риге, и поэтому ему поручили продолжать контакты с бейтаровцами. Имелось в виду, что сотрудничество в Риге принесет свои плоды в дальнейшем. Однако события развернулись по-иному. В конце июня, когда в Риге было арестовано несколько членов Бейтара, вместе с ними арестовали и Ильюку. Судя по всему, аресты были результатом доноса одного из членов группы. Попытки добиться освобождения Ильки, приговоренного к пяти годам заключения, оказались для членов вильенского штаба тяжелым делом, чреватым последствиями. Вот все, что касается участия членов Бейтара в операции. Похоже, что по крайней мере в Вильне бейтаровцы получили указание действовать самостоятельно.

Число детей-сирот, вывезенных из детских домов и монастырей и переправленных товарищами в Польшу, было незначительным. В Латвии и Литве обнаружили лишь несколько таких детей. О каждом ребенке заботились особо. Кроме того, в Польшу было отправлено немало "просто" евреев, большей частью это делалось безвозмездно.

Так обстояли дела в июле—августе 1946 года. Второй этап организованного выезда продолжался почти без помех. Операция стала подходить к концу. Большинство членов движения, желавших выехать, уже находились по ту сторону границы. Везение и находчивость спасали от тяжелых провалов на первом этапе операции, когда эшелонами выезжали из района Вильны. Люди миновали опасность и теперь находились уже в Польше. На "капитанском мостике", подвергаясь постоянному риску, оставались двое — Мулька и Яка, и с ними еще несколько активистов. Центр в Польше имел веские основания нажимать на них и требовать скорее закончить все дела и перебраться в Польшу. Но аресты Копеля Скопа с его товарищами во Львове

и Ильки вместе с бейтаровцами в Риге не только лишили операцию блестящего завершения и отняли лавры успеха, но вынудили Яку и Мульку продолжать с помощью группы преданных товарищей усилия для спасения арестованных или хотя бы для облегчения их участи.

Теперь представим себе, как власти и энкаведисты должны были оценивать события по тем данным, которые у них оказались: с начала года из Риги, Вильны и других прибалтийских городов бесследно исчезли сотни молодых и пожилых евреев, одиночек и целых семей. Среди исчезнувших были офицеры действительной службы и даже лица, занимавшие посты в органах. В феврале во Львове было арестовано несколько евреев, принадлежавших к сионистской организации, которая, видимо, и занималась переправкой евреев за границу. В мае в Бресте, на самой границе, был арестован подозрительный человек в форме солдата советской армии. "Солдат" бежал из-под ареста, оставив чемодан с двойным дном и в нем — доллары! В мае во Львове исчез подозрительный человек, которого собирались арестовать. В июне арестовали сионистскую группу в Риге и т.д. и т.п.

Естественно, ввиду всех этих фактов власти заметно усилили слежку за подозрительными людьми и сомнительными квартирами в Риге, Вильне, Львове, а может быть, и в других городах. Позднее стало известно, что оперативники были присланы из Москвы. С каждой неделей и с каждым днем кольцо сжималось все туже. Товарищи достаточно хорошо понимали положение. Но, несмотря на большой риск и малые шансы на успех, они считали себя обязанными предпринять новые шаги ради арестованных. Их поведение диктовалось моральными нормами и чувством личной дружбы, укрепившейся за долгие годы совместной работы в движении.

В то время как агенты НКВД шли по их пятам, товарищи продолжали заниматься своим делом. В середине июля, как уже упоминалось, Мулька и Яка отправились из Вильны в Ригу, чтобы выручить Ильку

Зайдина. В Риге они убедились, что сделать ничего нельзя.

В то же время во Львове Хаим Шер пытался помочь Копелю и его товарищам. Его частые поездки в Вильну, очевидно, выдали связь между деятельностью в обоих городах, но обойтись без этих поездок было невозможно. В первых числах августа Яка выехал во Львов, чтобы вместе с Хаимом на месте проверить положение вещей. Хаим не пришел на встречу, потому что не мог уйти от слежки и не хотел подвергать Яку опасности. Ни один из местных людей, которые могли бы послужить связными, не захотел разговаривать с Якой и тем более оставить его у себя на ночь. Положение было безнадежным. Приходилось возвращаться в Вильну ни с чем.

В таком положении оставалось лишь последнее, весьма слабое средство: нанять адвоката, чтобы тот опротестовал приговор во Львове и вел защиту на предстоящем суде в Риге. Для этого Яка прямо из Львова отправился в Москву. Там он начал переговоры с евреем адвокатом Брауде, который так хорошо защищал обвиняемых на "процессе грузовиков" в Вильне. Нелегко было уговорить Брауде взяться за два сложных дела. Яке пришлось ввести его в заблуждение по поводу определенной детали, чтобы тот поддался на уговоры и согласился взяться за дело. Вознаграждение обещано было большое: 100 000 за Львовский процесс и 50 000 за Рижский. Дело должно было занять у адвоката не одну неделю.

Тогда Хаим Шер поспешил в Москву, чтобы привезти Яке крупную сумму денег для адвоката. Кроме того, Хаим должен был быть представлен Брауде в качестве человека, который будет поддерживать с ним связь в дальнейшем. Яка, Мулька и последние активисты собрались наконец-то уезжать в Польшу. В Москве выяснилось, что Хаим должен опять поехать в Вильну, чтобы тут же вернуться в Москву с дополнительными деньгами.

В Москве оперативники напали на их след. На вокзале, когда Яка провожал Хаима, оба они были

задержаны. По дороге в вокзальное отделение милиции им удалось избавиться от нескольких уличающих записок. Допрос был коротким и поверхностным. Довольно скоро их освободили, и они поспели к виленскому поезду. Им было ясно, что освобождение — всего лишь ловушка. Яка, оставшийся в Москве, сумел ускользнуть от слежки. Хаима в поезде сопровождали два агента. Приехав вечером в Вильну, Хаим часов семь бродил по улочкам, пока ему не удалось, как он полагал, избавиться от “проводжатых”. Около полуночи он пришел на квартиру к Мульке и сообщил обо всем.

Возможно, Хаиму в самом деле удалось уйти в тот день от слежки. Но через несколько дней оперативники опять напали на его след и раскрыли квартиру Левки Минделя, у которого жил Хаим. Однажды вечером Левка и Хаим выскользнули из квартиры и перебрались жить к друзьям.

Через несколько дней в Вильну кружным путем, меняя поезда и направления, приехал из Москвы Яка. Здесь он убедился, что его попытки отделаться от преследования не удаются. Придя на квартиру, он увидел, что дом окружен агентами. Можно полагать, что во время кратковременного ареста в Москве Яку и Хаима сфотографировали и их фотографии разослали во все концы. Не оставалось никакого сомнения, что кольцо слежки сжимается все туже. Почти все товарищи “погорели”. Со дня на день можно было ожидать ареста. Тогда на срочном совещании было решено прекратить все дела и двумя группами, разными путями, выбираться из Вильны в Барановичи и в Брест, к польской границе. В Барановичах Левка Миндель должен был достать у Карпова нужные документы.

Теперь товарищи предпринимали отчаянные попытки уйти от слежки. Это была сумасшедшая гонка за последним шансом на спасение от ареста и уход в Польшу. В событиях этих дней 22—27 сентября 1946 года можно найти все атрибуты детективного романа. Мы приведем здесь лишь некоторые детали.

В первой группе были Левка Миндель, Хаим Шер, их жены и двое детей. Не без приключений и тревол-

нений добрались они до Барановичей, где должны были ждать прибытия второй группы. В нее входил Нехемья Гросс и его подруга Сарра, Элла Шапиро и Бэбка Шимонов, Мулька и Яка. Последнюю ночь перед отъездом они провели в напряженном ожидании ареста, уничтожая все улики.

Рано утром Яка и хозяйка квартиры Элла Шапиро первыми вышли из дому и пошли на вокзал. Им не удалось уйти от цепочки агентов, мужчин и женщин, пеших и ехавших на машинах. Спустя некоторое время из дома незамеченным выбрался Мулька, но к моменту отправления поезда на Барановичи он не пришел на вокзал. В одном из вагонов Яка заметил Нехемью и Сарру, которые пришли на вокзал из своей квартиры. За ними тоже был "хвост". Они обменялись взглядами, предупреждая друг друга о слежке.

В Барановичах Левка и Хаим должны были дожидаться присзда этой группы. Агенты, сопровождавшие в поезде Нехемью и Яку, несомненно, тут же взяли бы под наблюдение и первую группу. Поэтому Яка решил сойти с поезда еще до Барановичей и не подвергать риску товарищей, а там будь что будет.

Рассказывает Яка:

"В вагоне матери и ребенка, в котором я сжал, нельзя курить. Я громко сказал соседям (так, чтоб слышали и агенты), что иду покурить в тамбур. Книгу, которую я читал, оставил раскрытой в знак того, что место занято. Оставил и пальто. Пошел по направлению к туалету и выпрыгнул из вагона. Я оказался в восьми километрах от городка Лида. Около двух суток шагал по направлению к Вильне. Прошел километров сто. Одну ночь я ночевал в доме у белорусского крестьянина, вторую — у знакомого литовца. На завтра утром литовец по моей просьбе попытался разыскать Мульку, но ничего не узнал. Около полудня мой хозяин сказал мне, что вокруг дома крутятся чекисты. Возможно, они следили за литовскими националистами, но уверенности в этом у меня не было. Я убрался в лес, ночью пришел на железнодорожную станцию Лентварис и сел в поезд, шедший в Ригу. Я знал, что

Мулька мог оставить для меня указания в двух местах: в Риге (у его сестры Рут) или в Москве у нашей общей знакомой, которая помогла мне связаться с Брауде. В Риге известий от Мульки я не нашел. В Москве я должен был уладить дела с Брауде. Это была еще одна причина, чтобы отправиться в Москву. Через день Мулька позвонил на квартиру нашей общей знакомой и передал мне, что все в порядке, и я должен немедленно ехать в Барановичи“.

Вернемся теперь к поезду Вильна—Барановичи, с которого спрыгнул Яка. Когда Нехемья убедился, что Яка исчез, он решил сделать то же самое. В темноте он не смог выбрать подходящего места для прыжка. К несчастью, он упал на кучу щебня и расшиб голову. Нехемья несколько дней бродил по деревням в поисках убежища, придумывая объяснения, почему голова у него повязана. В одной из деревень местный врач оказал ему медицинскую помощь. К счастью, никто из встретившихся ему людей не выдал его, и в конце концов он благополучно добрался до Ровно. Оттуда он связался с Саррой и с товарищами в Барановичах, которые искали его по всей округе.

В Барановичах Нехемья Гросс нашел всю вторую группу, включая Мульку. Нехватало только Яки, находившегося в Москве и уже получившего указание немедленно выезжать в Барановичи.

Тем временем первая группа под руководством Левки Минделя без помех выехала из Барановичей и приехала в Брест на пограничный пункт. К счастью, они не вызвали подозрений. В Брест не поступили указания о тщательной проверке их документов, и они благополучно прибыли в Польшу.

Теперь оставались лишь шестеро последних: Мулька, Яка, Нехемья, Сарра, Элла, Бэбка. Четверо из них скрывались в деревне около Барановичей, а Мулька ждал приезда Яки из Москвы. Все вместе должны были в Бресте перейти границу по документам, которые в тот же день приготовил для них Карпов по требованию Мульки. У четверых — Нехемьи с Саррой и Эллы с мужем Бэбкой были документы на две семьи.

Мулька с Якой были по бумагам братья. Помимо личных эваколистов у них, как и требовалось, был общий документ на группу репатриантов из шести человек. Было договорено ехать в Брест разными поездами. Четверо выехали поездом в 8 вечера. "Братья" должны были выехать на 2 часа позже с другого вокзала. В Бресте все должны были встретиться.

И вот конец истории. Четверо незамеченными выехали 8-часовым поездом из Барановичей и спокойно прибыли в Брест. Поскольку Мулька с Якой не приехали вовремя, эти четверо не поехали дальше, в Польшу, а остались ждать их на пограничной станции. Они проторчали там двое суток, что было очень рискованно. Когда уже не осталось ни тени сомнения, что с Мулькой и Якой что-то случилось, эти четверо решили больше не рисковать. Им удалось убедить пограничников, что "братья" с ними никак не связаны. Им разрешили пересечь границу, и они благополучно прибыли в Польшу.

О событиях двух последних дней перед арестом рассказывает Яка:

"После телефонного звонка Мульки я той же ночью выехал в Барановичи. Так как в течение последних дней, стараясь избавиться от слезки, я прыгал с поезда на поезд, я дошел почти до полного физического изнеможения. Поехал я не прямо, опять менял поезда и провел в дороге больше суток. Я не замечал слезки за собой. Утром 27 сентября я приехал в Барановичи. Мулька ждал меня на станции. Я опасался заходить в квартиру и весь день бродил в городском парке. Мне казалось, что слезки за мной нет. Это был самый длинный день в моей жизни. Мулька был занят разными приготовлениями. Прежде всего он пошел к Карпову забрать документы. Потом отправился на рынок покупать старую одежду, чтобы набить ею чемодан. Мы могли бы вызвать подозрение у таможенников на границе, если бы ехали без вещей. Вечером я подошел к 8-часовому поезду вручить билеты и проводить отъезжающую четверку. Я хотел быть уверенным, что они благополучно уехали. Тем временем Мулька спря-

тал наши советские паспорта, чтобы мы могли воспользоваться ими в случае, если мы не сможем перейти границу и нам придется бежать. По польским документам мы были братья Фишманы, только что приехавшие из Ферганы. Под покровом темноты мы пешком отправились на станцию. В ту минуту, когда мы поднялись по ступенькам вагона, нас схватили четверо здоровых мужчин в гражданской одежде. Мулька бросил на иврите: "Беседер!" ("Порядок"). Иллюзий у нас не было. Это был арест, которого мы все время боялись и ждали.

Очевидно, из-за усталости я не заметил постоянной слежки за собой. Я думаю, что чекисты собирались арестовать только меня. Тогда они еще не знали ничего ни о личности, ни о роли Мульки. Возможно, если бы мы пришли к поезду порознь, с отдельными документами, Мулька бы не арестовали.

Проанализировав развитие событий, приведших к аресту, я понял, что мы были слишком уверены в себе. Наша бдительность притупилась настолько, что мы не заметили за собой слежки в тот решающий день. Оценивая обстановку трезво, мы должны были оба исчезнуть на несколько месяцев где-нибудь в Средней Азии, изменить свою внешность и лишь после этого попытаться перейти границу.

Но все эти соображения пришли к ним слишком поздно...

Общее ощущение в первые дни ареста Яка определяет так: "Мы оба вошли в тюрьму в воинственном и приподнятом настроении. Арест в какой-то степени избавил нас от напряжения. За нами уже не гонятся... Свою задачу мы выполнили. Сотни евреев переправлены в Польшу, на пути в Эрец Израэль. Моя семья находилась в безопасности по ту сторону границы, и я знал, что о ней позаботятся. Жаль, что не так обстояло дело у Мульки — его сестра Рут с мужем оставались в Риге".

Страх за судьбу остальных товарищей не покидал их даже в тюрьме. В первую очередь — те четверо, которые выехали в Брест перед ними. Одно соображе-

ние руководило арестованными с первой минуты следствия: лишь бы не провалить этих четырех, если им удалось уйти от ареста, но все еще находятся в Советском Союзе.

ИСПЫТАНИЕ

В тяжелых условиях советского строя было почти невозможно, чтобы достаточно долгая подпольная деятельность многих людей в нескольких городах не завершилась бы арестом кого-либо из связанных с нею людей. Были арестованы четыре члена латвийского движения. Но обстоятельства, приведшие к аресту Копеля Скопа во Львове и Ильки Зайдина в Риге, были совершенно иными, чем обстоятельства ареста Мульки и Яки. Арест первых двух произошел в самом начале деятельности и был вызван доносом или предательством. В отличие от них Мулька и Яка были арестованы в самом конце успешной деятельности, продолжавшейся 9 месяцев главным образом на линии Рига—Вильна.

После ареста всем четверем товарищам предстояли тяжкие испытания. Они прошли через два периода мучений — сначала следствие, а затем заключение в советских исправительно-трудовых лагерях. Испытанию подвергались и физическая способность выдержать пытки следствия, и моральная стойкость — чтобы не сломиться и не утратить человеческое достоинство в этих бесчеловечных условиях.

С самого начала следствия Копель убедился, что доносчик передал работникам НКВД все, что знал о нем. Поэтому не было никакого смысла отрицать основные обвинения. Следователям было известно его подлинное имя, т.е. что он отнюдь не Герш Муравчик из Польши. Главным образом они добивались ответа на вопрос, кто послал его. Но тут они ничего не смогли от него добиться.

О самом следствии Копель рассказывает так:

"Долгие допросы проводились по ночам по методу "конвейера": следователи сменялись, передавая жертву один другому. Допросы становились все более жестокими и не раз сопровождались побоями. Больше всех издевалась надо мной женщина-следователь, отличав-

шаяся особой грубостью и жестокостью. Избивая, она непрерывно извергала потоки брани. Напротив, выделялся среди прочих молодой следователь лет двадцати шести. Похоже, что он еще не утратил человеческого облика и относился к заключенным более нормально. На допросах между нами возникали порой серьезные беседы. Как-то произошел следующий диалог:

Он: — Зачем ты полез в волчью пасть, ведь ты должен был понимать, что никаких шансов на успех у вас нет.

Я: — Почему вы задаете такие вопросы? Разве вы и Зою Космодемьянскую спрашивали бы, почему она пошла на такое дело. Она знала, что ее долг — сделать все для спасения ее народа и страны. Я тоже знал, что я должен делать. Это был единственный способ, которым я мог помочь моему несчастному народу (надо отметить, что на следствии я время от времени напоминал о трагедии еврейского народа).

Он: — Мы дали вам Биробиджан, почему вы хотите именно Палестину?

Я: — Вот вы оккупировали Берлин. Предположим, что он больше и красивей Москвы. Разве вы согласились бы объявить Берлин столицей России?

Таковы были наши диалоги. При каждом удобном случае я рассказывал ему о цели сионизма. Рассказывал то, что узнал за годы, проведенные в движении. И у меня создалось впечатление, что интеллигентный малый понял меня, ибо однажды он сказал мне так: прав ты или неправ, меньше 10 лет не получишь.

Во время следствия, когда мы сидели во львовской тюрьме, нам удалось связаться друг с другом. Однажды я получил записку от Давида Померанца, в которой он писал, что чувствует себя плохо после того, как один следователь жестоко избил его. Когда меня вызвали на допрос к этому следователю, я не удержался и сказал ему: — Я думал, вы культурный человек. Как вы позволяете себе избивать моих товарищей? — Кого? — Давида Померанца. — Откуда ты знаешь? — поразился он. — Неважно откуда. Стыдитесь! — ответил я.

Это был, очевидно, глупый и необдуманый шаг с моей стороны. Я уверен, что мои слова не произвели на него никакого впечатления.

Не знаю, выдержал ли я в конечном счете это испытание, но мне ясно, что я вел себя не так, как предписывалось указаниями. Перед тем как я выехал во Львов, товарищи, пославшие меня, дали мне четкие указания на случай ареста: нельзя признаваться, что нас послало сионистское движение. Все, что мы делали, — только ради денег, личной наживы. Это был мой бизнес, и все тут. В Советском Союзе получают относительно легкие наказания и имеют шансы освободиться досрочно уголовники, но только не обвиняемые в политическом преступлении. Поэтому мне следовало до конца отрицать свою связь с движением, с идеей. Но в этом я не устоял. Почему? Долгими ночами после ареста, перед допросом и после него, я размышлял о своей судьбе. В те тяжелые часы я не сомневался, что живым мне оттуда не выйти. Мной владело убеждение, что приговор предрешен. И если мне суждено умереть, я хотел умереть тем, кем я всегда был на самом деле. Я не хотел умереть вором, жалким уголовником. У меня были наивные мысли. Придет день, — думал я, — и архивы НКВД будут вскрыты. Кто-нибудь заинтересуется нашим делом. И что же: будет обнаружено, что евреи занимались этим делом только ради денег, как спекулянты? Я помнил полученное указание, но не мог преодолеть себя и следовать ему. Я полагаю, что и остальные не устояли в этом вопросе“.

После вынесения приговора началась жизнь в условиях каторжного труда в воркутинских лагерях на Крайнем Севере и этапы из лагеря в лагерь. (В Советском Союзе принято не давать заключенному отбыть весь срок в одном лагере, а перебрасывать его из одного лагеря в другой). Не менее 12 лагерей и лагпунктов сменил Копель Скоп за 117 месяцев своего заключения.

Пробивается ли хоть изредка луч света в этой нечеловеческой жизни? Да! Помощь, удивительная пре-

данность и согревающая улыбка старых евреев-заключенных при виде новых евреев, которые только прибыли в лагерь замерзшие, голодные и ослабевшие, — есть в этом какой-то возврат к человеческим взаимоотношениям, почти забытым за месяц тяжелого этапа. Копель продолжает свой рассказ:

“Мы, политические заключенные, составляли меньшинство по сравнению с уголовниками в переполненном товарном вагоне, в котором нас везли в северные лагеря. Сначала мы страдали от жары и духоты. Но чем больше продвигались мы на север, тем становилось холоднее. На мне была только легкая, летняя одежда. Раздачей пищи в вагоне занимался уголовник, назначенный старостой. Уголовники не оставляли нам почти ничего. Трудно сказать, что мучило больше: мороз, пронизывающий до костей, или голод, который становился пыткой.

Легко представить себе, в каком состоянии прибыли мы в лагерь Ижма в районе Воркуты. Там нам помогли евреи-заключенные, находившиеся в этом лагере. Они уделили нам часть из своих скудных пайков, раздобыли для нас теплую одежду и вообще заботились о нас сколько могли. Не менее важна была и их моральная поддержка. Я вспоминал евреев из моего местечка, которых я так любил. Моя глубокая любовь к простым евреям всегда служила мне источником силы во всем, что бы я ни делал. В лагере во мне укрепилось сознание, что евреи — это совершенно особый народ.

Чем же я мог отплатить им за добро? Евреи, заключенные в этом лагере, в прошлом почти все были преданными коммунистами Польши или Румынии, бежавшими из своих стран в Советский Союз. Сначала их приветливо приняли и назначили на важные посты в хозяйстве и в партийном аппарате. В 1937 году ни в чем не повинные люди были арестованы как “шпионы и предатели”. К тому времени, когда я познакомился с ними, их идеологический мир рухнул. Разочарование в избранном жизненном пути было полным. Для меня это были образованные и уважаемые евреи, в течение

долгих лет оторванные от всего, что происходило в еврейской жизни в их странах. Они, например, не знали, остались ли евреи в Польше, в Европе или вообще в мире. Еще меньше им было известно о том, что делалось в Эрец Исраэль. Я представился им как сионист с юных лет и дал им новую разнообразную информацию обо всем, что происходило в еврейском мире. Они с жадностью ловили мои слова, при всякой возможности просили меня рассказывать им еще и еще. Во время этих частых бесед я чувствовал, что как бы исполняю важную миссию.

Тяжелый труд подорвал мое здоровье. Я работал по 10 часов в день на строительстве железной дороги Котлас—Воркута. Вместе с группой эков таскал тяжелые рельсы. Кожа на руках полопалась, из пальцев сочилась кровь. Еврей, лагерный врач, помог мне перейти на более легкую работу. За годы заключения условия бывали то легче, то тяжелее. Первую весточку с воли я получил примерно через год после ареста. Затем стали приходить письма и посылки из Эрец Исраэль. Из-за вынужденных переездов из лагеря в лагерь связь и посылки иногда прекращались на долгие месяцы“.

В середине 1955 года Копель Скоп получил весточку от знакомого израильтянина, находившегося в Москве. В ноябре того же года он освободился из заключения, отбыв там почти 10 лет.

Арестованный в июне 1946 года Илька Зайдин в течение долгих месяцев абсолютно ничего не знал о судьбе Мульки и Яки. Он, вполне естественно, полагал, что они давно находятся по ту сторону границы. Суд над Илькой состоялся в октябре. Его обвиняли по статье 58-1-17, т.е. в содействии измене родине и участии в организации антисоветских преступлений. По сравнению с тем суровым приговором, которого можно было ожидать, пятилетний срок оказался неожиданно мягким. Но самой большой неожиданностью было то, что защищал его адвокат Брауде. Об этом Илька узнал накануне суда. Вот что он рассказывает:

“За день до суда в камеру ввели почтенного, пожилого человека, который представился: “Адвокат Брауде из Москвы“. Он сказал мне, что взялся вести мое дело в суде. Между прочим он, как бы невзначай, промолвил: “Привет вам от Ефима и Павлика“ (подпольные клички Яки и Мульки). Я очень разволновался“.

Как уже было рассказано, участие адвоката Брауде обеспечили Хаим Шер и Яка во время поездки в Москву. И это действительно принесло большую пользу. В ходе судебного разбирательства адвокат убедил суд, что переправка евреев в Польшу является не изменой родине, а лишь уголовным преступлением типа контрабанды тем более, что неизвестно, останутся ли эти евреи в Польше или уедут в Палестину.

Подлинное испытание для Ильки началось по завершении следствия. Один из следователей предложил ему “разные облегчения“, если он согласится составить список членов организации, которые остались в Советском Союзе и продолжают свою деятельность. В ответ на категорический отказ Ильки посыпались всевозможные угрозы. Здесь необходимо отметить следующее: это не единственное доказательство уверенности работников НКВД в том, что на территории СССР еще находятся члены организации. Они просто не могли поверить, что все, кроме считанных лиц, сидящих уже в тюрьме, сумели ускользнуть из их рук.

После вынесения приговора Ильку Зайдина почему-то не отправили в лагеря на север, а оставили в рижской тюрьме. Неожиданно его перевели в Москву на Лубянку, и здесь началось новое следствие в связи с делом Мульки и Яки. Несомненно, на каком-то этапе следствия, чекисты, допрашивавшие этих двух, обнаружили связь между ними и Илькой. Достаточно было того, что все они принадлежали к одному и тому же движению Нецах, чтобы вызвать подозрение.

Вот что об этом рассказывает Илька:

“Прежде всего, следователь на Лубянке сказал мне, что два моих товарища, Янкелович и Иоффе (т.е., Яка и Мулька) упоминали мое имя в своих показаниях, и

потому он решил вызвать меня также для дачи показаний. Тут он узнал, что я осужден за аналогичное преступление. Несмотря на эти его слова, я вначале не верил, что Мулька и Яка арестованы. Я был уверен, что им удалось бежать. Лишь после того как следователь показал мне толстую папку дела Яки, я убедился, что оба они в тюрьме. Позднее мне устроили очную ставку с Якой и Мулькой. Если отвлечься от тех условий, в которых происходили эти встречи, можно сказать, что я был очень рад видеть их своими глазами.

Следствие в Москве продолжалось несколько месяцев. На Лубянке допросы шли по ночам. После того как заключенный возвращался в камеру, ему не давали спать весь день. Так прошли три тяжелые недели. С Лубянки меня перевели в Лефортово, где я просидел полгода в одиночке. Целый месяц меня не выводили даже на прогулку. По окончании следствия меня не повели на суд. Особое совещание вынесло приговор в мое отсутствие. В феврале 1948 года мне зачитали приговор. К прежним пяти добавили еще 3 года. Потом меня отправили в лагерь на Северный Урал“.

Илька Зайдин освобожден в 1952 году, отбыв 6 лет заключения.

Мульку и Яку арестовала группа московских оперативников, специально посланных для этой цели. Арестованных отправили в Москву и поместили на знаменитую Лубянку. Чекисты совершили большой промах, упустив в тот же день тех четверых, которые переправились в Польшу. Четверка, к счастью, спаслась благодаря неумению чекистов проанализировать то, что бросалось в глаза в репатриационных документах, изъятых у Яки и Мульки. Следователи обнаружили эту оплошность лишь по истечении нескольких месяцев допросов. Однако о том, что четверка балгополучно выбралась из Союза, Яка и Мулька узнали лишь много позже. Но в то время они думали, что товарищам не удалось пересечь границу.

Никаких сомнений относительно суровости приговора не было и не могло быть ни у Мульки, ни у Яки.

Какую бы линию поведения ни принял Яка на следствии, он никак не мог спасти себя, и очень сомнительно, чтобы он смог хоть как-то облегчить участь Мульки. И наоборот. Однако та линия, которую он принял, могла повлиять в какой-то степени на судьбу шести человек: тех четырех, если они не перебрались в Польшу, Мулькиной сестры Рут в Риге и знакомой, которая связала его с Брауде в Москве. Кроме того, нужно было по возможности скрыть связь с границей. Таковы были соображения, диктовавшие Яке поведение на следствии.

Весь режим Лубянки направлен на то, чтобы в самом начале быстро сломить заключенного. Тюремщики, с которыми запрещено разговаривать, двигаются, как роботы. Кладбищенская тишина царит в мрачных стенах. Заключенный никогда не знает, который час. Чувство одиночества и оторванности от внешнего мира — абсолютное. Это чувство разрушительно действует на нервы. В какой-то момент заключенному начинает казаться: что бы он ни сказал, что бы ни заявил, ни одна душа не узнает об этом.

“С точки зрения моральной и душевной оба мы были подготовлены к этому положению, и это нам очень помогло, — вспоминает Яка. — Душевные силы дали нам возможность преодолеть это состояние. Поэтому я решил повести себя со следователями нагло. У меня было большое желание померяться с ними силой. Перед следствием я твердо заучил известное правило эсеров: никогда не верь следователям; ничего у них не проси, чтобы не быть ничем обязанным; не надейся, что удастся выбраться...”

Яка продолжает:

“Я выбрал жесткую линию: не рассказывать фактов, не приводить данных, не давать толковых ответов, не подтверждать и не отрицать. Как правило, я говорил: “На этот вопрос отказываюсь отвечать”. Вот как, примерно, проходил допрос:

— Кто вы?

— Фишман из Ферганы. Ехал в Польшу.

— Кто дал вам пропуск?

— Брат.

— Расскажите о брате.

— Он сам расскажет, если захочет.

— Тут ваши фокусы не пройдут. Вы должны говорить!

— Вы не гестапо. Не сможете меня заставить.

— Мы знаем, что вы Янкелович из Риги.

— Вам все известно, так что мне незачем и рассказывать.

— Мы заставим вас говорить с помощью родственников.

— Они не здесь.

— По закону вы обязаны говорить.

— Покажите мне закон, где это написано. Я знаю, что подследственный не обязан отвечать.

— Есть пункт, обязывающий подследственного говорить.

— Если так, то запишите, что я совершил и это преступление“.

Допрашивали каждую ночь до самого утра, и так два месяца непрерывно. За эти шестьдесят суток Яке дали спать в сумме не более 15—20 часов. Следователи менялись, и менялась тактика, направленная на то, чтобы заставить Яку говорить. Следствие превратилось в войну нервов, во взаимное выматывание. Борьба шла за то, кто кому раньше раскроет те данные, которые противная сторона хочет получить. На подследственного кричали, ему угрожали, но он лишь повторял свою биографию.

“Один следователь признался мне, что я довел его предшественника до нервного расстройства, и тот вынужден был поехать в санаторий. Я чувствовал, что и этот тоже не может больше выдержать следствие. Я не засыпал во время допросов, а ему явно хотелось спать, и тогда он прекращал долго длившийся допрос на некоторое время.

Несколько раз следователь выходил из себя и отправляли меня в карцер за мои ответы. Карцер — это мрачный подвал, доска, на которой едва можно было сидеть, и кусок хлеба с водой. Особенно тяжело

было то, что у меня отбирали очки, возвращая их только на время допросов“.

Следователям так и не удалось заставить Яку говорить и отвечать на вопросы, и тогда был устроен специальный допрос в присутствии высшего офицера, генерала МГБ Питовранова. Подследственный и тут отказался отступить от своего правила. Тогда заговорил генерал, одновременно убеждая и упрекая:

— Евреям Советского Союза хорошо, действительно хорошо при советской власти. Отношение советских властей к ним было всегда прекрасным. Но кучка сионистов из прибалтийских республик хочет сбить с толку верных советских граждан. Скажите мне открыто, почему вы не хотите с нами сотрудничать?

— Я вообще не хочу разговаривать с вами. То, что вы можете сказать мне — я знаю; то, что я мог бы сказать вам, вы все равно не поймете. Кроме того, вы следователь, а я подследственный, поэтому я с вами договориться не могу. Если мы как-нибудь встретимся в кафе в Швейцарии, тогда мы попытаемся говорить как равные.

В ходе допросов Яка убедился, что следователи не могут разобраться в деятельности организации. Тогда они знали очень мало об организации, ее методах и охвате работы. Кроме того, из допросов следователя было ясно, что Мулька тоже не сотрудничает с ними.

В наказание за упорство Яку перевели в другую тюрьму, в Лефортово. Там он находился в условиях полной изоляции, под постоянным наблюдением надзирателя, имея лишь десять минут прогулки несколько раз в неделю. Опять потянулись страшные ночи допросов, сводящие человека с ума. Перед тем, как везти заключенного, терзаемого голодом и холодом, из Лефортова на ночной допрос на Лубянку, его раздевали догола и тщательно обыскивали несколько раз.

Яка рассказал: "Допросы довели меня до полного изнеможения. Меня мучили голод, холод и полная изоляция от внешнего мира. Без очков у меня слезились глаза. Почувствовав, что долго мне так не продержаться, я начал придумывать историю, которую

можно было бы рассказать следователю. Было уже ясно, что те четверо спаслись. Я только беспокоился, как скрыть, что в Риге я жил в квартире Рут. Однажды я уж совсем было пал духом и готов был совершить отчаянный шаг, но вовремя опомнился. До сих пор следователи не применяли физической силы и не угрожали побоями, но теперь дошло и до таких угроз. Меня повели на допрос не на один из первых этажей, а в подвал Лефортовской тюрьмы. На допросе, кроме следователя, присутствовали тюремщики, чья обязанность избивать заключенных. Следователи злобно орали на меня, обвиняя в том, что дурачу их, угрожали сейчас же раздеть догола и избить. Я возразил: "Сейчас не сороковой год, а сорок шестой. Теперь пошел еврей не тот". Они поразились моему ответу и поняли, что без битья ничего не добьются. Но ко мне никогда силу не применяли. Однако в действительности в те дни я был сломлен. Меня отправили обратно в камеру. Затем появился новый следователь, применивший стиль вежливости и заботы. Мучения прекратились. Мне позволяли спать без помех. Но и в дальнейшем на допросах я не рассказывал того, что следователи хотели узнать, а лишь однословно отвечал на вопросы, которые мне задавали. Признался, что принадлежу к организации, переправлявшей евреев из Советского Союза для их дальнейшего следования в Палестину. Следователи хотели добиться от меня признания и в том, что я действовал из ненависти к советскому строю. На это я не согласился: меня не интересовал строй в Советском Союзе — лишь бы выпускали евреев в Эрец Израэль".

Признание обвиняемого было всего лишь формальностью, поскольку улики были достаточно. Не было никакого смысла скрывать и свое подлинное имя. Следствию было известно о принадлежности обоих заключенных, которых допрашивали параллельно, к движению. Относительно размеров деятельности Яка сообщил, что при помощи их организации в Польшу перебрасвалось около 100—120 человек, и денежный оборот организации не превышал миллиона рублей (в день-

гах того времени). Мулька давал показания немного отличающиеся. Но вот наступил момент, которого они оба так ждали: очная ставка.

“Встреча с Мулькой была для меня третьей по счету очной ставкой. Перед тем я попросил, чтобы мне за мои деньги купили 5—6 пачек папирос. Я не курил — папиросы предназначались Мульке. Когда меня ввели в комнату, где уже находился Мулька, он вскочил, и мы, бросившись друг другу на шею, расцеловались. Следователи оторопели. Нас тотчас же разняли. Поскольку Мулька заявил следователям, что было переброшено около 150 человек, нас допрашивали, почему цифры не сходятся. Несовпадения в других деталях не было. Мулька постарался взять на себя большую часть ответственности за всю работу, облегчив тем самым мою вину. Я заметил, что даже стенографистка была тронута попытками каждого из нас взять вину на себя и облегчить судьбу товарища. Прежде чем нас развели, следователи разрешили мне передать Мульке папиросы. Мы опять расцеловались на прощание”.

Спустя почти год после ареста Яка получил для прочтения дело на 1800 страницах. Тут он узнал, что следователи лишь частично выяснили деятельность организации. В деле фигурировали имена многих участников организации. 10 сентября 1947 года Яку вызвали к представителю Особого совещания, который зачитал ему приговор, датированный 30 августа. По статье 58, пункты 1а, 10 и 11, Яка обвинялся в измене родине, в контрреволюционной сионистской деятельности с использованием национальных предрассудков, а также в участии в антисоветской организации. Максимальное наказание по статье — расстрел. Но поскольку смертная казнь была отменена в СССР в июне того же года, то приговор гласил: 25 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях.

Несмотря на обилие улик, органы безопасности не хотели устраивать суд, и приговор был вынесен Особым совещанием. Видимо, соображения их были таковы: даже на закрытом суде те немногие, кто обычно присутствуют на нем (судьи, чиновники, тюремщики),

могут получить правильное представление о деятельности организации, и тем самым обнаружится промах органов безопасности. Выступления подсудимых могли пролить свет на настроения еврейской молодежи, показать их находчивость, развеять миф о том, что “контр-революционеры” лишены всяких идеалов и т.д.

Закончилось следствие — случайно или намеренно — грубым издевательством. Как правило, после вынесения приговора режим по отношению к заключенному смягчается. А тут, вопреки всем правилам и ожиданиям, Яку поместили в одиночную камеру. Поскольку он еще не знал тогда, что смертная казнь была отменена за три месяца до этого, у него зародилось подозрение, что 25-летнее заключение — это лишь более “элегантная” формулировка смертной казни... Так прошло девять страшных дней в полном одиночестве. “Каждый день, когда меня выводили на прогулку, я повторял себе, что это конец”, — рассказывает Яка. Но на десятый день его отвезли на вокзал и включили в этап. Он воспрянул духом. Это было 28 сентября, через год и один день после ареста.

Так закончился год следствия на Лубянке и в Лефортовской тюрьме.

В первый день долгого путешествия на восток двум товарищам, осужденным на много лет заключения, суждена была неожиданная радость: в переполненное купе столыпинского вагона, в котором находился Яка, вдруг ввели Мульку! Трудно описать их радость. Около 30 часов пробыли они вместе в пути из Москвы в Горький и в горьковской пересылке. Это была драгоценная встреча. Друзья проанализировали промахи, приведшие к аресту, и обсудили планы на будущее. “Эта встреча была как-бы перстом Божиим”, — говорил Яка. Мулька развил перед ним план побега. Они условились, как поддерживать связь с помощью шифра и особых закодированных слов. Тогда же они опять договорились не ждать друг друга, если представится одному из них возможность побега.

“На пересылке мы пробыли вместе одну ночь, — вспоминает Яка. — Спали рядом, укрывшись одним

одеялом. Но назавтра его неожиданно забрали из камеры. Это было в Йом Кипур 1947 года“.

Первый лагерь, в который попал Яка, был одним из множества лагерей в районе поселка Инта в Коми АССР на Северном Урале.

Еврейская солидарность — это удивительная вещь, которая в самых тяжелых условиях проявляется в моральной поддержке и в реальной помощи. Нет, наверное, ни одного еврея-заключенного в советских лагерях, который бы не смог подтвердить, что благодаря этому братству он и многие евреи были спасены от страданий, а порой и от медленной смерти. Когда после психологического шока и физической слабости от долгого и тяжелого переезда его тут же по прибытии в лагерь встречают добрые и готовые помочь евреи, человек быстро начинает приходить в себя, и в сердце его возрождается надежда, что еще не все кончено. Пройдет немного времени, и он сам будет помогать вновь прибывшим евреям-заключенным. Взаимная помощь проявлялась в том, что евреи отдавали новичку свой паек, помогали получить медицинскую помощь или устроиться на работу полегче. И зачастую это удавалось.

У евреев в лагере было что-то вроде общего фонда продуктов питания. В него вносили свои запасы те, кто получал посылки от родственников, и те, у кого были деньги. Кроме того, евреи старались выручать товарища, устроив его на более легкую работу. Яка постарался, чтобы эти взаимоотношения между евреями приобрели более широкий национально-общественный характер. Правило, по которому “все евреи отвечают друг за друга“, распространялось в лагере на евреев всех общин — грузинских, бухарских и прочих. Евреев доносчиков и сотрудничавших с оперотделом не только не включали в этот свой круг, но открыто презирали. “Отрицательных типов мы как бы выбросили из еврейской общины“, — говорит Яка. Презрение к ним, проявлявшееся при каждом удобном случае, привело к тому, что многие заключенные неевреи на-

чали с уважением относиться к сплоченной еврейской группе, что, в свою очередь, позволило евреям давать отпор антисемитским выпадам других заключенных. Особенно резкими были столкновения с теми, кто был осужден за бывшее сотрудничество с нацистами. Нелегко было в лагере противостоять антисемитам, но это ни в коем случае не было делом бессмысленным. С первых же дней пребывания в лагере Яка почувствовал еврейскую поддержку. "Мне на помощь пришел еврей Исаак Плотник (теперь в Израиле). От него я получал дополнительные пайки; он позаботился, чтобы мне поставили диагноз "легочного больного", и я смог полежать в больнице и окрепнуть. Потом он избавил меня от тяжелой работы".

Затем Яка внес свой вклад, сделав то, что только он один и мог сделать: рассказывал об Эрец Исраэль, объяснял сущность сионизма. В результате ряда его бесед с ассимилированными советскими евреями многие из последних осознали свою принадлежность к еврейскому народу и познакомились с сионистскими идеям. Даже те, кто не стали сионистами, избавились от антисионизма — плода советского воспитания.

"Однажды я узнал, что в одном из соседних лагерей находится Копель и еще несколько человек из львовской группы. Я попытался установить связь с Копелем, но, к сожалению, это не удалось. Зато, после долгих стараний, мне удалось связаться с Мулькой, и мы стали переписываться. Наша переписка продолжалась до последних дней Мулькиной жизни, за исключением перерывов на то время, когда одного из нас перебрасывали из лагеря в лагерь. Вольнонаемные, работавшие в лагере, отправляли мои письма по почте", — вспоминает Яка.

"Однажды я узнал, что в лагере Инта находится старый заключенный, осужденный за сионизм. Человек этот должен был вот-вот освободиться и, будучи расконвоирован, мог выходить за пределы зоны. Если мне не изменяет память, звали его Лева Школьников. Однажды я с ним встретился, и он подтвердил, что был осужден в конце двадцатых годов как член моло-

дежной сионистской организации. На мой вопрос, к какому движению он принадлежал, он ответил, что был членом гомельского отделения Гашомер гацаир. Тогда я сказал: я воспитанник этого движения, при- был сюда на твое место, я продолжаю традиции на- шего движения — подпольную деятельность при со- ветской власти. Я назвал имена членов кибуца Афи- ким, выходцев из России... В тот же день он вышел из лагеря. Больше мы не встретились“.

В мае 1948 года Яку неожиданно взяли на этап в Минск, не объявив ему, с какой целью. Двухнедель- ная поездка в нечеловеческих условиях в этапном ва- гоне — это тяжелое испытание для заключенного. В Минске его поместили в тюрьму, камеры которого были невероятно переполнены в связи с новой волной арестов, прокатившейся по Советскому Союзу. Шли дни и недели, но никто не сообщал Яке, для чего его привезли в Минск.

“Я приговорен к лагерю, а не к тюрьме“, — стал заявлять он дежурным офицерам в тюрьме. Прошло шесть недель без всяких объяснений и реакции с их стороны. Яка объявил голодовку. Он не поддавался ни на какие уговоры прекратить голодовку и вступил в борьбу с надзирателями и врачом, пытавшимся силой накормить его при помощи резиновой кишки. Наконец прибежал офицер и сообщил Яке причину его перевода в Минск: он был вызван свидетелем на суд Ивана Карпова. Это был тот самый Карпов, советский пред- ставитель эвакубюро в Барановичах, который подпи- сывал документы для репатриации. Его подпись стоя- ла и на документах, найденных у Мульки и Яки при их аресте.

О своем появлении на суде Карпова Яка расска- зывает так:

“Я ни в коем случае не хотел гробить Карпова. Я догадывался, что его обвиняют и по другим пунк- там, кроме подделки документов, которые он поставлял нам. Его ожидал приговор — 25 лет. Мне неизвестна была линия его защиты, и поэтому невозможно было решить, как ему помочь. Выступление мое в суде было

кратким: "Никаких показаний о Карпове давать не буду". На вопрос судьи я ответил просто: "Не хочу, вот и все". Тогда прокурор зачитал мои показания по поводу Карпова из протокола моего следствия. Я встал и дал дополнительное показание: "Все, что я говорил на Лубянке, было только в целях самозащиты. Я тогда лгал. Я отказываюсь от всего, что говорил относительно Карпова". Прокурор стал угрожать мне, но я стоял на своем, и судья в конце концов дал указание вывести меня из зала. На этом мое выступление закончилось. Я до сих пор не понимаю, как это меня не наказали за оскорбление суда. После суда между мной и Карповым произошла волнующая встреча. Выяснилось, что я все же помог ему. Он получил лишь десять лет. Обрадованный Карпов обнимал и целовал меня".

С начала 1949 года Яка находился в спецлагерях особо строгого режима. Сначала это был Минераллаг в районе Инты, а затем — Камышлаг в Сибири.

"Мы работали в бригаде на прокладке железной дороги. Киркой долбили промерзшую, болотистую землю. Заключенные работали, стоя по колено в замерзшей грязи. Если не работать быстро, можно было замерзнуть: мороз доходил до 30—40 градусов. Если же работать без передышки, то можно свалиться от изнеможения".

Жестокий режим спецлагерей, предназначенных для опасных политических преступников, во многом напоминал фашистские концлагеря (конечно, кроме одного: не было массового уничтожения). Лагерь окружен многочисленными вышками, на которых — часовые, вооруженные пулеметами; бараки на ночь запирались на замок. Лишь немногих заключенных посылали на подсобные работы, большинство же было на общих работах. Переписка ограничивалась двумя письмами в год, много было и других запретов и ограничений. Но главное — унижение человеческого достоинства заключенных: на них были номера, личный номер каждого был нашит на шапке, спине, груди и на колене.

Офицеры оперотдела действовали по разработанной системе провокаций и склоняли заключенных к

взаимным доносам, разжигая между ними вражду, в том числе и на национальной почве. По отношению к евреям поощрялся неприкрытый антисемитизм. Неожиданные ночные проверки держали людей в постоянном напряжении. Заключенных брали поодиночке на допросы, чтобы вызвать подозрение у других, и это приводило к жутким вспышкам беспредельной злобы. Нам не нужно, чтобы вы работали, нужно, чтобы вы мучились, — говорили служащие администрации заключенным, добавляя иногда: вряд ли вы выйдете живыми отсюда.

И действительно, по окончании срока никого не освобождали, а лишь присоединяли к группе заключенных, которых отправляли в ссылку в отдаленные края, где условия были хуже, чем в лагере. Дьявольский этот абсурд доходил до того, что многих зэков охватывал страх перед концом срока. В таких условиях Яка пробыл долгое время.

После смерти Сталина режим в лагерях смягчился. Яка опротестовал статью обвинения и потребовал заменить ее другой, с меньшим сроком, но ответа не последовало. Специальная комиссия, проверявшая в то время дела заключенных, не сочла нужным облегчить его приговор, — возможно потому, что он не раскаялся в содеянном. Позднее второй протест Яки был принят. Яка освободился в Омске в январе 1957 года, после 10 лет и 4 месяцев заключения.

Год следствия на Лубянке был для Мульки годом жестоких мучений и истощения сил. Следователи не брезговали никакими средствами (кроме побоев), чтобы сломить его. Иногда допрос длился 36 часов подряд, следователи сменяли друг друга, в лицо допрашиваемого постоянно светил мощный прожектор. Между допросами его тоже не оставляли в покое. Мечтая о куске хлеба и папиресе (Мулька привык много курить), ослабевший, он часами сидел перед следователями, пожиравшими у него на глазах всяческие яства и с наслаждением курившими. Очки у него отнимали, и это причиняло тоже немалые страдания близорукому Мульке.

Нет нужды говорить, что Мулька не собирался сотрудничать со следователями. Но он прикидывался, будто готов пойти на это в какой-то мере. Выбрав оригинальную тактику, он начал подробно рассказывать о том, чего никогда не было — о подпольной деятельности в таких городах, как Мюнхен, Париж, Лондон. Прежде всего он хотел выиграть время ради тех четырех товарищей, если они еще не перешли границу. Кроме того, он хотел, видимо, запутать следователей, чтобы они не могли отделить действительные факты, известные им об организации, от обильных вымышленных данных, которые Мулька поставлял им из своего богатого воображения.

Несомненно, на основании этой выдуманной им информации расследования проводились в нескольких городах Европы. Специальные советские агенты были направлены для расследования в те места, которые указал Мулька. Они убедились, что ничего подобного там не было. Прошло немало времени, пока следователи поняли, что он морочит им голову. Злоба кипела в них. Наказанием ему было заключение на 50 дней в боксе без окон, освещаемом днем и ночью электричеством, и без права прогулки.

В дальнейшем на следствии Мулька признал кое-что из того, что уже было известно следователям, стремясь при этом уменьшить роль Яки в организации и облегчить участь друга. Постепенно в руки московских следователей попадали данные о деятельности подполья во всех городах, где оно действовало. Выявилась связь между Мулькой и Якой, Копелем Скопом во Львове и Илькой Зайдиным в Риге. Уже стало известно, что Мулька и был тот самый "советский солдат", бежавший из-под ареста в Бресте, оставив в чемодане с двойным дном доллары. В конце концов они пришли к выводу, что Мулька играл центральную роль в этом разветвленном деле.

Страх за судьбу своей сестры Рут, которая с самого начала была тесно связана с делом, весьма усложнял положение Мульки во время следствия. Несомненно, на следствии обнаружилось, что квартирой Рут

пользовались члены подпольной организации, а многие из тех, кто потом исчез, жили в ней. Эта внутренняя тревога усугубляла его мучения в аду советской следственной машины, изводившей его в течение всего года.

Мулька был осужден тем же Особым совещанием, по тем же статьям, что и Яка. И приговор был такой же: 25 лет заключения в ИТЛ.

Поскольку Мулька уже однажды бежал из-под ареста (в Бресте), его отправили в лагерь с особо строгим режимом.

Печора, Абезь и Джантуй — вот названия трех лагерей в Коми АССР, в которых Мулька находился после осуждения. Повсюду за ним следовала папка, перечеркнутая красной полосой, — знак, что заключенный уже бежал из-под ареста. Первый лагерь был уголовным. Здесь все было в руках уголовных преступников. Каким бы тяжелым ни был лагерный режим, среди политзаключенных каждый находит себе друга и какую-то душевную опору. Сплоченная группа заключенных, сохранивших человеческий облик, увеличивает шанс на то, чтобы держаться даже в самых тяжелых условиях. Совсем иное дело лагеря, где содержатся только уголовники, большей частью отбросы человеческого общества. Здесь самые отъявленные подонки диктуют характер взаимоотношений и определяют атмосферу. Правда, через некоторое время Мулька сумел устроиться техником по строительству, но жизнь среди уголовников была очень тяжелая.

Реальную помощь и моральную поддержку он получал из Риги от своей сестры. Содержание его первых писем вызывало удивление: он раскаивался в содеянном, готов понести наказание и обещает хорошо вести себя. Это был обман, предназначенный для прикрытия планов побега. В ответ на настойчивую просьбу Мульки Рут весной 1947 года, через несколько месяцев после его прибытия в лагерь, отправилась к нему на свидание.

Рассказывает Рут Иоффе-Нойман:

“Когда после утомительной поездки я приехала в

лагерь Джантуй и встретила с Мулей, все мои опасения насчет его здоровья улестучились. Он был вполне здоров, прекрасно выглядел, энергия лучилась из него. Благодаря продуктовым посылкам, которые я отправляла ему из Риги, он успел окрепнуть после года следствия. Муля позаботился заранее, чтобы я смогла ночевать в комнате для свиданий в лагере. Мы провели вместе 5 суток. По утрам я провожала его взглядом, когда он уходил на работу в колонне заключенных, скованных попарно по ногам. По обе стороны дороги — конвоиры с собаками. Зрелище было жуткое. Когда же он возвращался с работы, мы без помех могли разговаривать до самого утра. Рассказав обо всем, что с ним произошло, Муля стал описывать мне возможности побега. Он хотел, чтобы я, вернувшись в Ригу, раздобыла для него паспорт, деньги, одежду и придумала способ переправить все это к нему в лагерь. В план побега был посвящен его товарищ по заключению. По словам Мули, они уже начали рыть подкоп под уборной...

Я повторяла ему, что по-моему планы побега нереальны. Никак нельзя убежать из этого лагеря в центре снежной и морозной пустыни. Служащие на вокзале, железнодорожные рабочие — все связаны с органами и получают награду за каждого пойманного беглеца. Лучше добиваться освобождения другими путями, хотя это значило, что ему придется запастись терпением до подходящего момента. Но Муля и слушать не хотел и упорно утверждал, что если он будет долгие годы сидеть, ничего не предпринимая, — он пропал.

В один из последних ночных разговоров Муля открыл мне, что есть еще одна возможность избавиться от отбытия полного срока. Заключенный, состояние здоровья которого внушает опасения за его жизнь, после того как врачебная комиссия подтвердит, что в условиях лагеря его нельзя вылечить, — освобождается по решению местного суда. На советском жаргоне это называется активировка. Правда, много больных и слабых эков, надеявшихся на активировку, умерли прежде, чем были закончены все необходимые формальности.

Муля, который был в отличном физическом состоянии, мог бы стать кандидатом на активировку только после длительной голодовки. По этому поводу Муля ясно сказал мне, что никогда не пойдет на это. Так он мне пообещал, а я в ответ пообещала ему позаботиться о паспорте и всем прочем.

Вернувшись в Ригу, я благодаря счастливому случаю сумела быстро раздобыть для него паспорт. Наметила и возможность переправить к нему в лагерь все необходимое. Но тем временем Мулю и его товарища по задуманному побегу разделили и развезли по разным лагерям. План рухнул“.

Потребовалось 6—7 лет заключения в условиях духовного вакуума и безнадежного одиночества, чтобы вынудить Мульку ухватиться, как за последнюю соломинку, за совершенно нереальное средство, последний шанс, который не был шансом: голодать в расчете на активировку и, следовательно, на освобождение. Решение это оказалось роковым.

В конце 1953 года Мулька был переведен в Читинскую область. Оттуда к Рут стали приходить письма, выражавшие глубокую душевную депрессию. “Я попал в заброшенное и Богом забытое место. Пустынный пейзаж действует угнетающе. Сейчас я так далек от людей и от свободы, что мне ясно: никогда я отсюда не выйду“, — так писал он своей сестре в Ригу. Невыносимо тяжкий этап подорвал его здоровье. Врачебный осмотр обнаружил язву желудка. Общие работы в то время были — лесоповал.

Несмотря на все это, Мулька все еще держался, дух его не был сломлен. У него еще хватало внутренней силы, чтобы укрепнуть и использовать предоставившуюся возможность приобрести специальность на курсах. Эти курсы были организованы в лагере Балей для подготовки бракеров по лесу. В течение полугода Мулька вечерами занимался на курсах после 10 часов тяжелого труда. Он одолел и это благодаря природному здоровью. Цель его была — перейти на более легкую профессиональную работу после успешного окончания курсов. Но в то время он пришел к реше-

цию — морить себя голодом в расчете на активировку. Это было в начале 1954 года.

Позднее от Мульки стали приходиться письма, вызывавшие глубокий страх за него. Состояние здоровья его приближалось к критической точке. Похоже, что произошел и тяжелый психологический кризис. Не следует забывать, что прошло восемь с половиной лет после ареста. В письмах Мулька просил Рут приехать на свидание как можно скорее. В начале марта 1955 года Рут отправилась в ледяную пустыню ради спасения брата от смерти. Рассказывает Рут:

“Расстояние свыше 10.000 км отделяет Ригу от лагеря Балей. Оставив двух маленьких детей на попечение родственницы (муж Рут умер в 1948 году), я отправилась в поездку, длившуюся 40 дней. Полет в Читу продолжался 36 часов. Оттуда я поездом добралась до места, где находился лагерь. Удручающе пустынная местность. Напряженное состояние ожидания встречи. Начальник лагеря, грубый и мерзкий человек, не скрывал своего враждебного отношения к Муле. Он и ко мне стнесся жестоко: не позволил в тот же день увидеться с Мулей. Я лишь узнала, что Муля болен, уже два месяца не ходит на работу и лежит в лагерьной больнице. С тяжелым сердцем вернулась я в дом женщины монголки, у которой остановилась.

В доме доброй монголки Нади я получила вечером записку от Мули. Он подробно описал мне, как обстоят дела, и указал, что мне нужно делать, чтобы добиться его активировки. Я узнала также, что врачи дважды давали заключение, что в лагерных условиях Мулю не вылечить. Но начальник лагеря не подавал и не собирался подавать это заключение на утверждение местного суда. Судьба Мули была всецело в его руках.

Назавтра рано утром я пошла в лагерь на свидание. 3 часа ждала ответа, потом ждала еще несколько часов. Не буду описывать, как надо мной издевались, пока не привели в комнату свиданий, где находился Муля. Увидев его, я была потрясена. Узнать его было невозможно. Передо мной стоял человеческий скелет,

не то живой человек, не то призрак. Только глаза остались Мулины. Я тут же узнала, что перед самым свиданием произошло тяжелое происшествие. Муля приготовил несколько записок с дополнительными указаниями для меня. Надзиратели заподозрили что-то, раздели его догола, устроили тщательный обыск и обнаружили записки. Муля боролся с надзирателями, пытаясь проглотить записки, чтобы они не попали в их руки, и был жестоко избит. Таким его привели на свидание — высохшим, избитым, совершенно потрясенным. Только мы начали разговаривать, как вошел начальник лагеря, всесильный повелитель, и приказал прекратить свидание в наказание за плохое поведение заключенного. Никакие мои мольбы не помогли. Мне разрешили только оставить у надзирателей продукты, которые я привезла для Мули. Совершенно сломленная духовно и физически, я еле дотащилась до дома Нади, пройдя пешком в темноте 6 километров. Мне было ясно, что не удастся помочь Муле, поскольку он окончательно испортил отношения с лагерным начальством. Я сама видела, что он совершал бессмысленные и бесполезные поступки вроде писания тех записок, которые он хотел мне отдать.

Два дня подряд ходила я в управление лагеря, надеясь на свидание с братом, но свидания не разрешали, и приходилось возвращаться ни с чем. Тогда я объяснила свое отчаянное положение и стала умолять начальника лагеря. Наконец он согласился разрешить нам еще одно свидание на следующий день. Мне назначили прийти к восьми утра. Опять те же садистские издевательства. Только в 4 часа дня мне дали свидание — всего на полчаса. Муля был очень подавлен. Он понял, что сам ухудшил свое положение. Он просил меня поехать в областной центр Читу, пойти там к главному врачу лагерей и к представителю обкома, занимавшемуся положением заключенных в лагерях.

В Читу я приехала ночью. Главный врач сказал мне, что он уже дважды подписывал акт, рекомендуемый освободить Мулю по активировке. Он сам представил документы начальнику лагеря. Но начальник ла-

геря, а также областное управление лагерей возражают против освобождения. Начальник управления, полковник МВД, с которым я тоже встретилась, заявил мне, что Муля — преступник-рецидивист, бежавший из заключения, и так далее. Я упрасивала его как могла, пока он не пообещал мне, что все-таки представит дело Мули в суд. В ближайшие дни суд должен был отправиться в поездку по лагерям, чтобы разобрать дела некоторых заключенных. Две недели я провела в Чите в бесконечной беготне, пытаясь обеспечить согласие всех тех лиц, от которых зависело, чтобы Мулино дело было представлено на рассмотрение суда в лагере Балей. Кажется, все было улажено.

Когда я вернулась из Читы в Балей, меня ожидал страшный удар: Мулю переводят в Нерчинск. Опять начала я умолять, чтобы его оставили в Балее на несколько дней, пока не приедет суд. Но все было напрасно. Намерения начальства были ясны: помешать рассмотрению дела в суде. Итак, Мулю отправляли на открытом грузовике в Нерчинск, за 100 км, при 40-градусном морозе.

После долгих стараний я получила разрешение еще на одно короткое свидание перед отправкой его в Нерчинск. В сибирскую пургу я отправилась пешком в лагерь. Пять часов блуждала без дороги, думала уже, что погибну в этой снежной пустыне. Когда я уже совсем была на грани изнеможения, мне встретился на мое счастье человек, который привел меня в лагерь. Свиданке с Мулей мне дали в рамках общего свидания других заключенных с родственниками. Заключенные тесно стояли все вместе напротив родственников. Все громко говорили, перекрикивая голоса соседей. Муля выглядел страшно. Очевидно его физическое состояние тяжело отразилось и на душевном состоянии. Сколько я умоляла его, чтобы он прекратил морить себя голодом! Он стал кричать на меня: "Это единственный способ! Я себя знаю, я сильный, я выдержу!", и не хотел меня слушать.

Затем я поспешила в Нерчинск, чтобы выяснить, что там можно сделать для него. Там я встретилась

с женщиной-врачом, которая лечила Мулю и знала его состояние. Она сказала мне откровенно: шансов на активировку немного, но шансов на то, что он выживет, — еще меньше... Но я, не переставая, металась по разным инстанциям в Чите, Балее и Нерчинске. В конце концов мне опять пообещали, что Мулино дело будет представлено в суд на рассмотрение. Но это был лишь жестокий обман.

Прошло уже 40 дней с тех пор, как я оставила своих детей в Риге. Отпуск у меня был всего на 2 недели. Я боялась, что потеряю работу. Приходилось возвращаться. Я пошла на еще одно свидание с Мулей, боясь, что это будет наша последняя встреча. Так и случилось.

Опять стоял передо мной скелет человека, слабый и отчаявшийся. Опять уговаривала я его прекратить голодовку. "Сейчас многие освобождаются. Есть шанс, что и тебя скоро освободят", — повторяла я ему. На этот раз он согласился со мной и обещал прекратить голодание. Я опять отправилась в Читу, чтобы попасть на прием к большому начальнику, ответственному за лагеря Читинской области. Я пожаловалась ему, что меня уже несколько раз обманывали, обещая рассмотреть в суде дело об активировке брата. Этот офицер ответил мне с грубой жестокостью: все это сделано с моего ведома. Мы знаем, что ваш брат намеренно морит себя голодом. Он большой преступник. Я не хочу, чтобы его освободили из лагеря. Мы отправим его в больницу в Хабаровск, и там его вымечат. Потом опять будем его воспитывать.

На обратном пути я задержалась в Москве. Там я опять стала бегать по разным учреждениям, чтобы пожаловаться на самоуправство местной администрации в Чите, Балее и Нерчинске. Это было последнее, что я могла сделать".

Через некоторое время Мульку перевели в Хабаровск. Оттуда пришло от него еще несколько писем. 4 месяца пробыл он в хабаровской больнице и опять был взят на этап. Перед выездом, в четверг 28 сен-

тября 1955 года, Мулька отправил свое последнее письмо.

“От всего сердца благодарю тебя за деньги, которые ты мне прислала, но боюсь, что ты отрываешь последние копейки от себя и от детей. Кроме того, ты опять откладываешь свое лечение, а оно тебе необходимо. Об этом мне уже надоело тебе напоминать. Поэтому, хотя деньги мне очень помогут, каждый литр молока, который я на них покупаю, застревает у меня в горле.

Это мое письмо — то самое, которое я обещал тебе в моей второй телеграмме. В ней я сообщал тебе, что в ближайшие дни мой адрес изменится, но до сих пор еще не знаю как. Может, в конце письма смогу что-нибудь сообщить... Все мои мысли и усилия направлены сейчас на то, чтобы окрепнуть. Я изо всех сил стараюсь хоть немного выздороветь. О полном выздоровлении говорить не приходится, поскольку врачи заявляют, что в этих условиях они не могут меня вылечить. Насчет переезда в новую больницу—восьмую на моем счету, — хочу надеяться, что доеду живой. Что бы ни случилось, нельзя терять надежды. Хотя я по-прежнему страдаю, я все же крепну. Не хотелось писать тебе об этом, но если я требую от тебя откровенности, то и сам хочу служить примером... Больше о себе добавить нечего, ведь ты знаешь мое состояние“.

Письмо оборвано, нет ни прощальных слов, ни подписи. На следующий день после того, как это письмо было написано, Мульку взяли в последний этап — из Хабаровска в Биробиджан!

О последних днях Мульки стало известно от очевидца, татарина Алиева, его товарища по больнице и этапу. Больных поместили в закрытый вагон. Каждый получил продукты сухим пайком. В вагоне не было ни врача, ни сестры, никого, кто мог бы оказать хоть какую-то помощь тяжело больным. Этап длился 7—8 суток. Когда поезд остановился на станции Бира, больные были в полном изнеможении. Мулька был в состоянии агонии. Его друг татарин нашел его без сознания. Алиев сидел у Мулиной койки до последнего

его дыхания. Случилось это в ночь с 4 на 5 октября 1955 года.

Заканчивает Рут:

“И на первом свидании с Мулей в 1948 году, когда состояние его было удовлетворительным, и на втором свидании, когда я нашла его тяжело больным, он говорил мне одни и те же слова: “Никто на моем месте не выполнил бы дела так, как я. Даже если бы я знал, что спасу только одного человека, и за это меня ждет этот горький конец, — я бы все равно сделал то, что я сделал. Я не раскаиваюсь”.

Закончились муки и страдания Мульки Иоффе.

Здесь описана лишь часть из того, что он делал и испытал.

Арест членов движения, стоявших во главе операции “Бриха из Латвии — 46”, явился провалом, омрачившим итог дела. Но, несмотря ни на что, успех этой операции соответствовал ее дерзкому замыслу. Чем же объясняется то, что при таком размахе дела оно все-таки увенчалось успехом?

Главное объяснение, вероятно, кроется в сплоченности воспитанников латвийского движения, проявившейся еще в дни коммуны в Ташкенте. В отличие от некоторых других организаций, в группе этой не было ни доносчиков, ни изменников, которые предали бы дело по моральной или идейной слабости.

В эту группу нельзя было заслать провокаторов извне. Организация действовала с максимальной конспирацией, однако не раз она шла на самый отчаянный риск. Если руководители организации и ее активисты порой и шли на чрезмерный риск, они всегда ставили под удар себя, а не товарищей. Моральные нормы организации можно определить так: “В опасность — за мной, спасаясь от опасности, — впереди меня”.

В подтверждение наших слов приведем два свидетельства.

Нехемья Гросс рассказал: “Когда благодаря отлично проведенной операции я вернулся с севера в Вильну,

меня поразила сила и размах деятельности группы, возглавляемой Мулькой. Это был вождь, улыбчивый и энергичный командир в гражданской одежде... Я близко познакомился с механизмом НКВД — мощной, всезнающей и всеохватывающей машиной в СССР. Все советские граждане глубоко верят, что нет возможности одолеть ее, нет возможности уйти от встречи с ней. Поэтому я был так поражен, познакомившись вблизи с работой этой смелой и столь успешной группы. Не думаю, чтобы в истории Советского Союза до тех пор была организация, которая сумела бы так обойти машину советской охраны“.

Мы теперь знаем оценку работы операции Бриха в Риге, высказанную работником рижского НКВД. Этот человек, неоднократно допрашивавший Рут Иоффе, спустя несколько лет встретил ее случайно, будучи пьяным. С откровенностью, на которую способен лишь пьяный, он сказал ей:

“Сейчас, когда я уже не на службе, я должен вам сказать, что вы были мужественны и последовательны в своей борьбе. И еще должен вам сказать, что ваш брат совершил исключительное по размаху дело. Я думаю, что вы отважные люди. Испытываю к вам самое большое почтение“.

КОНЕЦ

ПРИЛОЖЕНИЕ

АЛИЯ — переселение евреев в Палестину (Израиль).

АЛИЯ ВТОРАЯ — вторая волна олим в начале XX века до первой мировой войны, заложившая основы рабочего и халуцианского движения.

АЛИЯ ТРЕТЬЯ — третья массовая волна олим после первой мировой войны — халуцианская по своему характеру.

АЛИЯ ЧЕТВЕРТАЯ — четвертая волна олим средних классов главным образом из Польши (1924—1928).

АЛИЯ ПЯТАЯ — пятая волна олим (до второй мировой войны), в основном из стран Восточной Европы, а также из гитлеровской Германии.

АЛИЯ БЕТ — так называемая нелегальная алия, в отличие от алии по разрешениям британских мандатных властей.

БЕЙТАР — (Брит Йосеф Трумпельдор) молодежная организация сионистов-ревизионистов — последователей Жаботинского; первое отделение Бейтара было основано в Риге в 1923 году.

БОГЕР (множ. богрим) — старший, взрослый (см. шомер).

БРИХА (Побег — иврит) подпольная организация, осуществлявшая после Катастрофы европейского еврейства в 1939—1945 гг. переброску евреев из Восточной и Центральной Европы к портам Средиземного моря с целью дальнейшей их переправки в Палестину.

БУНД — (Союз — идиш) социалистический союз еврейских рабочих Литвы, Польши и России, созданный в 1897 году в Вильне. Бунд считал себя частью РСДРП.

ГАКИБУЦ ГААРЦИ — союз кибуцов Гашомер га-цаир, основан в 1927 году. Идеологически связан с левым крылом сионистского халуцианского движения.

ГАКИБУЦ ГАМЕУХАД — союз кибуцов (осн. в 1927 году), объединивший выходцев из халуцианских

- организаций Гехолуц, Гдуд гаавода, Гашомер гацаир (СССР), Нецах, Хабоним, Маханот олим и др.
- ГАШОМЕР** — (Страж — иврит), первая еврейская организация оборонно-поселенческого характера в Палестине (1909—1920).
- ГАШОМЕР ГАЦАИР** — (Молодой страж — иврит) — халуцианская организация в ряде стран Европы, в частности в СССР, а также в Северной и Южной Америке.
- ГДУД ГААВОДА** — (Рабочий отряд — иврит) — организация 20-х годов в Палестине, целью которой было заселение страны путем создания оборонно-трудовых коммун.
- ГЕХОЛУЦ** — сионистская организация пионеров-активистов, стремящихся переселиться в Палестину для освоения страны.
- ГЕХОЛУЦ ГАЦАИР** — молодежная организация в некоторых странах Восточной Европы.
- ГИСТАДРУТ** — Всеобщая федерация профсоюзов трудящихся Палестины - Израиля (осн. в 1920 г.). В годы Британского мандата функции Гистадрута включали, среди прочего, абсорбцию олим, создание новых поселений и т.д.
- ИШУВ** — (Население — иврит) — еврейское население Палестины - Израиля.
- КВУЦА** — (Звено — иврит) — коммуна из 10—12 членов организации.
- МАДРИХ** (множ. мадрихим) — инструктор.
- МЕРКАЗ ЛА-ГОЛА** — (Центр для диаспоры — иврит) — комитет содействия переправке в Палестину евреев, спасшихся от нацистов. Создан в 1945 г. в Италии при Еврейской бригаде.
- МИЗРАХИ** (Гамизрахи) — сионистское религиозное движение, основанное в 1920 г. в Еилъне, в 1956 году объединилось с Гапозл гамизрахи в Национальную религиозную партию Израиля.
- МОЭЦА РОШИТ** — (Главный совет — иврит) — вещательный орган организации.
- ОЛЕ** (множ. олим) — репатриант в Палестину (Израиль).

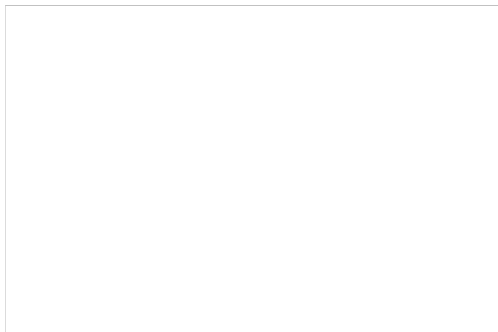
- ПАЛЬМАХ** — (Аббревиатура ивритских слов: Пугот махац — Ударные бригады) — военная организация, существовавшая в Палестине в 1941—1948 гг., состоявшая из мобилизованных членов Хаганы.
- ПЛУГА** — (Отряд — иврит) — организационное подразделение, состоит, как правило, из 4 звеньев.
- СЕРТИФИКАТ** — разрешение на въезд в Палестину в соответствии с ежегодной квотой на иммиграцию евреев, устанавливавшейся британскими властями.
- ХАГАНА** — (Оборона — иврит) — еврейская подпольная военная организация, действовавшая в Палестине с 1920 г. до провозглашения независимости, когда она стала костяком Цахала — Армии Оборона Израиля.
- ХАГШАМА, ХАГШАМА ИШИТ** — персональное выполнение идейных заветов халуцианства.
- ХАЗАК! ХАЗАК ВЕЭМАЦ!** — (Крепись! Будь силен и смел! — иврит) — библейское приветствие, принятое в организации.
- ХАЛУЦ** (мн. халуцим) — пионер, идущий впереди.
- ХАХШАРА** — подготовка к халуцианской жизни в Палестине.
- “ХОМА У-МИГДАЛ”** — (“Стена и башня” — иврит) — система постройки за ночь стены и башни, т.е. нанесение на карту Палестины нового еврейского поселения (как правило, кибуца), была принята сионистским руководством во время кровавых событий в Палестине в 1936—39 гг.
- ХОРА** — групповой народный танец, популярный среди сионистской молодежи.
- ЦИПО** — (Централэ идише шул-организацие — центральная организация еврейских школ — идиш) — объединение учителей противников сионизма, преподававшие в еврейских школах в ряде стран рассеяния.
- ЦОФЕ** (мн. цофим) — скавт. член организации, относящийся к средней ее прослойке.
- ШАЛИАХ** (мн. шлихим) — посланец, делегат, направленный на работу в организацию.

ШИХВА — возрастная прослойка в организации.

ШОМЕР (множ. шомрим) — член организации, относящийся к старшей ее прослойке.

ЭРЕЦ — сокращение Эрец Исраэль, земля Израиля.

ЭРЕЦ ИСРАЭЛЬ ХАОВЕДЕТ — (Трудовой Израиль — иврит) — блок левых сионистских партий и организаций.

- 1—2. Леон Юрис : ЭКСОДУС
3. Др. А. И. Кауфман : ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит : ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арне (Лева) Элиав : НАПЕРЕГОНКИ
СО ВРЕМЕНЕМ
6. Др. Е. Хисин : ДНЕВНИК БИЛУИЦА
7. Макс Брод : РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ
(Процесс Эйхмана)
9. А. И. Гешель : ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ : Еврейские мотивы
в русской поэзии
11. Натан Альтерман : СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниховский : СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль : ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам : ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Арон Мегед : ХЕДВА И Я
16. Яков Цур : И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль : ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. Стихи советского еврея : ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ
19. Говард Фаст : МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский : РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА
И СЕГОДНЯ
21. Игал Алон : ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер : УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш : ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917—1967)
25. Ш. И. Агнон : ИДО И ЭИНАМ
Рассказы, повести, главы из романов
26. Элизер Смоли : ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Товия Божиковский : СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 2
30. А. Итай и М. Нейштат : ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ

— קורותיה של תנועה

נ.צ.ח. בלטיבה